

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 1-2 2017

Литературно-художественный журнал

РАБОТЫ ЕКАТЕРИНЫ БАЛИЦКОЙ

«Внутренний покой»

«Эмоция»

«Этюд»

XXI ВЕК

ВОЛГА

1-2 2017

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Валерий КРЕМЕР. **Мы никогда не станем старыми** 3

ОТРАЖЕНИЯ

Ольга КОЖЕВНИКОВА. **Дневник другой жизни** 7

ПОЭТОГРАД

Евгений ЭРАСТОВ. **Высокий берег** 52

ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА

Натэлла ЛЕВИЦКА. **Два рассказа** 57

ПОЭТОГРАД

Иван ПЕЧАВИН. **На распутье** 69

Михаил МУЛЛИН. **Преддверье рая** 75

Е. РУСЛАНОВ. **Зелёная лодка** 82

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Валерий АНИКИН. **«Перед нами открылся
новый увлекательный мир науки...»** 86

Сергей КОРОБКОВ. **Голос с Piazza della Signoria** 95

ПОЭТОГРАД

Кристина АНДРИАНОВА. **Светлояр, Байкал и Ладога** 101

В САДАХ ЛИЦЕЯ

Алексей НИКИТИН. **Невыгодный человек** 107

В МИРЕ ИСКУССТВА

Николай БАЛИЦКИЙ. **Время молодого художника** 112

ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА

Александр ЛЕПЕЩЕНКО. **Смешные люди (Продолжение)** 123

СТАТЬИ

Екатерина ХРАМЕНКОВА. **Особенности чтения: связь автора с читателем** . . . 160

КНИГА-СОБЫТИЕ

Михаил МУЛЛИН. **Проза Петрарки на русском. Наконец-то...** 167

РЕЦЕНЗИИ

Елизавета ДАНИЛОВА. **Образ времени** 172

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Василий КУРЫШОВ. **Записки личного характера (Продолжение)** 173

**Валерий
КРЕМЕР**

МЫ НИКОГДА НЕ СТАНЕМ СТАРЫМИ

***

Я оттуда, где ветер в карманах,
А дороги сомкнулись кольцом,
Где заветная радость в стаканах
Отливает под утро свинцом.

Я оттуда, где сны и могилы,
А вода, словно порох, горит,
Где слепая, неспетая сила
Разрывает себя изнутри.

***

Как бьётся солнце в небо голубое,
Как тишина качается в ночи.
Ты знал всегда и это, и другое –
И потому безумствуй и молчи.
Ты принял всё: и даль, и постоянство,
И ледяной, всё близящийся плач,
Прекрасных дней опасное пространство,
Где ты всегда спаситель и палач.

***

Я есмь. Как песнь, как откровенье,
В тиши дворов, во тьме ночей.
Я есмь, и каждое мгновенье
Мне говорит: «Родной, ничей».

-
- Валерий Адольфович Кремер родился в 1954 году в Саратове. Окончил филологический факультет СГУ. Служил в армии, работал учителем в сельской школе, корреспондентом в различных газетах г. Саратова. Член Союза писателей России. Стихи печатались в журналах «Волга», «Волга–XXI век», «Новая Немига литературная», «Великоросс», «Московский Парнас», в литературно-художественных альманахах «Саратов литературный», «Зелёный остров», «Сюжет», «Моргенштерн» (Союз российских немецких писателей), «Тритон» (г. Москва), «Трехцветная кошка» и «Сквозь тишину» (г. Санкт-Петербург). Лауреат фестивалей поэзии в Волгограде и Сызрани. Автор семи книг стихов: «Путь» (1990), «Время вдоха» (2000), «Путешествие к Центру Вихря» (2005), «Свидетельство о жизни» (2007), «Под небом молодым» (2010), «Другие дни» (2014), «Любость» (2016) и прозаической книги «Спрятанный свет» (2015).

Я есмь, хоть это невозможно,
Казалось бы. Но вот я весь.
Мы спим. Ты дышишь так тревожно.
Не бойся, милая, я есмь.

***

Дай руку мне, любимая, пройдемся
По городку, куда судьба примчала,
И снова друг для друга вдруг найдёмся,
И снег пойдёт. Как будто всё сначала.

Дай руку мне, любимая. Ненастье
Не для любви. Мы – выше. Будь со мною.
Пусть в свете фонаря танцует счастье –
Оранжевое, глупое, родное.

***

Но кто мне подарит осеннее поле
И крики ворон, что царапают слух,
Когда я бреду, задыхаясь от боли,
Когда уголёк моей жизни потух?
И как же случилось, что я потерялся
В толпе суетливой, в мелькании дней?
Я столько встречался, я столько прощался,
А жизнь становилась глупей и тесней.
На волю, на волю... Вобрать бесконечность
И выдохнуть истину раз навсегда,
Забыв про бесплодность, неверность, увечность
И видя, что в небе всё та же звезда.

***

Никто не знает, как всё сложится.
Дорога страшно далека.
И больно вдруг кольнёт под ложечкой,
И отдалится вмиг река.
А я с ней жил, смеялся, мучился,
Бросал монетки, уходя,
И всё до случая, до случая,
До снега, ветра и дождя.

***

Мы никогда не станем старыми,
Ты понимаешь – никогда.
И будем вновь звенеть гитарами
И слышать, как поёт звезда.
Пойдём на светлое мучение,
Пытаясь выпевать своё
И видеть вечное свечение
И беспредельный окоём.

***

И снова боль, и мрак, и ночь,
И невозможность быть.
Прости их всех, им не помочь,
Не могущим любить.

А ты всегда была собой,
Не забывай об этом.
Ты в чистом поле.
Твой покой –
Наедине с рассветом.

***

В небе птицы, и рыбы в воде.
Чудный мир, что во мне и вокруг.
Я один, я и здесь, и нигде.
Я рождаюсь в касании рук.
Как легко очутиться в седле,
Смело мчаться по воле Творца.
Как легко заболтаться в петле,
Но как трудно дожить до конца.

***

И горький сок травы, и сладкая клубника,
И тёмный хмель ночей, и танец облаков –
Всё улетело вдаль. От мала до велика.
Но я тогда был там. И был таков, каков...
Не значит ничего всё, что когда-то было.
Касанье пальцев, дрожь, случайная печаль.
Казалось, навсегда всё это будет мило,
Но нет, не навсегда, а всё же страшно жаль...

***

О чём ты пишешь? Я не знаю,
Наедине с большой бедой
Я только душу ощущаю
И не даю ей быть иной.
Я сплю. Но мчится колесница
По краю яви, краю сна,
И колокольчик, словно птица,
Летает, не касаясь дна.

***

Жить и жить – и не тревожить вечность.
Что нам надо? Надо просто жить.
Медленность, созвучие, беспечность,
Времени невидимая нить.

Вот и всё. И ты запомни это,
Открывая лето по цветку
И не зная точного ответа,
Впитывая небо по глотку.

***

Я шёл. Зима. И дерево стояло
Так просто, ни о чём, вращая в высь.
Подрагивали ветки, их качало
От ветра. И сказал я: «Оглянись,
Куда идёшь ты, одинокий странник,
Изведавший измену бытия?
Ты не поверишь, но ведь ты избранник,
Как дерево и как душа твоя».

***

Больше стараешься, а получается хуже.
В небе планеты в свою неизвестность летят.
Жизнь почему-то становится уже и уже,
Будто бы можно прожить не любя, не хотя.
Будто бы можно когда-нибудь остановиться
И позабыть: мы – движение вдаль и внутри,
Будто летать позабудут наивные птицы,
Видишь – взлетели, смотри на них, просто смотри.

***

Столько было всего – и не вспомнить вовек.
И зачем вспоминать – новый день за окном.
Так же солнце встаёт, так же падает снег.
Снег всё тот же, и он говорит об одном:
Помнишь эти глаза, помнишь эти слова,
Эти губы, чью спелость забыть ты не смож?
Снова вспомнишь – и кружится вновь голова.
Ты ведь лишь человек, а не киборг, не Бог!

***

Только я и Вселенная.
Тишина.
Остальное всё тленное.
Жизнь без дна.
На ладони качается
Солнца луч.
И ничто не кончается
В вихре туч.
Ты проснёшься – таинственный
Сон во мгле.
И поймёшь: ты единственный
На Земле.

Ольга
КОЖЕВНИКОВА

ДНЕВНИК ДРУГОЙ ЖИЗНИ

Часть I

Трёхлетний Алёша:

– Мама! Когда у меня вырастут крылья? Я уже хочу летать!

***

Уезжаем в деревню, в глушь, в провинцию, хоть не у моря, но там Волга как море. Возвращаться в Петербург пока не планируем.

Сходили на прощанье в Эрмитаж. Сверкает, как в детстве. Видать, его почистили, умыли, избавили от пыли.

Почти не было посетителей. Мы ходили осторожно, всё казалось: вдруг выгонят...

Алёша был ошеломлён, то замирал, то носился вприпрыжку, то, медленно кружась, смотрел во все глаза во все стороны:

– Как красиво! Очень красиво!

Гладил скульптурные ножки, трогал лица. Я брала его на руки для этого. Пока не возмутится и не закричит старушка в углу на стуле.

Перебегал от одной картины к другой, кричал:

– Стоп! Ещё картинка!

Вдруг – ангел Фальконе. Так вот же подтверждение надежды!

– Мама, смотри! У него уже выросли крылья! Он уже может летать?

Старшие братья навестили любимца – Юпитера. Алёша оробел:

– Огромный какой... Он живой?

-
- Ольга Алексеевна Кожевникова родилась в 1972 году в Санкт-Петербурге в семье врачей. В 2016 году переехала с мужем и детьми из Санкт-Петербурга в посёлок Ровное Саратовской области. Мать четверых детей. Индивидуальный предприниматель. В литературно-художественном журнале публикуется впервые.

– Нет, он – скульптура. Из мрамора. Скульптор взял большой кусок мрамора и убрал всё лишнее.

– А почему он старый?

***

По вечерней Дворцовой площади и по Невскому шла как по границе. То же чувство. Давно не была. Немножко позабытого восторга. Часто ходишь – обыденно, почти не видишь и не чувствуешь.

Молодёжь, художники, уличные музыканты, подсветка повсюду...

В метро смотрела на людей – жалела немного. Всех нас, людей. Какие мы, неразумные приматы, разнообразные, столько всего создали, пользуемся... Была б у меня вера, я бы молилась. За тех девчонок и старух, и за важного дядьку в костюме, и паренька с учебником матстатистики, и грустного алкаша с пупырчатым красным носом... Защити Господи их от хаоса и абсурда, пусть всем им будет добрая дорога без отечественных ухабов.

Гитарист в вагоне спел второпях нехорошим голосом. Кланялся подающим. Илюше – не сразу. Как будто подумав: ребёнку – кланяться?

– Мама, тебе понравился музыкант?

– Нет.

– Зачем же ты дала ему денег? Тебе его жалко?

– Нет.

Не смогла объяснить. Из солидарности, что ли? Сама не знаю.

Пришли домой – разруха: собираем пожитки. Одной ногой уже дома. Как бы дождаться поезда...

***

Адский выдался прошлый год. Большую его часть можно смело вычёркивать из памяти. Самое время ещё раз попробовать всё помянуть. Вот и уехали, и приехали в деревню. Нас будто выпустили из клетки на волю. Очень сильное ощущение, хотя городское напряжение не успело ещё уйти. Посмотрим, что получится на этот раз. Никогда не угадаешь заранее. Тяжёлая дорога, долгая. Устали.

– Мама, почему поезд такой вонючий?

– Мальчик, ложись спать сейчас же! А не то так устанешь, что родители тебя потом не смогут разбудить и оставят тебя в поезде, и не попадёшь в свою деревню. Ты в садик ходишь?

– Ещё нет. Скоро пойду.

– Не ходи. Там детей спать заставляют.

– Я пойду. Я хочу с детишками играть. С маленькими.

– Да не ходи, нечего там делать, в садике. Сиди лучше дома с мамой.

Уснув в поезде и, таким образом, почти полностью пропустив трёхчасовое путешествие на машине, Алёша проснулся уже дома в четверть шестого утра и страстно обследовал дом и двор, увлечшись и почти растворившись в окружающей обстановке. Счастлив. Лягушки уже завели свои песни с переливами, соловьёв с кукушками ещё нет. На Волге волны и ветер, тростник. Красивые коряги валяются по всему пляжу.

Когда в доме всего три человека, быт делается пустяком, почти не требующим внимания.

Старшие дети приедут позже.

Физический труд на воле, да на свежем воздухе, да на благо своего семейства особенно благотворен для психики. Занялись огородом и садом.

Наша улица одним концом упирается в берег Волги, а если ехать по прямой до другого конца, опять окажешься на берегу. Посёлок выдаётся мысом в реку. Она здесь шириной 12 километров.

Есть брошенные дома, сквозь дыры в их крышах растут деревья, как в сказке. Есть и новые – богатые и ухоженные. Большею частью дома здесь немецкой постройки столетней давности. Нетронутые старые дома выглядят лучше, чем после ремонта. При ремонте многие вынимают окна, отдирают резные ставни и наличники и вставляют в образовавшиеся обглоданные дыры стеклопакеты. Стены сруба некоторые обшивают каким-то серебристым материалом, рубероидом и ещё бог знает чем. Много домов, отремонтированных таким манером на треть или половину. Раньше стены обмазывали глиной, перемешанной с соломой. От такого покрытия летом в доме прохладно, а зимой тепло. Сохранились ещё местами саманные домики – из глины. Смотрятся живописно. От них веет древностью.

Все дома стоят окнами на улицу, не прячутся в глубине двора за заборами, как в Ленинградской области. Пирамидальные тополя придают посёлку южный вид.

На главной площади – памятник Ленину, и есть ещё памятник арбузу в парке напротив районной администрации: большой зелёный арбуз на постаменте.

***

Муж принёс карасей. Не хочу видеть, как рыба трепещет, медленно погибая на воздухе, и не избавиться от этого зрелища.

– Ты хочешь, чтобы я её сразу убивал? Как? Об дерево её бить? Камнем забивать? И что обо мне подумают, если увидят?

Алёша схватил сетку с рыбой и танцевал с ней под музыку. Жарить не давал.

– Моя рыба!

***

Три дня не читала новостей, и возникла иллюзия, будто уехали туда, где их нет.

Просмотрев заголовки и, как обычно, ужаснувшись, не стала вдаваться в подробности. Ещё недавно, читая новости и всё чаще не веря своим глазам, болела душой, а теперь уже хочется от новостей спрятаться. Не хватает душевных сил на весь гнев и бессилие, которые испытываешь, читая прессу. Достаточно и того, что мы в курсе в общих чертах.

***

Ездили в степь, к маленькому заливу, где рыбалка. В степи свежая зелень, которая бывает только весной, а потом выгорает на жаре. По

берегам залива высоченная, в два человеческих роста, прошлогодняя жёлтая трава.

Муж с Алёшей наладили снасти, я поодаль высматривала сусликов, чтобы сфотографировать. С другого берега вдруг – отчаянный визг и крик. Долгий, протяжный, во всю поросычью глотку.

– Что это там за крики?

– Наверное, свинью режут.

И сама догадалась, просто удостоверилась. Очень громкий крик, который рвётся из тела непроизвольно и безудержно, это кричит ретикулярная формация. Даже по телу прошла жаркая волна этого свинячьего смертного нестерпимого чувства и ужаса неотвратимости происходящего, отчаянной невозможности вырваться и спастись от крайней, наивысшей степени боли и страха. Зачем я невольно и автоматически примериваю на себя рыбью и свинячью смерть, откуда такое неприятное и болезненное воображение? Как люди от подобных вещей абстрагируются, не знаю.

Сусликов на этот раз не видали. Алёша на обратном пути уснул прямо на моём велосипеде, счастливый и умиротворённый.

***

В саду, в той его дальней одичавшей стороне, куда без топора не пробраться, в зарослях молодого клёна поселились горлицы.

Ещё полно ёжиков. Они ходят вечером, и брать их в руки легко, так как у них нет реакции бегства. Только в темноте их не видно. Разве что пройдёшь совсем близко, и ёж зашипит, всшипнёт внезапно в траве. У нашей собаки таксы ежевечерние истерики. Найдя ежа, не может ни взять его, ни отойти и скачет вокруг него с визгливым лаем, пока не оттащишь.

***

– Ну вот, Алёшка, всё помыли, теперь, когда немножко потеплеет, будем с тобой везде окна мыть.

– Мам! Давай лучше пойдём покакаем.

***

Пятница – базарный день. На пятничный базар съезжаются жители окрестных деревень, где почти нет магазинов. Толкотня. Продаётся всё: одежда и обувь, куры, гуси, утки и корм для них, мебель, автомобильные запчасти, кролики, поросята, велосипеды, сантехника, плодовые деревья, игрушки и книжки, грабли и прочие необходимые в хозяйстве вещи. Мы купили куриц – белых и рыжих, и два деревца черешни. И ещё два куста смородины – белой и чёрной. Красной почему-то не было. Петуха, муж сказал, пока не надо. А они красивые. Раньше мне не нравились белые курицы, напоминающие птицефабрику – грязные вечно какие-то. Но эти наши – прелестные. Стройные, с длинными перьями, ангелоподобные такие. Летучие, в отличие от коричневых. Сразу ручные. Их очень нахваливали тётки на базаре, мол, несутся по несколько лет каждый день.

– Ну что, не будем брать поросят?
– Ты видел их глаза? Ресницы длинные. Косятся испуганно. Если возьмём поросёнка, он у нас будет жить до старости, ты же понимаешь. Невыгодно.
– Понятно. И умрёт своей смертью. Не будем брать.
Ещё немножко цветов купили разных – посадить вдоль забора. Даже не знаю, как они называются. На картинке красивые. И картошки два мешка очень дёшево.

***

– Эх, мамочка, мамочка. Если бы ты научила меня летать, и я бы полетел...
– Куда бы ты полетел?
– Просто летал бы. А потом прилетел бы в курятник.
– К сожалению, люди не летают. И собаки, и кошки тоже. Люди могут бегать, прыгать, лазать и ещё плавать. Плавать ты можешь научиться, а летать нет. И я не могу.
– И папа не может, и ты, и Ик-Мяк, и Сёся, и Чапа... Я понял: люди не летают.
– У нас ведь крыльев нет. Мы на самолёте можем летать.
– А плавать я могу научиться.
– Да.
– Я хочу летать.

***

Решились по случаю обзавестись лавкой рыболовных снастей. Товару в ней видимо-невидимо, и всё красиво расставлено, развешано и разложено. Судьба так ловко свела нас с этим магазинчиком, что и думать ни о чём не надо. На всё готовенькое. Самим сначала начинать здоровья нет. Видимо, подобные моменты укрепляют веру у людей верующих. Прежний хозяин обещался на первых порах помочь. Теперь будем оформлять бумажки, чтобы тщательно соблюсти законность в стране беззакония.

Весь день напролёт в подсчётах и расчётах. В новой ипостаси осваиваем бухгалтерию.

О заработках не думаю. Будет удачно – хорошо, будет плохо – не впервой. Что-нибудь ещё придумаем. На худой конец, маленькая зарплата в больнице меня всегда ждёт. Жаль, что здесь нельзя на неё прожить. Слишком маленькая. Я-то думаю, единственное, что в моей жизни было действительно стоящего и оправдывающего моё существование, помимо рождения четверых детей, – это работа в операционной.

Муж настроен решительно. Уговариваю не работать с утра до ночи без обеда и выходных, как обычно. Сам же говорил, где счастье. Про совместную с детьми созидательную деятельность, покой, рыбалку и хаотическую бессистемную возню в саду; на что взгляд упадёт, то и делать, попало в поле зрения другое – браться за другое, и так целый день. Помогать при такой манере трудно: требуется специфическое состояние души.

В общем, торопиться и суетиться не будем. Надо беречь нервы, силы и время, чтобы всё получилось гармонично, насколько это возможно.

***

Алёша сквозь сон:

– Я хотел покататься на Луне... Промчаться на коне... Но боялся упасть вверх...

***

Зашли мы с Алёшей в лавку, чтобы проведать, как идёт наша торговлишка. Идёт понемножку. Пришёл казах, спрашивает:

– Завидушка у вас есть?

– Какая завидушка?..

Муж не растерялся:

– Покажи, – говорит, – руками, какая рыба.

Показал метра полтора.

– На сома, что ли?

Дал ему толстой лески, крючков огромных, ещё каких-то штук непонятого назначения. Тот ушёл довольный.

– Закидушка, а не завидушка.

Пришла тётка, купила шапку рыбацкую, говорит:

– И в огороде копать, и для красоты. И сыну подойдёт.

Старичок спиннинг спросил какой получше, сыну в подарок. Мужу нравится. Приятное, говорит, умиротворяющее занятие. Возится со всеми этими яркими блестяшками, раскладывает по коробочкам. С рыбаками ведёт беседы. Хобби стало работой.

Алёша недоволен, что всеми этими сокровищами нельзя поиграть и распорядиться по-своему. Вечером поговорил с братьями, вдруг расстроился и решительно засобирался.

– Всё, поехали в город, к мальчишкам. Мама, идём! Одень меня!

Долго утешали, уговаривали, мол, скоро приедут мальчишки. Успокоился. Ждёт.

***

Бывшая одноклассница написала мне, что её внуку исполнился год. А у нас-то младшему сыну три. Поздние дети придают ощущение молодости. Вспоминает, как слушали до дыр пластинку Никитиных. А я одноклассницу помню и пластинку, но по отдельности. Когда и где мы её слушали?.. У меня другое в памяти. Как мальчик, сидевший в классе позади неё, был пылко в неё влюблён. Однажды он сказал: «Какие волосы красивые и удивительные! У всех обычные, а у неё каждый волосок на конце раздваивается!»

Говоря с людьми о давно прошедшем времени, проведённом вместе, всякий раз убеждаешься, что позабыты целые куски жизни. Воспоминания почти всегда оказываются разными. Забываем полжизни и даже не знаем об этом, пока случайно не убедимся со всей очевидностью.

Давно это обнаружила и с тех пор жалею о забытом. Однажды может настать момент, когда, кроме далёкого прошлого, в жизни не останется совсем ничего.

***

- Беда, мать: твоим курам грозит опасность!
- Что такое?
- У нас под крышей какой-то зверь завёлся – ласка или хорёк. В дырку сейчас морду высунул, рыжую с белой маской. Ласка, наверное. И потопал.
- Я тоже слышала. Думала, это коты ходят.
- Коты не так ходят. Коты ходят – топ-топ-топ. А эта – топ-топ, топ-топ.
- Понятно. И что же делать?
- Посмотри в интернете, как с ними бороться.
- Смотрю. Пишут, надо козла в курятник. Он их отпугивает. Или медвежий жир.
- Других способов нет?
- Ещё капкан, но это не то. Может, сеть на неё поставить? Сетью поймать и переселить куда-нибудь.
- Куда? К соседям?
- Ну, в какой-нибудь заброшенный дом.
- И яйца будет таскать. Яиц не будет.
- Так вот кто соседских голубей ест! У нас в огороде две кучи перьев было. А я думала, собака.
- Прочитай, на каком расстоянии они охотятся. Хотелось бы знать радиус поражения.
- Это не написано.
- Надо соседу сказать.
- А что сказать? Перья ваши – ласка наша, иди купи сетку у меня?!
- А на чердак можно попасть – посмотреть, где там у них гнездо?
- Нет, там не пролезть. Ладно, что-нибудь придумаем. Алёшка, поехали на рыбалку, собирайся!
- Рыбалка не удалась. Алёша всех рыб выпустил обратно в воду.

***

Сидели выбирали название для рыболовного магазинчика. Перебирали варианты: «Главрыба», «Тихий омут», «Супербраконьер», «Удача»... «Демьянова уха» – название в нашем случае со смыслом, хоть и пресное. Некоторое время лидировал «Весёлый опарыш», но муж сказал:

– Они же меня будут так называть! Надо сначала продавца нанять, а потом такое название давать!

Так и не знаем, как назвать магазинчик.

***

Родственники соседа приносят нам молоко, творог и сливки, которые здесь называют сметаной. А сегодня утром рано пришли и спрашивают:

– Сколько у вас кур? Петушка возьмёте? Хотели зарубить, а потом думаем: у вас же петушка нет...

– Алёша, нам петушка принесли!

– На палочке?

– Нет, на ножках. Пойдём посмотрим!

Взяли мы с Алёшей мешок из-под сахара с петушком. Выпустили в курятнике, и он поскакал, вскидывая ноги, как молодой жеребец-першерон, сшибая плоски с кормом, грузно и неизящно уваливая от преград. Большая птица, гордая, смотрит орлом свысока, но чуть резкое движение – тут же позорно пускается наутёк, растопырив крылья.

– Помнишь, Алёшка, ты песню пел: «Я хочу большого петуха...»

– Да, я именно такого хотел!

Замрёт на одной ноге, задрав голову, – красавец-атлет, поводит могучей шеей, а то вдруг уставит глаз – кура курой. Потом оказалось, что он ещё и летает, и перескакивает через сетку вольера высотой с человеческий рост.

Сметана-сливки очень вкусные и свежие. Раньше на нашей улице жила тётя Таня. Каждое утро она обходила все дома с тележкой, и нас будило её пение сильным голосом: «Мо-ло-ко-о-о-о!.. Мо-ло-ко-о-о-о!». Как призыв муэдзина. Очень привыкли к этой её ежечасной песне. Скорбели, когда её не стало.

***

Сажали с Алёшей брокколи. Здесь нет в продаже. Делали большие лунки вокруг абрикосового дерева. В шахматном порядке – для красоты. Алёша кричал:

– Я сам! Сам!

И отгонял меня в сторону. А у самого не получается. Насилу справились.

***

Были гости. Всего сутки побыли. Мало. Я только успела заметить, что для полной гармонии в нашей семье не хватает девочки лет восьми.

Когда живёшь далеко и гости приезжают не на один вечер, а на недельку-другую, это совершенно другое общение, с той полнотой, которой не бывает в городе.

Вспоминаю детство, когда родители собирались с самыми близкими друзьями в количестве человек пятнадцати, готовили горы угощения, беседовали, разбившись на кучки, и были весёлые и добрые, а дети, оставшиеся почти без присмотра и воспитания, формировали свою компанию – на всю жизнь. Пусть и не видимся годами, а отношение осталось как к родственникам. Помню очень правильное и аутентичное чувство племени, общности и причастности, которого не было в маленькой семье. Любим гостей.

***

Муж приготовил свои снасти.

– Алёша, давай сегодня далеко не поедем, а возле дома половим рыбку.

– На рыбалку?

– Да, идём.

Спустились к воде на каменистый берег. По склону – одуванчики. У воды среди камней тьма свежевылупившихся божьих коровок, некуда ступить.

– Это же не рыбалка, это Волга!

Муж ловил рыбу, Алёша бросал в воду камешки, собака их доставала, а я бродила вокруг, искала трофеев. Нашла перо огромное, длиной полметра. Считаю эту находку призом. Кому золотое, а мне гусиное.

***

Поехали за рассадой. Продавец рассады, оказалось, живёт в том каменном доме со стеклянной крышей, мы раньше всё думали: кому это в нашей деревеньке пришла фантазия устроить такой зимний сад огромный? Вошли только во двор – и очутились в Ботаническом саду. Даже лучше, так как у хозяина не только декоративные и диковинные растения, но и всякая овощ простых и невиданных сортов. Хозяин – огородник страстный и вдохновенный – тотчас потащил нас осматривать сад и огород, теплицы-оранжереи, без умолку рассказывая о чудесных качествах тех и этих растений.

– А вот, посмотрите: виноград! Второй год растёт, а смотри, какой огромный! Какой ствол – видишь? Ягоды светлые, розовый бочок. Сладкие! Прикапывать не надо. Вот этот тоже не надо прикапывать. А здесь – смотри – огурчики! Таких огурчиков ни у кого нет! Новый сорт! Только у меня! Морозостойкие! Раннеспелые! Идут вверх – экономия места. Смотри, какие! Уже едим. А розы какие – видишь?! Три года сидели – и ничего, а сюда пересадил – во как растут!

– Потрясающе! Вы настоящий художник своего дела!

– Да какой я художник... Я слесарь по образованию. А какие помидорчики – видишь? Здесь с февраля уже тепло! У меня тут под землёй отопление из дома. Сто метров пластиковой трубы!

Между грядками, ящиками, теплицами, оранжереями – аккуратные тропинки, посыпанные камешками с Волги. Ни сантиметра земли даром не пропало. Собаку пришлось взять на руки. Пока муж покупал рассаду, присели с Алёшей на скамеечку. Старенькая мать садовода вынесла Алёше конфетку и яичко.

– Что, один у тебя?

– Нет, четверо!

– А, это хорошо! Сейчас хорошо. Войны нет – все вырастут. Огород сажаете? Огород – хорошо, я вот накручу банок – всю зиму едим.

Накупив рассады и откланявшись, вышли за ворота, и нам вслед садовод кричал:

– А каштан какой вырос, посмотри! Из города привёз семечко, и – смотри – уже вокруг каштанчики маленькие!

Думаю зайти к нему ещё, попросить пару каштанчиков.

***

Муж пришёл с работы.

– Ну как сегодня?

- К нам прокуратура приходила.
- И что?
- Купили блёсен разных, лески. Я говорю: «Так ведь на лодке сейчас нельзя: икромёт». Они говорят: «А мы аккуратненько, у берега».

***

Алёша проснулся ночью.

- Это сон мне был?
- А что ты видел?
- Как обезьянка меня не укусила.
- Да, это был сон.
- Мама!
- Что, малыш?
- Мне уже не страшно.

***

Повстречали соседа, у которого голуби. Он большой их любитель и разводит разные редкостные породы.

- Ласок много, – говорит, – прогрызает дыру в голубятне и за один раз может сорок штук убить. Капканы ставлю, а толку нет. В следующий раз новая приходит и новую дырку делает. Никак с ними не справиться. Ну что ж, такая судьба, значит. Что поделаешь...

***

Алёша нашёл в курятнике яйцо. Взял курицу на руки, целовал её, приговаривая:

- Спасибо, курочка, что снесла мне яичко такое тёпленькое!

***

С огромным удовольствием читаю собрание сочинений Шекспира от первой до последней строчки. Ума не приложу, зачем его мы в школе не проходим? Когда б могли мы с ранних лет изведать наслажденье игрой ума великого поэта, то вкуса больше было бы у нас, любви к поэзии и чувства слова.

***

Дорога наша ухабистая. Вся улица – разбитая колея, ямки да кочки. В сухую погоду на велосипеде прыгаешь колёсами по буграм и впадинам, а случись дождь – ехать нельзя: большие лужи и глинистая жижа. Мягкая грязь тотчас липнет к колёсам, и дальше хода нет. В дождь вызываем такси. Такси дёшево.

Представители администрации обходили дома (в сухую погоду) и выдавали жителям предписание благоустроить пространство перед домом, чтобы трава была подстрижена и улица выглядела красиво и аккуратно. Строптивым и ленивым грозили штрафом. Есть улицы и похуже нашей, где и в солнечную погоду проехать почти нельзя. В центре посёлка, где Ленин и арбуз на постаменте, голубые ели у здания администрации и новенький фонтан, торжественно открытый прошлым летом, – красивый и ухоженный парк, почти городской сад.

После привычных ухабов даже скучно ехать по ровному асфальту. Хотя, здесь и нет ровного. Асфальтированные улицы тоже разбитые и чиненные заплатками. Катались с Алёшей на велосипеде, исколесили всю деревню, даже заблудились. Собака устала и не хотела бежать, ковыляла, вывалив язык. Алёша, засыпая, временами стучался носом о руль. Насилу вырулили к Ленину. Двое рабочих возились с постаментом. Вокруг – горы строительного мусора. Подъехала спросить:

– Вы его чините или демонтируете?

– Эх, чиним! – с сожалением и даже извиняющимся тоном ответили.

Указующий перст вождя направлен в сторону Волги. Памятник называют: «Не нравится в Ровном – вали в Золотое». Это село на том берегу, напротив. Мне нравится. Уже и местечко присмотрела на кладбище в степи, где суслики, зайцы, чёрные вороны, полуразрушенная немецкая готическая часовня и смородины полным-полно чёрной, белой и красной. По дороге домой купили с Алёшей кустики клубники, посадили, а они, грустные, распластали листья. Поздно посадили и неправильно. Не знаю, будут ли расти. Выбрала место в саду для фундука. Растёт ли тут миндаль, надо выяснить. На пляже воздух почти морской. В воздухе предчувствие жары.

***

Между двором и огородом строим заборчик, чтобы собака не топтала и не вскапывала наши помидоры – настоящий плетень, как в сказке. И крынку повесить на столбик...

***

Я сшила себе юбку из батиста до пят и разгуливала в ней по огороду. Было свежо, темно, звёзды, тихо, вдалеке собаки лаяли. Похожие вечера помню в Карпатах. Мы ночевали в гуцульской пастушьей колыбе, где были только широкий настил из досок с одеялами и очаг посередине в земляном полу. Мой дядюшка говорил:

– Дивись, яки звёзды! Можно руками брати та тримати.

Я упивалась и наслаждалась украинским языком, стараясь понять по контексту и запомнить все новые слова. Это удавалось, кроме одного случая: часто встречавшееся в речи окружающих слово «взагалі» надолго поставило меня в тупик. О его значении по контексту я не могла догадаться. Потом всё же поняла. Это слово «вообще». О це взагалі!

Просторы, как и горы, – целители души.

Вечерами ходим за ворота смотреть закат.

Разом расцвела вся сирень, почти у каждого дома, и аромат повсюду. Одуванчики же цветут один раз весной, и уже почти все белые. А да, тюльпаны. К слову вспомнила. Тюльпаны же в степи надо посмотреть. Говорили, а ни разу не видела.

***

С утра телефонные разговоры, переписка, выбрать тьму наименований всяких малопонятных штучек, заказать, оплатить, получить –

будни торгашей. В лавке веселее. Приходят рыбаки, не торопятся, вдумчиво и с удовольствием выбирают снасть, беседуют, спрашивают советов, обсуждают преимущества того или иного снаряжения, рассказывают случаи. Пришёл старик, спросил пульки для пневматического оружия.

– Зачем тебе? Кого стрелять?

– Котов. Коты лезут, спасу нет. Своих кормим на улице, так со всей округи лезут, гады. Одна кошка родила, другая на сносях, ждём, стоим с ведром.

– Не жалко котов?

– Да я не в них, так, попугать.

– Сети есть на восемьдесят?

Сети муж решил не продавать, покуда запрет.

– Нет. Рыбу жалко.

– Рыбу жалко? – смеётся. – Ну дай хоть маленькую, на тридцать пять.

С одним приходит жена. Перед тем как его на рыбалку отправить. Чтобы чего лишнего не купил. Он потихоньку соскрёб с ценника двойку, получилось пятьсот рублей с хвостиком. Хорошая удочка и недорого.

***

Ехали с Алёшей на велосипеде.

– «Мама, смотри, цветочек полетел!» – цитирует: «Это не цветочек, это бабочка!» Мама, а помнишь, мы в Эрмитаж ходили?

– Помню, конечно.

– Что там было?

– Картины, скульптуры.

– Они живые?

– Нет, их скульпторы сделали из мрамора. Забыл, какие они?

– Нет, не забыл. Но это та-ак давно было!

***

Жизнь наша ухабистая. Скучать отнюдь не приходится. Впрочем, и сетовать всерьёз не на что. Закаты по-прежнему яркие, курицы исправно несутся, воблеры с мормышками продаются, кукуруза и прочая овощ в огороде взошла дружно; грозы, случается, бушуют вечерами. Сегодня было тепло и ветрено. Пришли мы с Алёшей на пляж, а пляжа нет. Вода поднялась до самой травы. Ни камешков тебе, ни на песке полежать, ни куличиков полепить. Муж говорит, скоро вода уйдёт и будет как раньше. Сидели на траве, нюхали седую полынь, давали питерским друзьям слушать шум прибоя по телефону.

К слову припомнилось. Одна женщина, бывшая моя сотрудница, никогда не была на море. И вот выпал ей случай побывать. По возвращении из путешествия она говорила:

– Что все к этому морю рвутся, не пойму? Песок да вода – смотреть не на что. Да ещё жарница. И волны эти – туда-сюда. Ночью спать невозможно. Окно не закроешь – духота. И вот, лежишь и слушаешь до опупения: бу-бух, шр-р-р... Туда-сюда, туда-сюда без конца.

Ну его, это ваше море! Только время потеряли и кучу денег потратили, а что толку? Нет. Я лучше у себя в огороде посижу. Морковочку посадишь, вырастет – вот удовольствие. И польза.

***

Ходим в гости к соседям, и к нам приходят без звонка, почти без стука: собака лает, что пришли. Выпить чаю, поболтать и помолчать о том о сём. Уютно. Бесконечная череда взаимных любезностей и подарков. Все всё в хозяйстве делают сами, а если не хватает рук, зовут соседа. Случись беда – на выручку придёт сосед. И мы поскачем тоже выручать в любое время. Деревня.

***

Творчество, даже самое простое, меняет жизнь до неузнаваемости. Такой пустяк, как изготовление часов, которые к тому же выходят часто неудачно, уменьшает в моей жизни количество абсурда до приемлемого и приносит ощущение земли под ногами. Неожиданные эффекты. А я думала, это только удовольствие.

***

Были дожди, дожди – прошли, теперь вдруг потеплело. Грязь несусветная. Алёша в луже у дома ловил рыбу сачком. Пошла в огород за луком. Прилетел угод. Я замерла на месте, и он сел прямо у ног, не заметив меня. Тропической красоты птичка яркая. Порылся в траве и упорхнул, стоило шевельнуться.

***

Поехали в магазин. Улицы полны весёлых школьников. Девчонки в белых бантах, мальчишки при галстуках, и при полном параде ребята из кадетских классов. Заканчивается учебный год. Хохогут, угодив в лужу чуть не по колено, считают деньги на мороженое, у кого сколько, чтобы сложить и купить всем поровну. Дамы, служащие присутственных мест, ездят на велосипедах в туфельках и офисных костюмах. Женщины здесь, выходя со двора, одеваются ярко и нарядно, невзирая ни на погоду, ни на окружающие пейзажи, оживляя и расцветчивая их собою. Особенно яркие и сверкающие одежды у казашек.

Вспоминаю Ивано-Франковск конца восьмидесятых. Прежде чем выйти в магазин, девушки перебирали платья, доставали уют и готовились к выходу всерьёз, не на скорую руку. Помню, все как одна, от младенцев до зрелых дам, были в платьях с бантом на попе.

***

Трудно всё же немного. Не без сложностей. Муж говорит:

– Трудности – это так и должно быть. Нормальные люди ведь так не поступают, как мы: за два дня решили, всё бросили, уехали в деревню, даже не зная толком, что будем там делать, купили вдруг

магазин... Вот и получилось всё одновременно: и магазин, и огород, и бумажки, и поставки, и дети...

Старшие мальчики приехали. Ездили на рыбалку с ночёвкой. Ставили палатку, сидели у костра, пили чай. Ксюшки не хватало с гитарой. В палатке сон сладок. Но трудно было уснуть: вблизи хоровое кваканье лягушек оглушительно громкое.

***

Алёша мечтал о детском садике. Очень хотел пойти, в надежде, что будет нечто похожее на детские площадки в больших магазинах Питера, откуда его всякий раз было трудно увести, и мы даже специально ездили без нужды в покупках, чтобы он поиграл. Он там сразу брал на себя лидерскую роль среди четырёх-, пятилетних детей и азартно пытался организовать игру по своему замыслу. Глаза горели при виде изобилия: горки, сухой бассейн с шариками, игрушки – всё яркое, привлекательное, и делай что хочешь.

Долго собирали необходимые для садика справки, Алёша терпеливо ждал, и вот мечта сбылась. Деревенский садик оказался маленьким и по-домашнему уютным, без той казёнщины, которой пропитаны те питерские детские сады, где мне довелось бывать. Нет запаха кислых щей, и раздражённого крика воспитателей не слышно. Алёша пошёл с готовностью, даже решительно, будто гнал прочь закрававшиеся сомнения. Я пришла за ним через полтора часа.

- Ну что? Тебе понравилось?
- Нет. Я плакал.
- Из-за чего?
- Хотел к маме. Я ещё не привык.
- А воспитательница тебе понравилась?
- Нет. Она недобрая.
- А дети? Ты с кем-нибудь познакомился?
- Нет. Ни с кем не играл. Я только плакал.
- А игрушки там есть интересные?
- Нет. Другие дети играли в машинки, у одного машинка сломалась. А мне дали пирамидку.
- А ещё что там есть? Куклы? Конструкторы?
- Одна кукла. Воспитательница хотела, чтобы я пошёл пописать, а я не хотел.
- Ну что, пойдёшь ещё? Будешь туда ходить?
- Да, пойду. Я привыкну.

***

Вся философия за историю человеческой мысли, великие умы в своей битве с экзистенциальным отчаянием и в попытке понять и осмыслить суть вещей, мироздание и себя решительно выделяют человека из всего остального животного мира как существо, почти не имеющее к нему отношения, полагая разум главной ценностью мира, берут это за отправную точку, принимают как исходную данность и очевидность, не требующую доказательств. Может ли быть,

что именно в антропоцентризме и кроется системная ошибка, основополагающая исходная неправильность представления о человеке, ведущая к дисгармонии человеческого существа и общества? К тому самому экзистенциальному отчаянию, охватывающему человека всякий раз, как он пытается понять и осмыслить мир, жизнь и смерть, оторвавшись от повседневных дел и привычек. И всякий раз, как он внезапно взглянет в лицо абсурду во всей его неотвратимой мощи и беспощадности, будучи в силах либо бежать от реальности в религию и верования и применять разнообразные психологические и психотерапевтические уловки. Либо он старается не думать, отвлекая и развлекая себя всевозможными способами, либо, подобно философам и учёным, пытается что-то понять, вновь и вновь не находя ни истины, ни того прояснения, которое могло бы помочь обрести мир в душе и обществе, нечто, хотя бы отдалённо приближающее к гармонии.

Если рассматривать человека как один из видов животного мира планеты, примата, поумневшего в силу определённых причин, которые, возможно, могут или могли бы при определённых обстоятельствах осуществиться вновь, если человечество – часть мира, некий феномен или особенность нашей песчинки Земли, в сущности ничего не меняющая, вместо того, чтобы противопоставлять себя миру, человечество перестаёт быть чужеродным и необъяснимым элементом во Вселенной и обретает в ней родной дом. Не считая себя богоподобным и особенным существом, не полагая себя венцом творения, а больше внимания обращая на свои животные, инстинктивные, биологические составляющие, которых в нас не меньше, чем разума, и которые, игнорируемые, пребывают в бесконечном с ним разладе, человек мог бы заметить, что разум, чистый интеллект – бездушен и аморален. Он имеет несомненную ценность только в комплекте с моралью и душевными качествами, которые выросли из животных свойств и главных инстинктов. В современном мире об уходе от антропоцентризма задумываются экологи, но несколько в другой плоскости, другом контексте.

Можно предположить, что если подобным образом сместить фокус, поменять угол зрения, глядя на себя и мир, то это могло бы открыть новые пути человека к самому себе, к человечности более доброй и разумной, чем когда-либо бывшей среди людей, и, наконец, к гармоничному и органичному ощущению себя частью мира и вселенной, избавляющему по дороге от страха жизни и смерти, подобно религии, пути к миру в душе и обществе, если только это в принципе возможно. Но даже и в противном случае интуитивно чувствую я, что это правильно.

После двух дней детского сада Алёша заболел, сижу с ним дома почти безвылазно, выходя только в огород да покормить кур, и невольно всякая псевдофилософская чепуха лезет в голову.

***

Наш огород окружён почти непроходимыми зарослями, до которых пока не дошли руки. Каждый вечер в сумерках над огородом подолгу порхает по периметру одна летучая мышь.

***

Мальчики с удовольствием качают мышцы на турнике.

– Ребята, когда пойдёте в школу, не устраивайте вы там опять драк постоянных!

– А мы сегодня в магазине встретили одного нашего друга, мы как раз очень любили с ним подраться!

***

Пока старшие мальчики помогали мужу в магазине, мы с выздоравливающим Алёшей гуляли по пляжу. Волга сегодня тихая и прозрачная, цвета неба с облаками. Жары нет, поэтому на берегу ни души. Зелень ещё сохраняет весеннюю яркость. Собирали в мешки разбросанные и битые бутылки, пластиковые стаканы, пустые пачки из-под сигарет и чипсов и прочий мусор. Три огромных мешка набрали. Санитары пляжа мы. Раньше мы с мужем вместе убрали, а больше не убирает никто. Он тогда писал на этих мешках краской всякие лозунги: «Свиньёй родился – свиньёй умрёшь», «Берегите природу, мать вашу» и тому подобные – и вешал их на кусты. Это действовало. Люди кидали свой мусор в мешок. А на мои мешки без надписей не обращает внимания никто, и продолжают мусорить.

Человек, проезжавший поверху, увидел меня у воды с мешком, сбавил ход и закричал из машины:

– Отдай мне, не топи!

Я не сразу поняла:

– Что?

– Не топи, я возьму!

Не нашлась сразу, как объяснить ему ошибку, и, замотав головой, крикнула:

– Нет! – Имея в виду, что никого не топлю.

Он отвернулся и уехал. Вода спала, и на песке остались все, кто не успел за волной: высушенный солнцем угорь, побелевшие раки, огромный протухший сом с уже обнажившимися костями черепа и рыба поменьше тоже. Нынче июнь прохладный. Ждём жары, чтобы часто купаться и чтобы вскоре от неё устать и ждать прохлады. Хочется в степь за смородиной, но не поспела ещё.

***

Мальчики, прочитав эту историю, принялись меня ругать:

– Что же ты, мама, не объяснила этому человеку?!

– Да что-то я растерялась, не успела...

– Надо было объяснить! Ему же их жалко – кого там, он думал, ты собралась топить. А может, он их до сих пор жалеет! Может, он ночь не будет спать!

***

Алёша брал бумагу и десятки листов покрывал каракулями. Говорил:

– Я пишу записки Ксюше, чтобы она быстрее приехала.

***

Алёша попросил:

- Давайте поедим в тот магазин, где резиновые мишки продаются!
- Ты хочешь резинового мишку?
- Да. Много мишек!
- Зачем много?
- Я их ем.

Имелся в виду жевательный мармелад.

***

Впервые за нынешнее лето вытащили на двор «трубу» – наше сокровище, большой телескоп. Было ещё светловато, и мало что можно было наблюдать, кроме луны – всегдашней красавицы. Лунный рельеф виден очень отчётливо и ярко, в мельчайших подробностях. Посмотреть впервые – большое впечатление. Но даже и каждый вечер – ощущение чуда не пропадает. Марик, наглядевшись, вздыхал, переводя дух:

– Ой, как я люблю это лунное чувство!

Потом они ушли спать, а я, по подсказке в интернете, нашла Юпитер. Красавец! Как на картинке, и три спутника в ряд. Побежала будить мальчиков, подумала: они же мне не простят, если не разбужу, они ещё не видели его и мечтали...

– Ребята, вставайте, я Юпитер нашла!

От Илюши удалось добиться только сонного «угу...», а Марик пробормотал:

– Хорошо, что нашла, спасибо, мамочка... – И повернулся на другой бок.

В прошлые годы мы часами искали туманности – прозрачные облачка, которые лучше видно периферическим зрением, чем прямо. Но даже если и ничего не искать, а просто взглянуть в середину Млечного Пути – дух захватывает от невообразимой глубины и несметного количества звёзд.

***

Алёша раскапризничался и раскричался перед сном.

- Хочу сок!
- Сейчас сока нет, завтра купим. Пей пока компот.
- Хочу вниз! Хочу внизу спать!
- Ну иди, спи внизу.
- Хочу с тобой!
- Нет, мы здесь, наверху спим.
- Один я там буду плакать!
- Ты и тут плачешь. Какая разница?
- Нет, тут я истерю!

Ходил по комнате, декламировал «Муху-Цокотуху».

– Мама, а давай тоже как муха сделаем! С молоком и крендельком, и гостей позовём много-много!

***

Всё пыталась насоветовать уже взрослой или почти взрослой, но ещё такой молоденькой дочке, всё хотела соломки подстелить да уберечь от невзгод и огорчений. Потом корила себя: неужто я знаю, что для неё лучше? Никто не знает, и я не знаю. Ей самой жить, самой и пути выбирать, самой понимать, что для неё хорошо и правильно.

Позвонила, взяла назад все свои советы. Говорю:

– Не слушай советов! Особенно моих! Это мой последний совет.

– Почему последний? – спрашивает насторожённо. – И как ты хочешь, чтобы я ему следовала?

– Потому что отныне я буду давать тебе советы только по поводу правки текстов. И то недолго. Потом ты мне. Помню, мне в молодости советы были не нужны – не впрок, невпопад и впустую. Поддержка, одобрение нужны были.

***

Приехала наша Ксюша. Столько радости! А у меня слёзы. Дети вышли в темноту за ворота, встречали-ждали её во все глаза. Наутро чуть свет показывали ей огород: удивляли высоченной кукурузой, лопухами кабачков и тыквы, собирали огурцы, большие и маленькие. Съездили в наш магазин, посидели, поторговали. И – на пляж. На Волге морские волны. Бухнешься в тёплую волну, и все тревоги смывает прочь. Алёша не отходит от сестры ни на шаг.

– Ксюша, я очень тебя люблю! Ты моя любимичка!

Рассказывал ей свою жизнь, все события. И как клещ в пупок укусил, и как жабу в гараже видели, и про садик, и как в гости ездили. Отказывался ложиться спать: «Я буду скучать по Ксюше!»

Пришлось поселить их в одной комнате. А мы с Ксюшей задумали вместе пьесу писать. Есть уж и о чём, и зачем, и очень хочется.

***

С детским садом ничего не вышло. На четвёртый день Алёша отказался туда ходить.

– Ты же говорил, привыкнешь.

– Нет. Я не хочу привыкать. Там воспитательница детей ругает.

– И тебя ругала?

– Да.

– За что?

– За то, что я к маме хотел.

– Ну хорошо, поехали тогда заберём наши вещи.

Пока я объясняла заведующей, что мы передумали ходить в садик, Алёша стоял, спрятавшись за меня и вцепившись в мою одежду.

– Да что вы, все дети долго привыкают! Некоторые по два года плачут. Но они же не весь день плачут! Только когда мама уходит, а потом – ничего, играют... Алёша, пойдём в группу, давай ручку!

В глазах паника. Вцепился сильнее. Побыстрее распрощались и ушли.

Когда муж уезжает по делам, сижу в магазине с Алёшей. Это тяжело. Даже хуже, чем в поезде ехать с малышом. Но он доволен.

– Будем с тобой, мама, вместе работать!

Берём игрушки, книжки, рисование, мультики, едем работать.

***

Дед Наум продал своих коз. То ли тяжело стало, то ли дорого.

Пришёл к нам в магазин, попросил снастей в долг до пенсии.

– Запиши, – говорит, – «Дед Наум, 500 рублей». Пиши, пиши давай! «Дед Наум». Можешь ещё добавить: «Старый краб». А коз-то я продал. Нет теперь коз. Но если надумаешь козу – всегда помогу: знаю, у кого брать! Один ещё держит. Далеко, правда, отсюда, но хорошие козы у него. Два литра в день – лучше и не надо для детей! У тебя же дети?

– Да.

– Ну вот, самое лучшее молоко! Одной козы хватит. Два литра – лучше и не надо!

Прошлым летом катались с Алёшей вечерами вдоль берега, смотрели этих козочек рогатых-бодатых. Они резвились, скакали как лошади, а старушка-хозяйка, потрясая клюкой, велела им пастись. Алёша хотел гладить их и кормить, и мы спрашивали позволения.

– Катька! А ну, поди сюда, Катька!

Каткой звали чёрную козу. Другую, белую, никак не звали. Её звать не надо было. Она ходила всюду за Каткой.

Козлята прыгали вокруг, норовили боднуть и сразу отскакивали в сторону. Вся компания навязчиво приставала к своей хозяйке и чуть ли не на ручки просилась. Тыкались мордами, пытались лезть на неё копытами, как делают большие собаки, клали передние лапы на плечи хозяину, чтобы лизать ему лицо.

– Катька – умная коза. Всё понимает! Прихожу доить – сама сразу на стол прыгает. Наклоняться-то мне тяжело, на столе дою их.

Пока Алёша общался с козами, расспрашивала бабушку, как обстоят дела с сельским хозяйством, есть ли фермеры.

– Да какое сельское хозяйство? Нет никакого сельского хозяйства. Те, что коров купили – двое – одна видимость, что богатые: кредитов набрали, не знают, как рассчитаться. Один вот, Нурик – не тот Нурик, который здесь, а другой – бычков взял тыщу голов. На остров их отвёз, они у него там сами живут, на острове, как дикие. А чтобы сеять что-то – этого нет. Как колхоз развалился, так и нет больше ничего. Что было – растащили, развалили, вот и всё. Дунгане овощи растят на селитре. Бахчевники есть, конечно. Да любой может бахчи взять, у кого силы есть. Но с арбузами ведь как: если урожай – на весь год заработаешь, а неурожай – в долгах останешься. От погоды зависит. Прошлый год хорошо взяли на арбузах, а позапрошлый – прогорели. Тут как повезёт.

Каждый раз, катаясь на велосипеде по берегу, останавливались, гладили коз и беседовали о том о сём с их хозяйкой-бабушкой, сидевшей на табуреточке посреди прибрежного луга. Нынешним

летом и коз нет, и стада коров что-то не видать. Две коровы только на берегу пасутся, и один бычок на привязи. Уже почти тропическая жара. И ветер жаркий из Казахстана. А в Питере не бывает тёплого ветра.

***

Вчерашний день пунктиром. Строгая и почти суровая мамаша покупала трёхлетнему сыну дорогую удочку и снасти. Была возмущена присутствием других покупателей, ассортиментом, моей недостаточной компетентностью.

Рыбаки же в большинстве славные, добродушные и общительные. Это совсем особенное удовольствие – встречать и привечать их в магазине, слушать рыбацкие байки, наставления, советы бывалых и истории про жизнь.

Ехали по улице. Гусята паслись вдоль придорожной канавы. Днём на улицах людей мало. Три девочки, лет от шести до восьми, неудобно тащили большущий пакет с продуктами. Мальчик, тоже лет восьми, нёс мешочек с одним помидором и одним огурцом. Старая женщина под восемьдесят ехала на велосипеде с высоким рулём, сидя очень прямо и высоко держа голову в белой панаме. Неспешные мужчины в майках и шлёпанцах, и с деловыми лицами, и беззаботными. Неизменная старушка в платке и в валенках на лавочке у ворот своей избушки дышала свежим воздухом, отвечая на приветствия всех прохожих. Говорят, ей далеко за сто, но точного возраста она и сама не знает.

В степи дикая смородина поспела. Три сорта: чёрная – мелкая, белая – тёмно-жёлтого цвета, и красная – очень крупная и сладкая. В этом году мало. Или перед нами собирал кто-то. Обычно ведрами её возят.

По пути видели двух сусликов и большие красные цветы – три огромных и высоких цветка на просторе. Трава красивая. Переливается разными оттенками. Как густая и жёсткая грива, широкими прядями лежит в разные стороны. Не успела ещё выгореть на солнце. И мелкие степные цветы, синие, белые, жёлтые, ещё цветут. Один суслик почти сразу шмыгнул в нору, другой бежал по дорожке впереди велосипедов, взметая несоразмерно много пыли, и брюхо его болталось на скаку из стороны в сторону.

Мальчишки успели сгонять и за продуктами, и искупаться, и на шахматы, которыми с ними занимается бывший директор школы – пожилой учитель физики, шахматист и боксёр. И за смородиной, и на урок английского домой к учительнице. Алёша совсем осмелел в воде: заходит глубоко, плещется. Вода очень тёплая, и волн не было. Вечером поливала огород из шланга и говорила с подругой, оставшейся в Питере, заболевшей и столкнувшейся с тупым и бездушным медицинским формализмом, абсурдной организацией обследования и лечения в онкологическом центре, исключаяющей в некоторых случаях возможность получить помощь даже за деньги. Больно слушать – и стыдно за коллег. Злость и беспомощность перед машиной,

прущей и подминающей под себя людей по воинствующей глупости, по равнодушному и корыстному произволу управляющих ею. Россия.

Берегите себя, дорогие, своих близких и далёких, делайте всё возможное и невозможное ради жизни, любви, детей, друзей, любимого дела, творчества. Иначе смысла нет. Когда опускаются руки – это временно и пройдёт. Не то ещё бывает.

Алёша взял стопку рисунков своих братьев и раскладывал листы в ряд по всему двору.

– Это я всё украшаю! Это Новый год! И всем подарки!

Уложив Алёшу, собрались в комнате мальчиков, рассказывали и слушали истории. Муж говорил, раньше Волга здесь была узкой и имела два русла, а посередине – остров. На нём был лес, и картошку сажали, и траву косили, а потом, когда построили ГЭС, Волга разлилась и затопила остров, и большая часть посёлка теперь под водой, и даже одна целая деревня.

– Рыбаки меня позвали, мол, поехали в старое Черебаево. Я думал, это деревня, а оказалось – место на воде для рыбалки.

Говорят, зимой сквозь лёд пни видно, где был остров.

Ещё рассказывал, как раки клюют на удочку. Берётся одной клешнёй за леску, а другой – запикивает себе в рот крючок. Так и вытаскиваешь. Но некоторые раки, чувствуя, что их тянут из воды, отпускают леску и обратно плюхаются. Ксюшка рассказывала про театр и разные постановки, а потом читала братьям на ночь «Дубровского». Было не уснуть, вынесла телескоп – показать Ксюше звёзды. Только навела – и сразу туманность, большая и ясно видимая. Случайная находка. Позвала скорее Ксюшу, но не успели: туманность ушла. Мы от неё ушли. Объекты дальнего космоса уходят из поля зрения очень быстро: полминуты – и ищи-свищи их заново, гоняйся по небу. Потом ещё одну нашла, жиденькую, из тех, что прямо не видно, а только боковым зрением, если смотришь чуть мимо. Луны и планет не было, а звёзды и туманности Ксюшу не впечатлили. Может, глаза не успели привыкнуть, чтобы хорошо стало видно. Без опыта надо привыкать к темноте хотя бы минут двадцать.

***

Пьеса наша готова и уже ушла жить своей жизнью. Кто-то другой теперь будет распоряжаться её судьбой. Даже не думала, что это так трудно – писать в соавторстве с одним из самых близких людей. Каждая Ксюшина правка режет меня ножом, хотя в этих исправлениях есть и вкус, и стилистическая правильность, не могу отделаться от мысли, что они искажают смысл текста. Ей же обидно, что я протестую против исправления очевидных погрешностей, ей кажется, что я обесцениваю её многочасовые труды. Сердится на мою неожиданную несговорчивость там, где, по её мнению, это даже и глупо.

***

Наша собачка загуляла, и теперь у нас во дворе постоянно грызутся пять-шесть чужих кобелей, лают ночи напролёт у дверей и прямо

под окнами, лезут в огород, скачут по нашим помидорам, ломают мою уже двухметровую кукурузу, а самые наглые стараются ворваться в дом. Средств от такой напасти никаких нет: у всех дыры в заборах, а местами, где заросли погуще, заборов и вовсе нет. И хотя эти наши псы скачут и дерутся и у соседей во дворе тоже, они не обращают внимания. Посмеиваются. Им не впервой.

– Да понятно, наша тоже только отгуляла.

Некоторые в таких случаях запасаются пульками для пневматического оружия. Чтобы животное стерилизовать, нужно ехать в город на целый день и тратить изрядную по местным меркам сумму, поэтому никто этого не делает. Мол, надо бы... Да всё никак. Представители администрации периодически разбрасывают по дорогам отраву, когда бродячих собак и кошек становится слишком много.

***

Магазин, как и всякое, видимо, предприятие, не даёт расслабиться и полностью отвлечься. Как в том анекдоте, где умирающий лавочник, узнав, что попрощаться с ним собралась вся семья, был возмущён: «А кто же в лавке остался?!» И тревоги, и планы, и то азарт, то пессимизм.

***

Новости читаем редко и большей частью поверхностно: давно уже нет на это душевных сил. Подписываем разные петиции, хоть и противно, и абсурдно просить людей безнравственных и презревших законы их соблюсти или отнестись к кому-либо с сочувствием. Пассивное сопротивление мне больше по сердцу, да, Ганди нет, и времена, и нравы, и места не те. Дай Бог нам всем дожить до перемен к лучшему, уберечься от сумы да от тюрьмы и вырастить душевно и духовно здоровых детей!

***

Тону в огурцах. Они меня застигли врасплох. Их неожиданно выросло так много, что приходится их солить. Никогда этого не делала, но тут некуда деться. Да ещё стоит зазеваться – и огурцы стремительно превращаются в кабачки, не уступая им в размерах. Отправили с Ксюшей в Питер. Отнесли соседям. Давно никто здесь ничего не сажал, и на отдохнувшей земле овощи превзошли себя. К созреванию нескольких вёдер помидоров теперь уже морально готовлюсь заранее. Тыква пустила плети трёх-, четырёхметровой длины и вся в цвету. С кабачками пока справляемся: скармливаю детям по два в день.

Два раза громыхнул гром, хлынул дождь и почти сразу перестал, успев только умыть зелень. Почти тропическая жара.купаемся по несколько раз в день.

***

Волга зацвела. Вода зелёная, насыщенного оливкового цвета, а пена на гребне волны светлее и ярче. Марик сказал:

– Мы даже не знали, что такой цвет в природе бывает!

Вода очень тёплая. Дети купаются, а мне не хочется. Слишком уж зелено. Теперь до конца лета в дни ветреные и нежаркие вода будет прозрачная и прохладная, а в жару зелёная и тёплая.

***

Страшно далеки от нас дикое законотворчество, Цезарь и вьюга. (Хотя, может, издали, из другой жизни, общая картина видится даже и лучше. Широким планом.) Близки простые и понятные сельские отношения. В больной душе – здоровый дух хотелось бы сохранить.

***

Кукуруза – символ моей счастливой деревенской жизни. Очень понимаю теперь Никиту Сергеича. Если бы я знала, какая она, если бы видела её раньше, я бы засадила ею половину огорода. А она чудесная! Огромная. Это волшебство: так быстро растёт, как бамбук, глазам не веришь. Она уже выше трёх метров. Мы выломали один початок, думала сварить на пробу. Оказалось, варить не надо. Сладкая и сочная в сыром виде. Алёша теперь требует ещё и ещё – так и кончится, не успев дозреть.

***

- Подожди, они ещё подрастут, будут большие.
- Ну тогда давай потрясём дерево!

Идём трясти, и сыплются абрикосы, мелкие и сладкие. Помидоры краснеют. Немного пугает их количество.

***

Ночью в форточку запрыгнул чужой кот. Наша собачка чуть не задохнулась от негодования и всех разбудила своим яростным и возмущённым лаем. Спросонья не могли сообразить, как извлечь кота из-под мебели. Улучив момент, кот одним махом взлетел на второй этаж и там растворился.

– Мама, из-за этого кота и Чапкиного лая Марик потом полночи не мог уснуть: очень долго вертелся и раздражался.

– А ты?

– Я хорошо спал. Когда Марик перестал раздражаться.

***

– Всё! В нашу лабораторию не входить! Особенно Оське!

(Алёша, не умея выговорить своё имя, раньше называл себя Ося.)

Мальчики вспомнили, что у них, кроме телескопа, есть ещё микроскоп, и погрузились в изучение мушиных лапок и крылышек, выуживая из паутины их обладательниц. Сбежали и принесли в Алёшином ведёрке цветущей воды из Волги, рассматривали капли в поисках простейших, по обыкновению методично записывая результаты занятий в специальную тетрадку. Тетрадь со списком и описанием чёрных дыр, квазаров и пульсаров, кажется, уже заполнена до последней страницы. В который раз убеждаюсь, что школа на наших мальчиков действует губитель-

но, убирая и убивая мотивацию к учению, но, чуть оказавшись на свободе, они расцветают и погружаются в самообразование с головой.

– Ну дайте Оське тоже разок взглянуть в микроскоп!

– Да он закрывает глаз, которым надо смотреть!

***

– Мама! Ты умеешь делать кораблики? Сделай мне кораблик!

Папа на работе. Деваться некуда. Вырезала из куска коры лодку с мачтой и парусом.

– Мамочка! Он как настоящий! Спасибо, мамочка! Он же настоящий корабль!

Носился по двору, высоко держа кораблик над головой. Плавать кораблик не мог. Кренился набок.

– Алёшка, он не плавает. Наверное, придётся сделать другой.

– Ничего, я буду его руками возить! Дай мне его! Не надо другой!

38–40 градусов в тени. Пешком ходить по солнцепёку невозможно. На велосипеде лучше: всё-таки ветер, хоть и горячий.

***

Наш сосед завёл свиней. Тот сосед, у которого голуби. Наши с ним территории соприкасаются в той дальней стороне сада, куда мы забираемся редко. Там почти непроходимые заросли клёна, до которых пока не дошли руки. Есть узкая тропка, но по ней пробраться тоже непросто. Она ведёт к полуразрушенному каменному сараю. Его не использовали много лет. В нём только хранятся остатки черенков. Когда-то давным-давно отец мужа купил для какой-то надобности целую машину толстых черенков для лопат и сложил их в сарай. Потом, видимо, планы его изменились, и черенки лежат по сей день. Они удобно используются для всякого мелкого домашнего строительства. То детские качели, то перила на крыльце. А больше к каменному сараю ходить незачем.

Ну так вот. В нашем саду почти всегда было тихо. Только птички пели, да лягушки хором, да куры кудахтали, собаки лаяли, а больше никаких посторонних звуков. Иногда только ближние соседи возились в своём огороде под громкое и ненавистное мне «дорожное радио» или «русское», или «дачное», не помню точно, как оно там называется. Я всё думала в отместку врубить им Баха на всю катушку, но то не успевала включить музыку раньше них, а то, устыдившись дурных мыслей о мести, решала, что не буду, а потом они и сами перестали громко включать. А тут как ни выйду – от того дальнего соседа тоже музыка доносится, как будто тяжёлый рок, но негромко. Самой музыки не слышно, а только басы. Хриповатый такой ритм издалека. Ну, негромко слушают, и ладно. Нам не мешает. Только когда басы вдруг перешли в совсем немusыкальный визг, стало ясно, что за музыка. Мы с мальчишками полезли смотреть. Оказалось, сосед построил забор и устроил свинарник. Забор – нечастой решёткой. Прекрасно видно. Три большие свиньи и десяток поросят. Хотя загончик у них просторный и чистый, живут эти свиньи как свиньи. Лезут в своё корыто с ногами, чавкают по-свински и на редкость дурно пахнут. Только глаза с длин-

ными ресницами – человеческие. Мальчики, все трое, замерли в изумлении. Какие они большие, какие у них пяточки и зубы и как они грузно бегают и громко хрюкают гортанным басом, и ссорятся, и воняют, и совсем не похожи на милых хрюшек из книжки. Мы не пытались их погладить сквозь решётку, только бросили им несколько яблок-паданцев, но они не стали их есть. Там ещё примостилась рядом клетка с кроликами, но на пушистых любимцев дети почти не обратили внимания, впечатлившись неожиданным и жутковатым зрелищем больших свиней.

На обратном пути мы обнаружили у себя в саду два вишнёвых дерева, усыпанных вишнями. Даже не знали о них.

Муж вернулся с работы.

– сосед построил забор и завёл свиней, мы ходили смотреть.

– Молодец. Вот как люди в кризис к зиме готовятся!

– Забор он из наших черенков построил.

– Вот негодяй! Раз он может взять наши черенки и себе забор построить, значит, и я могу взять его свинью и себе шашлык пожарить?

– Видимо, он рассудил, что это и наш забор тоже.

Вишни моментально кончились, варенья наварить не успела. Зато сегодня наверстала упущенное. Один человек на нашей улице мается от избытка яблок, не знает, куда их девать, и зазывает всех, кто идёт мимо, к себе собирать. Мальчишки набрали большущий мешок и говорят, там ещё сорок раз по столько можно набрать. Получилось 14 банок яблочного варенья, прозрачного и кисловатого. Полдня возилась. Жара всё не спадает. Правда, ветер сегодня не горячий, и легче.

***

Навестила мужа в магазине.

– Ну как?

– Последний бинокль продал.

– А зачем их вообще покупают? Куда смотреть?

– Браконьеры рыбнадзор высматривают, бахчевники – птиц. Как увидят, грачи сели – сразу бегом туда. Сегодня приходил один, бомбу спрашивал. Ворон пугать. «Бомб у нас нет, – говорю, – а что ты теряешься? Вон дунгане, у них селитры много, в аптеке – марганцовка...» «А дальше?» – спрашивает. «А дальше звонишь на родину – там подскажут». Обиделся. Ушёл набычившись. Надо для них петард каких-нибудь заказать. А потом девушки пришли с соцпросом. «Как вы относитесь к Путину, к правительству?» – спрашивают.

– И что ты ответил?

– Правду. Спросил: «Рифмовать можно?» Записали телефон, адрес.

– У всех адреса записывали?

– Этого не знаю.

***

Пошли с мальчиками купаться. Спустились к реке рядом с домом, на камни. До пляжа ехать 300 метров не хотелось – жарко.

– Мама! Всё, дальше не плыви, там сети!

– А где опознавательные знаки? Обычно же бутылку вешают.

– Оознавательных знаков нет. Там не одна сеть, там их много! Мы слышали вчера, как один мужик говорил, что уже сети ставить некуда. Местные милиционеры браконьеров не ловят. Говорят: «А что мы будем их ловить? Людям есть нечего».

Вода сегодня чистая и синяя, прохладная, хоть и жарко.

***

Приехала погостить моя подруга Неля с маленькой дочкой. Алёша в первый вечер от неё не отходил. Смотрел во все глаза, трогал её руки, волосы, платье.

– Фу ты! Она говорить не умеет!

– Немножко умеет, просто ещё не все слова.

Малышка хотела было пойти по лестнице на второй этаж. Алёша её остановил:

– Туда нельзя! Туда только люди ходят!

***

Алёше снятся яркие сны. Он не всегда отличает их от реальности. Проснулся с вопросом:

– А где гусь?

Всё хотел найти гуся. Еле убедили его, что гусь был во сне.

***

Утром торопились на пятничный базар успеть, пока не кончились абрикосы. Купили последнее ведро. Показали гостям наш магазинчик. Рядом есть ещё несколько: магазин одежды, где перед дверью манекен в полупрозрачной маечке, лосинах и хиджабе. Иногда подащица манекен переодевает. Раньше на нём был воздушный сарафанчик-мини и хиджаб другого цвета. Ещё ювелирный магазин. Там две продавщицы. Они близнецы и работают по очереди. Одной из них очень нравится наш Алёша, и она почти всякий раз, как его видит, одаривает конфетами и фруктами.

Неля сказала, надо в абрикосовое варенье класть ядра абрикосовых косточек. Полдня по очереди стучали молотком на крыльце.

Прохладно. Читаю Алёше на ночь сказки про ёжика и медвежонка, он под них засыпает лучше всего: они такие умиротворяющие. Дочитав сказку, продолжаю говорить дальше про закат и рассвет, ветерок и верхушки деревьев, и про нашего котёнка, как он влез на дерево и не мог слезть, боялся, и пришлось ему помогать; и про волны, большие и безразличные волны, как они шумят и накатывают на берег и выносят из воды тростник и разные разности.

– Какие?

– Палочки всякие, коряги, потерянные тапки, иногда рыб...

И ещё про луну и звёзды, и про людей, которые смотрят на звёзды, и про людей, которые мечтают лететь к этим звёздам далеко-далеко, и про людей, которые сажают большие-пребольшие сады, а в садах живут ёжики и улитки. И про большие-пребольшие города, и моря, и лес. И так говорю, говорю дальше что в голову придёт, а сама почти засыпаю, и Алёша сладко посапывает и давно уже не слышит меня.

***

На воде встретили одноклассника.

– Ой, мама, он такой debil, мы не хотим с ним купаться!

Подошла к мальчику, спросила:

– Как тебе в пятом классе? Понравилось? Как учителя?

– Учителя хорошие. Особенно наша классная, она историю ведёт, хорошая, очень добрая. Правда, дети debилы все.

***

Алёша:

– Мамочка, что это?

– Это храм, церковь. А наверху – видишь – купол золотой и крест. Туда люди ходят Богу молиться, кто в Бога верит. Там иконы внутри.

– Я Богу верю.

– Да?

– Да. Я Богу верю.

***

Наша тыква пошла гулять по всему огороду. Пустила во все стороны длинные плети с лопухами-листьями. По пути цепляются, укореняются и сплошь покрыты большими жёлтыми цветами. Тыква-путешественница. Даже не думала, что она такая. В одну сторону до огурцов доплелась, которые растут от неё метрах в шести, в другую – перебралась через кусты малины и влезла на дерево до самой верхушки. Стоит дерево теперь всё в тыквенном цвете и с огромными листьями. И по дорожке не пройти из-за неё, и между грядками. Плоды пока маленькие, только один – чуть больше головы. На пакетике с семенами было написано, что эти тыквы могут достигать пятидесяти килограммов, но я не думаю, что наша достигнет.

Алёша, проходя мимо, возмущается:

– Смотри, какой большой! Пора срывать его! Хватит расти! Вырос уже!

– Это же тыква. Она большая. Пусть ещё подрастёт.

Из трёх вёдер абрикосов получилось 18 банок варенья. Неля сказала, пора принимать заказы из Питера и ставить это дело на поток. И острые, пряные и хрустящие огурчики очень оценят, особенно те, кто водку любит.

***

Пришли на Волгу, а дальнего берега не видно. Как на море горизонт.

– Мама, а где другой берег? Утонул?

– Нет, он в тумане, поэтому не видно.

– Что такое туман?

– Как будто облако на землю опустилось.

Маленькая наша гостья Алиска сидела на мелководье и смеялась, как волны толкают её в бок и в спину, а она не падает. Всё хотела лечь в воду, не зная, что в воде нельзя дышать, а мама оберегала её, удерживала.

Несколько дней было прохладно и шли дожди и грозы, по две грозы в день. Один раз молния, казалось, к нам в окно, прямо в глаза полыхнула, и такой треск оглушительный, даже испугались. Теперь жара опять наступает.

***

Поехали с Алёшей на детскую площадку в центральный парк, где Ленин и арбуз на постаменте, и дорожки, и клумбы вдоль, и японские горки, газоны и свежепосаженные и ухоженные деревья кругом, и лавочки с урнами. Картину только портят поребрики: все блоки выкрашены через один жёлтым и зелёным. А местами – чёрно-белые пролегли длинными гайшными жезлами. (Один наш сосед двадцать минут хохотал, узнав, что в Питере бордюры на самом деле называют поребриками.)

– Мамочка! Смотри, какой фонтан распустился! Идём скорее! Подними меня к нему! Мамочка! В фонтане лягушка плавает!

На площадке Алёша самозабвенно играл с детьми. Вот она – мечта! Настоящий детский сад, неподдельный.

У песочницы мамы-бабушки беседовали.

– У неё соседка померла, а она говорит: «Ну вот, одной сплетницей меньше». Вот так живёшь всю жизнь, помрёшь – и вот всё, что про тебя скажут.

– Буду сегодня перцы фаршировать. У меня пе-е-ерцев наспело!..

– А у меня и перцев, и баклажанов наспело! Тоже надо делать.

От прогулки Алёша устал и раскапризничался по возвращении. Сел во дворе на землю и причитал сквозь слёзы:

– А-а-а... Я так хотел мороженого, а мне не купили... Я не могу выдержать, когда мне не покупают мороженого... А-а-а... Тут земля! Зачем тут не посадили дерево? Ой, горе, горе... Если бы посадили тут дерево, я бы не плакал... А теперь я плачу... А-а-а...

Сразу утешился игрой в человечка. Алёшин любимый персонаж, любимая игрушка и чудесный приятель – человечек, свёрнутый из носового платка, который смешно ходит. Играет и говорит с ним обо всём на свете.

***

Мальчики заигрались в шахматы и забыли про шахматы. Не пошли на занятие.

– Ребята, звоните учителю, надо извиниться.

Пришёл муж с работы.

– Не надо извиняться. Учитель ваш тоже забыл про шахматы. Прибежал ко мне с большими глазами и трясущимися руками: у него сомы сходили один за другим. Но шесть штук всё же поймал. Даже руки не помыл после рыбалки. Купил крючков на сома, лески. Шахматы завтра. На вечер договаривайтесь. По утрам он, похоже, больше не сможет заниматься. Надо уроки английского на утро переносить.

***

Послали мальчиков на пятничный базар за велосипедным насосом. Насосов не было. Вместо насоса они купили чёрную курицу. Ту, из сказки. Принесли в мешке.

– А у нас тут ещё один живой организм!

«Организм» оказался наглым и сварливым. Только выпустили эту новую курицу в курятник, как она всех других кур отогнала от кормушки, затеяла драку сразу со всеми и устроила полный переполох. Чёрная как ворон. Синим и зелёным отливает. И ноги мохнатые. Думаем к весне обзавестись инкубатором.

А по осени муж говорит: вырубим дикие заросли и будем сажать сад. Чтобы и груши, и абрикосы, виноград, черешня, орешник... А миндаль... Так и не выяснила, растёт ли в этих краях.

***

Неля купила бутылку пива. Мальчики строго блюдают трезвость окружающих взрослых и не допускают подобных вольностей, поэтому спиртных напитков в доме почти никогда не бывает. (Плоды моей превентивной антиалкогольной пропаганды.)

– А пиво зачем? – изумился Илюша.

– Видишь ли, – оправдывалась Неля, – я по ночам работаю, и мне нужен какой-то стимулятор, просто чтобы не уснуть над своими переводами. Кофе или хоть пиво, на худой конец.

Дня через три Неля снова купила бутылку пива – одну на троих.

– Зачем пиво? – хотели было возмутиться, но вспомнили. – А, тебе работать...

***

Зашла к мальчикам перед сном.

– Спокойной ночи, мои хорошие. Спасибо, что вы у меня есть.

– И тебе спасибо, мамочка, что ты у нас есть. И что мы есть.

***

Какая всё-таки жизнь долгая. Одно нынешнее лето как целая жизнь. А всё идёт, продолжается.

Ночью рвался ветер в окно, треск и раскаты грома, и дождь лил порывами: то сплошной стеной, то струями. Было не уснуть из-за грома и тревог. Счастливы любовью, но всё ведь мало, подавай ещё уверенность в завтрашнем дне, надёжное благополучие... Да ещё сколько всего хочется успеть за жизнь, а всё нет толку. Всё времени недостаёт на что-то важное. Оставить после себя какой-то след, нечто такое, что пригодилось бы людям, радовало кого-то. Но вот впервые за столько лет бесплодной суеты появилась надежда, что даже и это получится. Как незаслуженный приз, которого и не ждёшь, и не веришь. Как неожиданная любовь – щемящее, болезненное чувство, и не знаешь, кого благодарить – Бога, судьбу ли? У меня критерий верности пути такой: если бы знала, что совсем скоро помирать – что бы делала, что бы изменила? Если совсем ничего – значит, всё правильно и хорошо. Наперёд не загадываю. Никогда не знаешь, что поджидает впереди, какие неожиданности.

***

«Каков парадокс: покуда человек полагает нечто важнее жизни, он готов умереть за эту высшую ценность, а при случае воевать и убивать. Если же главное – жизнь, и нет ничего важнее, то она теряет смысл, поскольку смыслом не может быть что-либо менее важное по определению. Получается, что в гуманистическую модель мира изначально встроена экзистенциальная катастрофа как неизбежный сопутствующий эффект и атрибут, альтернативой же – всякое варварство и дикость. Возможен ли баланс? Или что-то совсем другое?» – всё думалось мне, пока варила борщ. Всё ищу пути к гармонии и всеобщему благоденствию, кроша лук да картошку.

Купались вечером на закате. Старшие мальчики решили помыть свои велосипеды. Заехали в воду и принялись кататься в воде: по грудь заезжали, так что весь велосипед скрывался под водой. Кругами ездили и удивлялись, что так можно. Алёша долго плескался, вышел стуча зубами, чуть не наступив на тухлую большую рыбу.

- Мама, почему рыба на берегу?
- Волной вынесло её, и не смогла вернуться в воду.
- Почему? Потому что у неё нет ползучих ног?
- Да.
- Жалко рыбочку.

Какие на Волге закаты – яркие, разные и неповторимые! Раньше мы что ни вечер ходили за ворота смотреть закат. А тут суета, столько хлопот и забот, и не ходим. Ехали на велосипедах после купания и так засмотрелись, что едва с Алёшей не упали: от нашей дороги ведь глаз нельзя отводить – ухабистая. А небо горит, и рваные тучи с огненным ободом, и солнечная дорожка по воде, а тихая вода синяя, жёлтая и чёрная и нежной бирюзой отливает – не надо и Эрмитажа. Встретили стадо гусей, белых и серых. Вышли из воды и куда-то пошлёпали вперевалку своими босыми лапами. Наша собачка поскакала вслед, стараясь ухватить гуся за хвост, и они, убегая, распахнули крылья в стороны. Муж говорит, может быть, это ничьи гуси. Или убежали у кого-то. Обычно домашних в Волгу не выпускают: если волна, их может унести. Они ведь не летают. Только по осени, – говорит, – тоже на крыло встают. Долго разбегаются и летят низко, по земле крыльями. Высоко взлететь не могут. Домашние.

***

Отправились с мальчиками в больницу за справками для школы. Тут все говорят «больница», слова «поликлиника» не используют. Больница в отдалении. На самом краю посёлка, почти в степи. Далеко ехать. По пути заброшенный заводик или какой-то склад за бетонным забором. Забор весь расписан плакатными картинками и лозунгами. Не всё можно разобрать: выцвели на солнце. «Здоровье детей – здоровое будущее», «Народ – богатство страны», «Берегите любовь!», «Дружба – solidarity», «Спасибо...» А кому и за что спасибо – нельзя прочесть, закрывает куст. На обратном пути остановились, пошли смотреть: «Спасибо нашим учителям!»

Здания больницы и поликлиники со свежим ремонтом, кругом сад и клумбы.

Талончиков нет, поэтому дадим их вам на приём, который будет через неделю, но к врачу можно и сейчас. В крайнем случае, можно и без талончика, так пройти. Никто слова не скажет. Назначили по ошибке пройти не тех врачей, которых нужно, на другой день спохватились, назначили других. Жалобы есть? Жалоб нет. Здоров. Не знаешь, куда идти – проводят до нужной двери. С готовностью и подробно отвечают на все вопросы. Входят в положение, идут навстречу. Пару раз привозила Алёшу в приёмный покой больницы просто посоветоваться, чтобы не беспокоить, не вызывать врача в наш непроезжий край. Выходил дежурный доктор, осматривал Алёшу, давал рекомендации без каких-либо формальностей. Впечатление произвёл врача знающего и опытного.

Жара опять, солнце жгучее. Помидоров набрала на этот раз три ведра и ещё кастрюлю. Муж наварил домашнего кетчупа, или это аджика, не знаю точно. А я приготовила две большие банки и одну поменьше маринованных помидорчиков. Жаль, нельзя сразу пробовать. Ума не приложу, как же мы будем доставать тыкву, что зреет высоко на дереве.

***

Повстречали на детской площадке представителя администрации.

– Какой парк, – говорю, – красивый, и фонтан, цветочки... Дороги бы ещё построили...

– А как же! Дороги каждый год чиним и асфальт кладём. Весь центр уже заасфальтирован!

– А до нас-то когда же очередь дойдёт? В наших краях будут улицы асфальтировать?

– Не-ет, там не будут. Там же ничего нет, только люди живут. Ни магазинов, ничего...

– А люди что же? На людей наплевать, что им после дождя из дому не выйти?

– Нет, ну как же! У нас всё для людей, всё для народа!

***

Наша собачка научилась убивать ежей. Подкидывает ежа кверху лапой, он на лету рефлекторно чуть разворачивается, тут-то и кусает его. Долго училась.

Большая стая чёрных птиц пролетела низко над крышей, громко шелестя крыльями. Почти ураганные порывы ветра освежают. От них – чувство дикой стихии.

***

Какой ветер шквальный и буйный шумит порывами! Взяла фонарик, пошла за ворота смотреть волны. Тьма кромешная, от фонарика тени мятущихся растений – как крысы из-под, ног во все стороны. Ветер в лицо и брызги. К самой воде по камням не полезла, а изда-

ли – только белые частые гребни да грохот. Светишь фонарём вдоль улицы – далеко видно, а направишь свет на воду – черным-черно. Так и не увидела, какие нынче волны могучие и высокие.

***

Собираем чемодан, едем с мальчиками на шахматный турнир. Алёша очень рвётся ехать прямо сейчас, сию минуту, и кричит:

- Поехали в Питер!
- Да мы же не в Питер едем, а в Саратов.
- Поехали в Саратов!
- Завтра поедем.
- Нет! Давай сейчас! Я сам всё соберу!

В чемодан первым делом уложил свои шортики и котят.

- Алёша, котята ещё маленькие, они не могут без мамы Брыси.
- Ну хотя бы одного котёнка возьмём? Ну давай их всех с мамой возьмём! Я так их люблю, наших котяточек!

Насилу уговорили оставить.

***

Уехали из Саратова. Артурчика больше не увидим. Очарование моё.

Возле храма большой и красивый сад, газоны и клумбы, детская площадка, где ребяташек две компании: малыши с мамами и старшие – без родителей – от семи до тринадцати. Таких мальчишек я видела только в своём детстве. Отчаянные. Собираются в стаю. Волчата.

- Артур! Арту-ур! Давай!

Тапки долой – и во весь опор вихрем несётся. Толчок, прыжок, сальто, и песок фонтаном – бухнулся со всего маху на спину.

- Руслан, давай теперь ты!

Но всё равно Артур первый! Артур лучше всех прыгает! Маленький, коренастый, крепкий – комок мускулов. Девять лет.

- Артур! У тебя ноги какие грязные!

– У меня ноги грязные, а у тебя рот грязный! Ты грязные слова говорил, я сам слышал!

Наши мальчики затеяли борьбу на траве. Сразу оставил прыжки, пришёл. Говорит Илюше:

- Давай я с тобой!

Начали бороться. Проиграл.

- Давай ещё!

Снова и снова, раз за разом Илюша клал его на лопатки. Но с трудом.

- Давай ещё!

– Да я устал уже!

- Ну ещё один раз!

Опять проиграл.

- Ну ещё давай, последний раз!

– Всё, я устал, борись с ним! – Показывает на Марика.

– Нет, я с тобой хочу.

– Ладно, давай потом.

Подошёл ко мне. Вихрастый. Глаза огромные. Глядит в упор. Стал, выпятив грудь, улыбается во весь рот.

– У меня сердце чёрное. В нём отражаются все, кому открою. Вот здесь моё сердце! – прижимает ладони к груди.

– Почему чёрное?

Достаёт из-под майки вкладыш от дамской сумки – сердечко с зеркалом.

– Хотите, вам отдам моё сердце? – хохочет. – Нет, кому-нибудь другому отдам. Ещё не решил, кому.

Бережно прячет под майкой на груди. Непонятно, как оно там держится и не выпадает. Карман, что ли, пришил?

– Пить очень хочу.

– А вон, в церкви у входа есть кран, сходи попей.

– Мне нельзя в церковь. Я мусульман.

– Да ничего с тобой не случится, если ты зайдёшь воды попить.

– Как не случится? Случится! Слепну!

– Не ослепнешь. От этого нельзя ослепнуть.

– Слепну на третий день! Приду домой, а ничего не видно!

Зажмурившись, пантомимой изображает слепого, руками ощупывая воображаемые стены.

– А вы завтра придёте?

– Придём.

– Всегда будете приходить?

– Мы только на неделю приехали.

– Арту-ур! Дава-ай!

Метнулся на зов снова прыгать. Разбег, толчок – сальто. Лучше всех!

Назавтра мы не пришли. Мама попала в больницу, я заметалась, всё звонила разным людям, собрались и наутро уехали, не доиграв турнира, не получив ни места, ни следующего разряда. Думала, может, надо будет в Питер. Потом оказалось, что дурные предположения не подтвердились, с мамой ничего серьёзного и срывать было не нужно, да уж поздно. Турнира не вернёшь, и Артурчика, и время вспять не идёт. И денег не вернули за жильё, оплаченное вперёд.

– Да ладно, мам, не расстраивайся ты так! Подумаешь, турнир! Да он нам уже надоел. Мы не любим в городе жить. Там несвободно.

Пока шёл очередной тур, мы с Алёшей играли в шишки во дворе института, где собрались шахматисты. Большие голубые ели вдоль дорожки, под ними шишки.

– Алёша, может, сегодня дома подождём мальчишек? Жарко. Они могут и три часа там просидеть, и больше...

– Нет, пойдём в шишки играть! Пусть они там играют, а мы – в шишки!

Первый тур проиграли, второй и третий – победа. Выходят, издали показывают руками. Гордые!..

– Mamочka, ты так радуешься, а раньше ты так не радовалась, когда мы выигрывали.

– Разве? Наверное, потому, что раньше я с вами не ходила, не видела, как там всё происходит.

– Ты только не огорчайся, если мы продумем, а то нам тоже будет грустно.

– Ладно, не буду.

Город пыльный. С горки на горку – открываются виды и панорамы вдали. Красоты перемежаются с трущобами. Трущоб больше. Старые здания с лепниной и архитектурными украшениями облупились. Новые современные, из стекла и с блестящей плиткой по фасаду, соседствуют с ветхими и покосившимися деревянными домишками. С широкой улицы вдруг сворачиваешь – ухабистая колея, дыры в заборах, и петухи поют. Саратов.

Вернулись домой, в деревню. Привезли с собой полтора десятка шишек. Пошли на закате купаться. Солнце было над рекой, а пока плыла к нему – ушло в воду. Вечерние купания смыывают почти всю шелуху и разную дрянь, налипшую невзначай. Обновляют и освежают внутри и снаружи, как ничто другое.

***

В ночь на первое сентября вдруг пришла осень. Накануне было 27 градусов и можно было ещё купаться, а ночью поднялся ветер, я просыпалась от его порывов, казалось, сорвёт крышу, так она гремела и хлопала своими железными крыльями. Утром пришлось скорей доставать убранные и забытые куртки – и помчались в школу. Ошиблись, пришли на полчаса раньше. Не останавливаясь во дворе, все дети и родители шли прямо в здание. Увидела директора.

– Здравствуйте. А что, линейки не будет?

– Почему не будет? Почему линейки не будет? – как-то даже агрессивно выкрикнул.

– Да нет, ничего, извините.

Пошли искать ребят из класса. Вышли на линейку, построились большим каре. Форма не обязательна. Но почти все девочки в коричневых платьях, белых фартуках и с бантами. Мальчики – кто в костюме и при галстуке, а кто в спортивной кофте на футболку. Кадетский класс при параде. Только начали речи, только начали читать старшеклассники патриотический стишок, как закапал дождик и почти сразу обрушился ливнем. Линейка зашевелилась, расстроилась, поломалась, и все разом побежали в школу, не дослушав стишка. Там детей снова построили в большом и широком холле, а мы с Алёшей поспешили домой – успеть, пока дорогу не развезло.

– Мы как будто не после каникул в школу пришли, а через два года.

Днём солнце, и потеплело. Муж пришёл с работы, начали осеннюю уборку огорода. Убирали остатки урожая. Ботва и огромные лопухи кабачков и тыквы с толстыми и сочными стеблями образовали огромную кучу. Муж расчищал заросли, чтобы стало просторнее.

Из вольера выпустили кур погулять на воле. Очень спокойно и уверенно вышли и гуляли, будто всегда так было и будет. Мальчики вернулись с прогулки.

– Мы поехали на пляж посмотреть, какие волны, и всю дорогу ехали, не крутя педали: нас ветер нёс!

К ночи ветер усилился, бушует, и от этого приятное чувство надёжного и тёплого дома.

***

Если человек плохо разбирается в рыболовных тонкостях, тысяче мелочей и особенностях снастей и при этом ими торгует, ему следует запомнить одно волшебное слово «флюорокарбон». Стоит его произнести, и рыбаки сразу успокаиваются и всё покупают. В сельской лавке рыболовных товаров некомпетентность не страшна. Рыбаки не торопятся и с удовольствием объясняют и подробно растолковывают мне что к чему, когда я подменяю мужа за прилавком. Настоящих торговцев из нас не выйдет. Когда я случайно продала двухрублёвые крючки по шесть рублей за штуку, муж два дня искал покупателя, чтобы вернуть ему сдачу. Впрочем, здесь так принято. Люди привыкли доверять и оправдывать доверие. Деревня.

***

Наша кошка Брыся погибла при неизвестных обстоятельствах, когда её детям было две недели от роду. Пришлось заняться искусственным вскармливанием. Уход же за ними взял на себя старший брат, четырёхмесячный котёнок от предыдущего помёта. Вылизывает их, учит и играет с ними едва ли не больше, чем это делала мама. Выхаживает. Почти не отходит. Он остался у нас случайно: не смогли найти, когда хотели отдать. Назвали Апельсином.

***

Наша гостыня Неля, играя с Алёшей и своей маленькой Алиской, прятала с ними «секреттики» в земле, как это делали мы в детстве: разные бусины и красивые камешки клали в ямку, подстелив конфетную обёртку из фольги, накрывали стеклом от битой бутылки и закапывали. Потом пальцем сделаешь окошко – красиво.

– Мам, мы с Нелькой (называет её Нелькой, как папа) сажали секретик, пойдём посмотрим, наверное, он уже вырос!

– Пойдём посмотрим. Но он не может вырасти, это же были не семена, а просто игра такая.

– Да нет, мы же его посадили! Наверное, вырос!

***

Ехали с Алёшей на велосипеде.

– Мама, почему собачка в канаве лежала?

Вспомнил событие двухмесячной давности, захотел ещё раз услышать объяснение.

– Она погибла. Её сбила машина, и она упала в канаву.

– Что значит погибла?

– Умерла, и её больше нет. Только тельце осталось неживое. Не шевелится и не чувствует.

Проезжали мимо памятника с Вечным огнём.

– Это памятник погибшим детям?

Оказывается, слышал, как мы говорили про матерей Беслана. Рассказывала мужу известия об их аресте. Мы мало читаем новостей, но как прочтём, так непременно попадётся какая-нибудь очередная запредельная и преступная пакость. Казалось бы, давно уже пора перестать изумляться, и давно всё понятно, и каждый штрих соответствует общей картине, но по-прежнему всякий раз не веришь глазам.

– Нет, это памятник погибшим солдатам во время войны, которая была очень давно, ещё когда бабушка не родилась.

– А где памятник погибшим детям?

– Далеко, в другом городе.

– Мы туда поедем?

– Нет, не поедем.

– Я хочу поехать.

– Зачем, малыш?

– Увидеть памятник погибшим детям. Мама, я нашёл погибшую бабочку. Я её в травку посадил.

***

Мальчики делали уроки. Из их комнаты – безудержный хохот.

– Ну что, написали?

Им задали по русскому написать диалог под названием «Встреча старых друзей». Илюша протягивает мне листок.

– Да, я написал. «Встреча старых друзей. «Привет», – сказал Алексей. «Привет», – сказал Афанасий. «Как дела?» – спросил Алексей. «Хорошо», – ответил Афанасий. «А у тебя?» – спросил Афанасий. «У меня тоже», – сказал Алексей. «Ну, пока», – сказал Афанасий. «Пока», – сказал Алексей. «Завтра ещё поговорим?» – спросил Афанасий. «Непременно!» – ответил Алексей.»

Отсмеявшись, снова взял ручку.

– Так. Ладно. Я перепишу. «Доброе утро», – сказал Алексей. «Доброе утро», – ответил Афанасий»...

– Илюш, это у тебя уже следующий день? – Марик поднял глаза от своего диалога про грибы, палатку и холодное лето.

– Да, следующий. Там ещё после каждого ответа долгая минута молчания должна быть.

***

Ребята вернулись из школы возбуждённые и весёлые от злости. Рассказывали, подпрыгивая и размахивая руками:

– Мама, один мальчик из параллельного класса испортил нам велосипедную пристёжку и колесо проткнул! Мы его побили. Маркуша побил. Завтра ещё я побью. Сегодня я не успел: он убежал от нас. Его одноклассники говорят, что он самый сильный, и его все боятся, а он всех обижает. Но я не знал, что он самый сильный. Ты бы видела, как он бежал! Завтра так же побежит. В магазин за пристёжкой и камерой.

– Один из его одноклассников нас потом спрашивал: «Вам сколько лет?» – «Двенадцать». – «А вы откуда?» – «Из Питера». А он говорит: «Я бы тоже хотел быть из Питера».

***

Пришёл муж с работы.

– Поехали, – говорит, – в степь за помидорами! Ещё кетчупа сварим.

Отправились на нашей телеге без коня – на мотоблоке с прицепом. Раньше люди при виде этого транспорта останавливались, поражённые, а теперь он постепенно начинает распространяться среди населения. Удобно. Я впервые на нём прокатилась. Так похоже на телегу, что невольно хотелось подхватить вожжи по детской памяти. Проехали двух лошадок, варварски стреноженных цепью, стадо коров, бабушку с козами, а дальше ничего не было, только степь да ветвистая колея. Долго ехали по степи, муж сворачивал с одной колеи на другую, ориентируясь неизвестно по каким признакам. Или, может, по солнцу? Приехали к дунганам. Поля до горизонта, всё помидоры и другие овощи. Шатры, один от другого на большом расстоянии.

– Неужели они в этих шатрах живут? Да нет, не может быть.

На поле две тётки в платках и длинных платьях собирают, наклонясь, помидоры. Их муж подошёл. С древнекитайской редкой бородой клином. Набрали помидоров два ящика и перцев немного. Спрашиваю:

– Как же вы их поливаете? Поля такие огромные!

– Да вот, с ведром ходим да с чайничком, – смеётся.

Из шланга поливают. Канавку-грядку выстилают плёнкой с дырками, в дырки – рассаду. Потом на плёнку льют, и вода идёт под каждый куст – ни капли мимо. И сорняков почти нет. Повёл нас к шатру взвешивать. По 15 рублей за килограмм. Шатёр построен из палочек и полиэтиленовой плёнки. Рекламные большие плакаты тоже в ход пошли. Крыша – плёнка, а у других соломой покрыта или кусками шифера. Земляной пол. Два помещения: спальня (её убранства мы не видали) и кухня – три стены из хлопающего на ветру полиэтилена, местами порванного, четвёртой стены нет, это вход. У входа глиняный очаг с отведением для дыма. Картонные коробки везде, доски, ящики, дынные корки и посуды немного. Двое детишек, двух и трёх лет, сидят посередине на ящиках. Младший мальчик заплакал. Отец взял кувшин, плеснул воды себе на руку, умыл лицо мальчику – утешил. Рядом наскоро сколоченный низкий курятник. Вокруг него куры сидят, хохлятся на ветру. Ещё туалет – кривая маленькая будка из шифера, без крыши, чуть в отдалении. Расплатились, уехали. Заяц проскакал совсем близко, уши его успели особенно хорошо рассмотреть. Сильный запах полыни. Огонёк вдали – газовый факел. Огромное небо, и в любую сторону – простор до горизонта.

– Ну как, хорошо в степи?

– Ветрено.

– Скоро грибы пойдут, после дождика. Шампиньоны.

– Я потрясена. Я думала, так живут только в Африке. А ведь они не бедные.

– Нет, не бедные. У них и дома, и квартиры, и машины есть. Зимой в домах живут, летом – в поле.

На границе степи и посёлка рыскает стая бродячих собак. Бросаются волками и преследуют. Если же остановиться и показать агрессию – убегают. Трусливые наши волки.

***

Все уснули. Вышла на крыльцо в темноту. Что это тишина такая кромешная? А, цикады больше не свиристы. И коты не воют, собаки молчат. Холодает.

***

У моего кота раскосые глаза. Ему полтора месяца от роду, но выглядит он на три недели. Если у котов бывает болезнь Дауна, по-видимому, она у него есть. Есть же у него большинство других патологий, какие бывают у полуторамесячных котят, почему бы не быть и болезни Дауна? Во всяком случае, взгляд его раскосых, широко расставленных и слезящихся глаз именно такой, когда он, взъерошенный и тощий, со своим раздутым брюхом, в растерянности стоит на дрожащих ножках и смотрит, запрокинув голову, в глаза входящему. Дважды он умирал, и оба раза мои реанимационные мероприятия, как ни странно, возымели действие. Проснувшись утром и найдя обмякшее тельце в самом плачевном и безнадежном состоянии, я опять беру физраствор, отщипываю от таблетки антибиотика дозу «одна крошка», и всё начинается сначала: каждые полчаса то и это, и сё, и поить, и кормить, и менять воду в грелке.

- Котёнок умирает.
- Ну так оставь его в покое.
- Но он кричит.
- Ну хочешь, я его убью?
- Нет, не хочу.

Муж, отвернувшись, уходит на работу. А мне-то что делать? Беру физраствор, куда деваться. Усыпить? Для этого надо взять кота, везти к ветеринару, по дороге думать, что вот ещё полчаса ему осталось жить, этому заморышу, пребывающему в твёрдой уверенности, что всякий, кто оказывается в его поле зрения, – это его мама.

Первые две недели ухода за котом я сетовала, возмущалась и роптала на судьбу, подстроившую мне такую ловушку. Потом бросила сетовать. Смирилась. Ладно. Кот так кот. Будем лечить. Справились с конъюнктивитом, гнойным ринитом, пневмонией и профузным поносом. Инъекций не делала. Думала: если кот умирающий, что мучить? Это не по-хосписному. Теперь он начал питаться самостоятельно и ходить на «горшок». Даже робко пробует играть и лижет иногда свои лапы. Теперь главное, и единственное, и страстное его желание – это быть у меня на руках, и он использует для достижения своей цели любые возможности, протискиваясь в щель неплотно закрытой двери и карабкаясь по ногам. Бедный Федотка-сиротка. Теперь у нас два рыжих кота. Апельсин и Федя. Впрочем, заранее не угадаешь и не спрогнозируешь, как сложится жизнь кошачьего «дауна».

***

Пришли мыши. Пока была кошка Брыся, их заметно не было. Днём Алёша захотел спать, и я с ним лежала, читала ему книжку. Шорох отвлек. Такой громкий, мы подумали, кот играет под креслом. Отдвинули кресло – кусочек вафли на полу. Стали ждать. Спать Алёша сразу расхотел. Лежали и смотрели. Вышла мышь и унесла вафлю.

– Мама, ты видела? Прямо ротиком взяла и унесла мою вафлю! Какая наглая норушь-мышь!

Над плинтусом под обоями проделан длинный ход вдоль всей стены. Там же и тайник с вафлей. Через полчаса нашла Алёшу возле норы. Вафли не было.

– Алёшка! Ты что, забрал у мыши вафлю и съел?

– Да нет, это же мыша у меня её забрала! Ну ничего, я ей кусочек сухачего хлеба оставил, пусть его берёт.

***

У нас в кухне на полу красная гладкая плитка. Одна плитка треснула и почти отвалилась.

– Поменяй, пожалуйста, битую плитку, а?

– Не хочу.

– Почему?

– Опять отвалится.

– Почему?

– Дом шевелится.

– Что же делать?

– Да пусть шевелится.

– А как же плитка?

– Надо балку укреплять. И фундамент. Пока нет возможности.

Мне жаль плитки. Приятно её мыть и ходить босиком в жару. Красная – потому что ворованная и продавалась очень дешево. Когда муж её выкладывал, пришёл сосед.

– О! Пол красный! Ну... хорошо: крови не будет видно.

***

Ходили голосовать. Всё было чинно и благолепно: электронные урны, наблюдатели молча бдели, милиционеры услужливо провожали старушек, на выходе – девушки с соцопросом. Алёша плакал, требовал ручку, хотел тоже рисовать галочки на бюллетене.

Дождь, грязь, холодно. Накануне забыли закрыть курятник. Утром куры разошлись далеко по всему огороду и по соседям. Думала, не соберём. Но не пришлось: яйца пришли класть в курятник и к вечеру сели на свои насесты, ни одна не пропала. Муж перевесил все двери: дом чуть осел, и двери стали закрываться с неприятным усилием. Теперь как новые. Всё нянчу кота, слабеющего, стоит лишь чуть уменьшить интенсивность ухода и терапии.

Алёше наскучили читанные-перечитанные книжки, и вместо чтения на ночь считали и решали задачки. Вдохновился, не мог уснуть. Ждал мышь. Пришлось покачать под песенку.

Ругала грязь и разруху, дыры в заборе и беспорядок в доме. Мальчики собрали с пола, вытащили из-под кровати и сложили аккуратно свою одежду. Муж повесил сушиться нитку острого красного перца, и так красиво, что у меня даже слёзы.

– Скоро помидоры будут по пять рублей.

– Мам, картошку продают по десять рублей девяносто пять копеек! А пятикопеечных монет-то нет!

Варили последний в этом году кетчуп и танцевали под Синатру.

– Нет уж, я по-колхозному.

– Нет уж, по-бальному.

– Давайте-ка я разорву ваш кружок, – вклинился, присоединяясь, Илюша.

Пока читала мальчикам на ночь Чехова, муж на кухне солил сало, подпевая музыке, а я всё прислушивалась, сбиваясь с текста. На дворе тьма и сырость, и тишина полная и постоянная.

***

Алёша смотрел старый мюзикл «Мама».

– Я тоже хочу! Мама, я тоже хочу такой праздник!

Когда дочка была маленькая, в самый промозглый и тоскливый день, когда, казалось, жизнь не удалась и это непоправимо, и надо было как-то спасти ситуацию, потому что Ксюшке передавалось моё настроение, а её слёзы и капризы ещё больше угнетали меня, вот в такой день мы с ней устраивали день рождения апельсина. В первый раз экспромтом, а потом почти ежегодно. Наряжали апельсиновое дерево на манер новогодней ёлки, покупали торт, шарики и подарки, надевали платья, включали музыку. Я не пыталась изображать веселье, просто делала все эти вещи, и было приятно, что Ксюшка радуется. Она вспоминает эти «дни рождения» до сих пор и, чувствую, даже сейчас не прочь. Съездили с Алёшей в магазин за шариками и хлопушкой, взбивали крем, украшали торт. Свежая скатерть, из огорода поздние астры. Почти не давал мне ничего делать, всё хотел сам. Еле успели до возвращения мальчишек из школы.

– Спасибо, мамочка, что так хорошо мне помогала!

Муж закрыл магазин пораньше.

– Хотите в степь за грибами?

Хлопушка сломалась и не хлопнула. Грибы ещё не выросли, рыбы в зале не поймали, сусликов и зайцев не видали, небо хмурое, ветер пронизывающий. Набрала букеты камышей и полыни. Муж дал мне попробовать править нашей железной лошастью.

– Ты мужественная женщина. Вышла замуж за дурака, едешь теперь на мотоблоке.

А мне нравится. Оба дураки ведь. Во всяком случае, в этой поездке у меня было самое настоящее и сильное ощущение везения, праздника и счастья.

***

– Представляешь, мама, в «Серове» новая продавщица, такая противная! В долг не даёт! У нас всего трёх рублей не хватало на сметану, а она говорит: «Ну, возьмите маленькую».

- Она и не должна.
- Что значит, не должна? Мы же всегда возвращаем! Она просто дура противная. Вот Лена всегда прощает и двадцать рублей, и даже сто! Она же знает, что мы вернём.
- Ну, а эта работает по правилам. Почему она дура, если просто соблюдает правила?
- Ну, а нам не нравятся такие правила. Даже не хочется больше в «Серов» идти. Будем в «Артёме» покупать. Лена теперь там работает.

***

Ну вот опять довелось убедиться со всей очевидностью, как неотвратимо и неуправляемо прёт и пульсирует исторический процесс, увидев, подсмотрев очередной его маленький «бульк» – выборы. Не было случая, чтобы авторитарный или тоталитарный режим прекратил своё существование путём демократических выборов. Это невозможно в силу законов истории, непреложных, как законы природы, законы физики. Нечего и сетовать. Революции, войны с переделом территорий, государственные перевороты с последующими длительными социальными потрясениями либо всенародное пассивное сопротивление. Такие бывали в истории варианты.

***

Наскупило сидеть дома, пошла на работу. Поменялись с мужем на денёк для разнообразия. Пошли с мальчишками впервые пешком. Свежо после ночного дождя и сыро. Как же приятно, когда нет над тобой начальников! Только ради этого стоило всё бросить, уехать в глушь и завести своё дело. Дельце. И как же приятно, когда сколько ни есть в жизни контактов с окружающими – и случайных, и мимо-лётных, – все они просты и доброжелательны. Почти уже и не мечтала о таком чуде, а оно так легко воплотилось в глуши и бездорожье. И как же свободно, когда не нужно спешить и нет вынужденного общения!

Говорила по весне с учительницей.

- Из Питера – в эту грязь? Здесь осенью такие дороги плохие!
- Ну, грязь – не самое страшное.
- Для меня – самое.
- ...Теперь и для меня – самое.

***

Три месяца у нас жила бабушка. Ей было 92 года. Мы забрали её к себе, когда стало очевидно, что ей нужен уход, а от сиделки, «чужого человека в доме», она наотрез отказалась. Она почти ничего не делала, только раз или два в день раскладывала пасьянс да пыталась читать, набрав большую стопку книг, но читать она не могла: сразу же засыпала. Ещё беседовала по телефону с подругой, которой 95. Рассказывала ей обо всём, что происходит, вернее, о том, что не успевало ускользнуть из памяти. События в памяти удерживались только значимые – такие, как переезд. Всё прочее бабушка забыва-

ла в тот момент, когда отвлекалась на другое, и прежние объекты уходили из фокуса внимания. Зачем она здесь, у нас, на другой день по приезду она уже не помнила. Бабушка тосковала о своей квартире и рассказывала подруге по телефону о нашей семье отстранённо, как о персонале пансионата.

– Люди здесь хорошие, дружная семья... Кормят вкусно...

О том, как бабушка жила у себя дома, она в скором времени почти забыла, но тоска по дому осталась. Когда-то она была доктором и преподавателем, писала научные труды. А теперь слабеющая память не давала ей возможности научиться пользоваться телевизором, усвоить разницу между мобильным телефоном и домашним, и она бессчётное количество раз задавала одни и те же вопросы про телевизор и телефоны. Иногда до восьми раз за полчаса, забывая и объяснения, и сам факт заданного вопроса. Впрочем, телевизор она не смотрела.

У бабушки развилась булимия. Она была голодна через полтора часа после обеда и не хотела терпеть голод ни минуты. Поэтому питалась по шесть-семь, а то и восемь раз в день, совершенно этого не осознавая и тут же забывая, если ей это сообщали. Вопреки страшной забывчивости, оставляющей место для смысла только в текущем моменте и далёком прошлом (в будущем бабушка видела одну смерть, а более оно ничем её не занимало), ощущение непрерывности жизни и совершенно прежнее самосознание у неё сохранялись. Нечто похожее память прodelьвает и с нами. Это можно заметить, вспоминая давно прошедшее время вместе с теми, кто был тогда рядом. Воспоминания оказываются разными. Были вместе, а помним разное. Часть времени, наполненного событиями, совсем не сохраняется в памяти, ощущение же непрерывности жизни остаётся.

Бабушка путала день и ночь, не всегда могла вовремя воспользоваться уборной, почти этого не замечая. По ночам ковыляла, шаркая, по квартире, хлопая дверьми и натыкаясь на стены, так как не зажигала света, чтобы никого не побеспокоить. Бабушке предлагали и даже уговаривали её совершать прогулки, ведь, живя у себя дома, она несколько лет уже не спускалась со своего третьего этажа, но гулять она отказалась. Может быть, опасалась трудностей, а может, было неинтересно и не хотелось. Она говорила подруге по телефону:

– Ничего не происходит... Лежу целый день, в потолок смотрю да сплю. Разве только во сне что-нибудь увижу – тем и живу.

Однажды она сказала:

– Сегодня я во сне каталась на коньках.

Ей хотелось поговорить, но собеседники почти сразу её утомляли: она слишком привыкла быть одна. Поэтому дети, чувствуя её усталость, перестали заходить к ней в комнату, а младший даже и побаивался. Однажды бабушкина подруга вспомнила сорок лет назад подаренные ею серебряные ложку и вилку и попросила их вернуть. Мол, пенсия мала, да к тому же это был подарок покойного мужа. Бабушка велела принести злосчастный прибор, чтобы отослать его бывшей подруге и более с ней не общаться, и плакала от обиды и разочарования, переживая невозможную утрату единственного друга. Через

несколько минут она забыла, что говорила со мной об этом происшествии, а ещё через полчаса и само оно изгладилось у неё из памяти, и они вновь беседовали по телефону как ни в чём не бывало.

Бабушка призывала смерть, говорила, что устала и жить больше не хочет. Вместе с тем тщательно следила, чтобы утром и вечером ей давали лекарства, и просила говорить ей их названия. О необходимости приёма лекарств она помнила. Временами бабушка была обижена на недостаток душевного тепла и внимания и отвечала подчёркнуто холодно, а иногда трогательно благодарила меня за заботу. Но что бы ни происходило в отношениях её с людьми из прежней жизни, по прошествии недолгого времени всё нынешнее забывалось и отношение сохранялось таким, каким было раньше, до ослабления памяти.

Когда бабушка смотрела непонимающими глазами и вдруг улыбалась, улыбка её была совершенно детской, младенческой. То же выражение лица, в точности. Бабушка вела дневник, записывая туда текущую дату, названия и дозы назначенных ей препаратов, не совсем, видимо, доверяя моей компетентности; даты рождения и смерти мамы, имена правнуков, президента и премьер-министра, советы подружки и дела: например, уточнить телефонов и телевизора. Сделав запись в блокноте, она вырывала из него лист, чтобы он лежал отдельно на столе перед глазами, и листочки с записями, как снежные хлопья, покрывали стол, слетали на пол и забивались под мебель. Она их не читала.

Как-то раз она брала со столика предметы и спрашивала:

- Это что?
- Это мобильный телефон.
- А это что?
- Это городской, домашний.
- А это?
- Это пульт от телевизора.
- А это?
- Это вилка.

Тут она расхохоталась. Единственный раз за всё время.

Когда настало время ей возвращаться домой, мы накануне перевозили её вещи, чтобы на следующий день везти бабушку налегке. Пока мы собирали вещи, она волновалась, следила за сборами, десятки раз переспрашивая, куда упаковали тот или иной предмет. К вечеру всё это позабыв, спросила, куда же подевались все её вещи, и, выслушав ответ, заплакала.

– Как же я могла забыть? Неужели настолько нет памяти?

Впервые собственная забывчивость предстала перед ней со всей очевидностью. Впрочем, ненадолго. Ровно на столько, сколько она удерживала эту мысль, не отвлекаясь ни на что другое.

Я очень устала от бабушки. Немыслимое количество поглощаемой ею еды, которую надо было покупать и готовить, хлопанье дверьми по ночам, лужи на полу, одни и те же вопросы, задаваемые бесчётное количество раз, неприкосновенность её комнаты, в то время как остальные ютились в оставшейся – это было ничто по сравнению с тяжестью медленного и одинокого угасания, наблюдением про-

щального, растянутого во времени абсурда. Я не сдюжила. Не справилась. Стала болеть и отказалась от ухода за бабушкой. Мы наняли ей сиделку. Бабушка вынуждена была согласиться: раз уж я не справляюсь, куда деваться. Вернувшись домой, она приободрилась, даже воспряла духом, стала чуть меньше спать и есть, а количество одних и тех же задаваемых ею вопросов удвоилось. Сиделка бабушке понравилась. Через неделю она забыла о том, что у нас жила.

Бабушке принесли кота. Большого и флегматичного лентяя. С той поры бабушка по целым дням сидела в кресле или лежала в постели и гладила кота, попивая кока-колу. Живя у нас, она пристрастилась к этому напитку и более не желала без него обходиться. Единственное, что вызывало её беспокойство, – периодическое исчезновение кота из поля зрения. Через полгода и она, и её подруга разучились пользоваться телефоном и почти утратили связь с реальностью, настолько ослабела память у обеих старушек. Периодически сиделка подружки звонила нашей сиделке справиться о бабушкином самочувствии.

***

Год спустя бабушка почувствовала себя плохо и внезапно почти перестала понимать что-либо. Перестала вдруг пользоваться уборной, ела тапок вместо пирожка, а прощупав её пульс, и по другим признакам, моя мама, в прошлом кардиолог, определила у неё состояние, угрожающее жизни. Тут мы призадумались, так как бабушка на протяжении последних лет, пока была ещё в разуме и ясной памяти, не уставала повторять при каждой встрече о желании умереть в своей постели.

– Только не казённый дом! – говорила она.

Не приглашать врачей? Но они, может быть, помогут, и проживёт ещё год или два-три, – думали мы. Тем более если удастся нормализовать сердечную деятельность и улучшится кровообращение, то и умственные функции могут вернуться к обычному для последнего времени состоянию. Да и незаконно это – не оказать медицинской помощи. Вызвали неотложку, и бабушка оказалась в кардиологической реанимации, где ей установили временный кардиостимулятор. Поначалу в реанимацию родственников не пускали, а когда пустили, выяснилось, что бабушка кричала, выдирала кардиостимулятор, капельницу и катетер, поэтому её привязали к кровати.

– Надо мной издеваются! Это хуже, чем концлагерь! – кричала бабушка.

Сразу после установки постоянного кардиостимулятора бабушку перевезли в хоспис, где работает моя мама. Дома обеспечить круглосуточный уход и терапию по назначениям кардиологов мы не могли. Переезда бабушка не заметила. Она почти всё время спала. Её будили, чтобы покормить с ложки и дать лекарства.

– Что мне будут делать?

– Ничего. Не волнуйтесь и отдыхайте, – сказала медсестра.

– Хорошо, – сказала бабушка и уснула.

Больше она ничего не говорила и через два дня умерла во сне.

***

Кабинет № 1. Толстая книга, в которой регистрируют трупы под четырёхзначными номерами.

– Мы – родственники умершего № 3425.

Очередь:

– Лучше не умирать! (Смеются.)

– Да уж. Но когда 93 – приходится.

– О, у нас тоже 93!

– Ой, правда?

– Да, на 94-м.

– И у нас на 94-м. Дед.

– А у нас бабушка. Деду брюки надо, рубашку... Нам проще...

Кабинет № 2. Гробы разных цветов, разной формы крышки, с кистями и без. Гроб-триколор. Для патриотов. Гроб бывает стандартный, полуторный и двойной. Зависит от комплекции трупа. Мужчину, который здесь работает и каждый день оформляет документы на покойных, наверняка посещала мысль, что рано или поздно его неминуемо положат в двойной гроб. В кабинет сначала входит его живот, а следом он сам. Утомлённый, измотанный.

– Сейчас самый разгар оформления. – Звонит в их транспортную компанию, не может дозвониться. – Даже в очередь не ставят! Самый разгар.

Попад в телефонную очередь, включает громкую связь и кладёт телефон. «Пожалуйста, дождитесь ответа диспетчера» – четыре коротких гудка: «ту-ту, ту-ту». – «Пожалуйста, дождитесь ответа диспетчера» – «ту-ту, ту-ту». – «Пожалуйста, дождитесь ответа диспетчера...» Шумно листает бумажки. Ударяет по ним печатью много раз, удары печати почти музыкальны. «Пожалуйста, дождитесь ответа диспетчера». Удары печатью сменяются многочисленными щелчками степлера. «Пожалуйста, дождитесь ответа диспетчера...»

На том конце провода берут трубку.

Входит мужчина.

– Я на минутку. Свидетельство забрать. Кундиков.

– Да, вот ваше свидетельство. А вы кто? Заказчик же мать.

– А я вот... – Показывает корочку.

– И что? Ну, Кундиков. А вы знаете, что через эту бумажку и с наследством все вопросы решаются, и вообще все. Я её кому попало отдавать не могу. Ну ладно...

Отдаёт. Кундиков что-то подписывает и уходит.

– Вот пришёл щас... Кому свидетельство отдал?.. Что, Кундиков?! Удостоверение он мне показывает... Ручку забрал? Краса-а-вещ..

***

Хоронили бабушку правнучка и бывшая сноха. Больше никто не пришёл. Всё.

Продолжение следует.

**Евгений
ЭРАСТОВ**

ВЫСОКИЙ БЕРЕГ

***

Как Петя и Гаврик в Одессе рябой,
В палящее солнце и море влюблённый,
Я так был доволен своею судьбой!
Я мидии чистил в Аркадии сонной.

На стройных шелковицах – стайки галчат,
В приморских садах – разжиревшие розы,
В степи аккерманской цикады трещат,
Мадам Стороженко кричит на привозе,

Закройщик Паценкер кроит лапсердак,
И августом пахнут созревшие дыни.
Страны олигархов, страны доходяг –
Вы мне не поверите! – нет и в помине.

Неужто всё это привиделось нам?
Сгибались биндюжников потные спины,
Мятежный «Потёмкин» блуждал по волнам,
А нынче чубастый мираж Украины,

Горилки нажравшись, пужает бродяг.
А ласточка, вспомнив свой дом глинобитный,
Червонный менять и не думает флаг
На тот, опереточный, жовто-блакитный.

И Вечный огонь словно факел горит
Над городом русской поруганной славы,
И дюк Ришелье на бульваре стоит,
И едет по площади Пушкин кудрявый.

-
- Евгений Ростиславович Эрастов родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Автор шести поэтических и четырёх прозаических книг, а также многочисленных публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премии Нижегородской области им. А. М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (2014) и других, победитель нескольких международных литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

***

Вдоль деревни – штакетник понурый,
Кособокие избы подряд.
Анемичных берёзок фигуры,
Тополей криворуких парад.

Молодая краснеет рябинка,
От поленниц сереют дворы.
В глубь оврага сбегает тропинка –
Там шальные свистят комары.

Там сплетаются дикие травы,
Деловые ползут муравьи,
И трещат в бересклете корявом
Дорогие мои соловьи.

Не подумай, что это случайно!
Не ошибочно чувство моё.
Есть в оврагах какая-то тайна –
Разгадать невозможно её.

Божьи люди, бомжи, доходяги –
Кто не бродит по нашей стране!
Всех нас тянет в такие овраги –
Будто спрятано что-то на дне.

Будто в мокрой холодной ложбине
Ты сокровища мира найдёшь.
...Поскользнёшься на розовой глине –
И в болото лицом упадёшь.

Обожжёт малолетка-крапива,
Что в овраге дрожит сиротливо,
Вся в трухе да в болотной пыли.
...Отодвинешь траву боязливо –
Ничего, кроме мокрой земли!

***

Листва кружевная на влажном ветру
Трепещет... Кому и зачем это нужно?
Подумаешь вкратце: «Я тоже умру
Под ветром упрямым, таким безоружным.

Умру и забуду слепую листву,
Забуду на тухлой воде водомерку,
Болотную эту забуду траву,
Я стану *ничем*, и вставать на поверку
Мне незачем будет – ведь я *не живу*».

Неужто такой он – вселенский покой?
Бесчувствие, тлен, и не надо стремиться
Уже ни к чему... Он безмолвный такой,
И только безумные альфа-частицы
От гамма-частиц отлетают с тоской.

К чему же нелепые эти слова
И сдвоенных строчек тугие созвучья,
К чему ты тогда, кружевная листва,
К чему вы, сухие и острые сучья –
К чему это всё, если смерть не права?

И все ж остаются азот, кислород
И вы, единичные атомы серы.
Такой вот естественный круговорот.
...Безумный жасмин так вальяжно цветёт,
Он белый, зелёный и счастлив без меры.

***

Весь июль – шум дождя по карнизу.
На погоду не стоит пенять.
Не постичь Божий замысел снизу,
Суть Творения нам не понять.

Что нам Азия? Что нам Европа?
Истончается солнечный свет.
Так и было во время Потопа:
Всем казалось, что выхода нет.

Всем казалось, что это навеки –
Громогласная эта вода,
Полноводные, шумные реки,
Затопившие всё в человеке,
А не только дворцы, города.

И, ничтожные дети природы,
Не уйдём от всеобщей беды –
Погружаясь в хрустальную воду,
Ощутим неземную свободу,
Ведь и вышли мы все из воды.

***

Не артобстрел, но гнёзда Птиц Небесных
Весь испещрили берег дорогой,
Высокий берег – ласковый, чудесный,
Поднявшийся над Волгою дугой.

Не артобстрел, но мир – большой и ёмкий,
Где комаров упорные рои,
И рыбий плеск, и поиск тёплой норки,
И ровное дыхание семьи.

Они над Волгой стайками летают
Стремительно и резво и беда
Совсем не ждут, и всюду их встречают
Семирамиды пышные сады.

Откосы эти – рыжие, кривые,
Поросшие ромашкой, лебедой,
На берегу – дубы сторожевые,
Застывшие над волжскою водой.

А по ночам взыскательные звёзды
Проводят здесь торжественный парад.
...Не артобстрел, но ласточкины гнёзда –
Нерукотворный птичий Сталинград.

***

Крякнет жалобно дикая утка.
Затрещат в тишине камыши.
Здесь воспримешь тревожно и чутко
Каждый шорох озябшей души.

И выходят в тот час на поверку
Все стрекозки из тонкой слюды,
И рисуют круги водомерки
На доверчивой глади воды.

Караси притаились во мраке,
Паучок, как заядлый циркач,
На канате повис, и собаки
Из ближайших разлаялись дач.

И, менять не желая привычки,
Привяжу свою лодку к ветле.
...Затухающий гул электрички.
Полоумные звёзды во мгле.

***

Всё, что было, сберёг фотоснимок.
Не напомнят о прошлой беде
Эти плоские листья кувшинок
На дрожащей от ветра воде.

Как насупились тучи сегодня!
Капиллярный шуршит кровоток.
Невесомые скользкие сходни,
Полусгнивший ольховый мосток.

Как на досках легко оступиться!
Далеко ли тебе до беды?
И знакомые с юности лица
Проступают из мутной воды.

Сколько вас, первозданных видений,
На огромных летят скоростях!
И следы от неловких падений
Проступают на острых локтях.

И сидишь, опечаленный инок,
Возле мокрых болотных травинок,
Знать не зная, когда же конец.
...Я не брошу вас, листья кувшинок!
Не предам тебя, жук-плавунец!

***

Эти капли дождя по трубе
В предрассветные сумерки, чудо
Мокрых листьев – подскажут тебе
То, что мы ещё живы покуда.

Пробежит ветерок по листве,
Закачается пижма в канаве.
Пусть кузнечики в мокрой траве
О прижизненной думают славе.

«Слава – дым», – как сказал Эпиктет.
Эпиктет ли? И в этом ли дело?
Я прожил уже тысячу лет,
Но так дорог дождливый рассвет...
И про жизнь, что вся сходит на нет,
Не могу я сказать: «Надоело».

Натэлла
ЛЕВИЦКА

ДВА РАССКАЗА

АНГЕЛ НА КРЫШЕ

*...Если Ангел садится на крышу,
значит, нужно сменить черепицу...*

На кухне – три женщины.

Одна – стилизована под вамп: удачливая, энергичная, самодостаточная – рассуждает...

Она не предполагает – утверждает. Поэтому возражать никому не хочется, все слушают безропотно. Внемлют.

В целом, менторски-шефский тон всегда себя оправдывает.

И как бы в глубине души ты ни был с нею не согласен, только задним умом догоняешь, сколь она ловко свою точку зрения выдаёт за постулат.

– Насколько разный смысл вкладывается в понятие «романтика», – наблюдая за приготовлениями хозяйки, высказывает суждение она. – У них «романтика» – это рыцарство, дамы, дворцы, барокко, маньеризм... А у нас – грязная фуфайка, лес, костёр, комары. И чтоб обязательно песни орать дурными голосами... Что-то мне как-то такой романтизм...

Это – подводка темы, сейчас начнётся самое основное... И – точно!

– Я – ему («ему» – подразумевается супруг): «Хочу увидеть пражскую весну. «Игрушечную» Европу. Альпы зимой». А он: «В жизни должно быть место рюкзачку». Тыгдымский конь! Мне оно надо: покусанная физиономия, ревматизм и простуженный мочевой пузырь?.. Романтика...

-
- Натэлла Левицка живёт в Саратове. Публиковалась в поэтическом сборнике «Глагол» (Москва, 1992 г.), в литературно-художественном альманахе «Чудеса и приключения» (Москва, 2007, 2008, 2009 гг.), в журналах «Волга–XXI век» и «Пражский Парнас» (Прага, 2016 г.).

– Да-а, – соглашается хозяйка-ворожея, колдуя у плиты, – сколько раз я своему говорила: сначала вытяжку и фильтры для воды. А он – люстру!

Тема новоселья и обретения у меня ещё в далёком далёко... Неактуальна... На данном промежутке – свободный полёт в затяжном прыжке. И парашют не раскрывается, и земля близко.

Моё жильё пропахло краской и желатином с электрической плитки... Ноль мебели, ноль уюта, одни стенные шкафы, доверху набитые тубусами и рулонами бумаг... Мало романтического.

– Чего молчишь? Поддержи тему.

– Да я... поздно лёг – рано встал... Сонная какая-то... Всю ночь писала.

– Такими темпами картины рисовать – соплями изойдёшь, – безапелляционно заявляет хозяйка. – Ты бери пример... (Называет фамилию модного на сегодняшний момент живописца.) Он грунтует сразу пять холстов. Потом – раз – прошёлся, на всех пяти пишет подмалёвочку, речечку...

– Причём – один в один! – усмехается вамп. – И вектор направленности, и скорость движения...

– Подсохнет – раз – на одной берёзка, на другой ёлочка, на третьей избушка, на четвёртой стожок... Подсохло – раз – на одной облачко, на другой тучка, на третьей луна... И так далее. В итоге: пять картин за раз – одномоментно! Вот это я понимаю! Единственно, жалуется: сохнут долго. А ты? Пока у него шедевр сохнет, кто-то с голода сдохнет...

Ну, скажите на милость, откуда в молодых особах столь необоримый цинизм? И, главное, возразить нечего.

И добро, была бы я там, в самом деле, идеалист какой-нибудь...

(Мысленно представляю себе, как ставлю вдоль стены пять загрунтованных холстин и на всех пяти пишу: «Зерро-транзит»... или: инкубуса... в березняке... в стогах... в полях... в ельнике...)

Делается определённо тоскливо.

Потягиваю холодный чай без сахара... Вслушиваюсь...

Растущий смысл... Смысл не растёт, он просто смыслит.

***

Причём цинизм гостеприимной хозяйки распространяется на все слои атмосферы.

На подоконнике стоит аквариум с шикарным интерьером: гроты, арки, всякое такое...

Говорю:

– Красиво.

– Нравится? – с ехидцей спрашивает она.

– Нравится! – искренно признаюсь я.

И, если б не годовые кольца на стенках аквариума, нравилось бы ещё больше. Так случается с чайной чашкой в течение дня, если только подливать чай, но не ополаскивать посуду по употреблению.

– Только ты не спрашиваешь, сколько это стоит, – с сожалением отмечает она. – Кстати, почему?

– А сколько это стоит? – аутически уточняю я.

– Во-о! – радостно оживляется владелица. – Десять тысяч!

...На полу у плиты стоит клетка с невероятных размеров белым крысом. Такое впечатление, грызуна напичкали «витамином роста»! Хозяйка гладит крыса и идёт мыть руки. Циничный зверь садится – и начинает отмывать мех после рукоположения.

– Смотри, какая тварь! – восхищённо констатирует владелица. – Я – после неё, она – после меня. И так всегда.

...К вашему бы белому крысу – да моего белого кота...

***

И уже совсем поздно, ввечеру, к проводам до остановки примешивается мелкий, рассыпчатый дождь.

Лепиться под один зонт – заведомо обеим остаться сухими наполовину.

– Не надо, – отделяюсь от неё шага на полтора.

– Ах, да, я и забыла, вы же, романтики, не простужаетесь! – саркастично замечает она. – Вам же море по колено...

А у меня – ну просто физически нет сил на экзотермические реакции. Хотя и клевать-то, на мой вкус, меня уже неинтересно: уж очень вялая мишень.

Дождь стекает за шиворот, по желобку позвоночника куда-то далее...

***

В ночи возвращаюсь в мастерскую (она же – спальня, она же – кухня, ванная и т. д.)... Включаю все прожектора, софиты, надеваю кухонный фартук с карманами и чёрным углём – шурк-шурк – черчу Ангела на крыше, на паперти, на панели...

ОСТРОВ – ЭТО ЧАСТЬ СУШИ

*Доче к Рождеству.
Пусть принцы будут настоящими...*

*Всё на этой земле создано из воды,
состоит из воды и без воды погибнет...*

...В ночь, когда она родилась, был страшный шторм...

Многие, кто ушёл в море, не вернулись, а те, кого выбросило вместе со щепой лодок, лежали утром вдоль берега, похожие на больших рыб, выпрыгивающих иногда на песок...

Так что день её рождения запомнили все...

То ли вследствие этого, то ли по совпадению, но росла она странной и нелюдимой. В обычные детские игры с ребяташками играла редко, чаще бродила по берегу и собирала камешки и ракушки.

В семье на неё тоже любви особо не хватало – хотя и младшая. Но так уж сложилось...

***

...Особенно зимой, когда остров терялся среди других и было трудно с уловом, она остро ощущала свою никчёмность и покинутость...

В такие дни она одевалась потеплее и смотрела в даль моря – на белёсую и безрадостную панораму: кругом холод, и ни души...

Дед её, единственно понимавший и любивший девочку, говаривал: – Ничего-ничего, может, счастье своё найдёт...

***

Время шло, в посёлке ровным счётом ничего не происходило.

Девчушка начинала приобретать привлекательные черты и формы, особенно хорошеньким становилось её личико, когда она улыбалась, но улыбалась она редко. А зря... Тогда в глазах её, цвета моря у поросших водорослями камней, загорались по два огонька – и, притягивая, манили куда-то... Словно зная эту особенность своих глаз, она смотрела долу и никогда не поднимала взгляда на посторонних...

И чем далее, тем семейство всё явственнее ощущало: что-то с ней не так. Слишком уж ни на кого не похожа – ни из родичей, ни на острове в целом.

Один дед одобрял, любил её и приговаривал, щуря старческие глаза, если она бродила вдоль побережья:

– Ничего-ничего, может, на берегу счастье своё найдёт...

***

В ту ночь, когда старик умирал, случился страшный шторм...

Тех, кто ушёл в море, уже более никогда не видели, а их разбитые лодки прибывало к берегу ещё с полмесяца...

Старик был настолько «ветхим», что никто не помнил его возраста – жил да жил себе, а тут раз – и помер.

Простые люди и вообще-то скупы в проявлении излишней чувственности – то ли непосильный труд и борьба за лишний кусок «отъедают» сентиментальность, то ли просто – особо-то и убиваться некогда, тем паче – вон молодых-то жальче, им бы жить да жить – столько ртов после себя оставили...

В семье тоже не особенно переживали, ну, помер человек, ну, отпели, похоронили – и жизнь вошла в обычное русло...

И только его любимая внучка прорыдала у себя в углу за занавеской, окончательно замкнулась и не выходила к столу. Её особо и не успокаивали – блажит ведь...

И все две недели, что сидела она в закутке и глотала безмолвные слёзы, погода на острове стояла – сущий ад.

Ветрище хватал и уносил слова, так что в полутора метрах люди не слышали друг друга. А чинить кровли на таком ветру никто

и не рисковал: полез один поправить – да и того сдуло с крыши и прибило лестницей...

Лето в тот год так и не задалось: солнце ныряло в рваной парусине облаков, проблёскивая то из одной, то из другой прорехи, было холодно и моросно.

***

На следующий год семейство отпраздновало её совершеннолетие. Да и как отметили-то – так, между делом, вспомнилось сначала: а какой ураган был тогда...

А после уж вспомнили и о виновнице торжества.

Виновнице ли?.. И торжества ли?..

Она на тот момент стала такой красавицей – всё мужское население словно с ума посходило! Не было ни одного, от пятнадцати и до девяносто пяти, кто б не замедлял речь и не прекращал работы при её появлении...

Однажды в церкви до смешного дошло: карапуз, сидящий на руках матери, вертелся, поворачивая головёнку в её сторону, наконец вытащил соску изо рта, улыбнулся и пролепетал: «Ляля...»

– Мал ещё, подрасти сначала, – засмеялся кто-то рядом.

Юная красавица вспыхнула и вышла на воздух. Наверное, впервые после ухода деда она улыбнулась...

По-видимому, младенец – единственно, кто любовался ею бескорыстно. Столько было заключено тайных пари между воздыхателями, что вот в его-то сторону она точно посмотрит... И не только. А поелику она не глядела ни в чью сторону, то начинала раздражать незадачливых претендентов. Но та странная воля и некая внутренняя сила, исходящая от неё, держали между ней и остальными дистанцию...

Что бы ни говорилось за её спиной – открыто проявить восхищение или недовольство желающих не было.

***

Её любимое местечко, где она скрывалась от сторонних глаз в минуты, когда хорошо или плохо, было пусть не на самой высшей точке побережья, но среди камней, на уступе, густо заросшем диким рододендронам, розовым, словно пенки на варенье... Туда вела крутая тропа – мшистая, поросшая драбой* по одну сторону и с осыпью камней по другую...

Там она садилась, абсолютно укрытая разнотравьем, и смотрела на бесконечный горизонт.

В тот вечер, о котором, собственно, речь, море было почти спокойное...

Она удобно расположилась, поджав ноги под себя, и время от времени подолгу смотрела вдаль, закладывая меж страниц книги травинки.

---

* Драба – невзрачное растение.

Стебли пачкали сгибы зелёным соком... В очередной раз подняв глаза, вдруг заметила небольшой силуэт, привлёкший внимание, – то была сравнительно небольшая яхта, как-то странно сбивающаяся с курса...

Присмотревшись внимательнее, она поняла: судно либо лишилось управления, либо вёл его неумеха... Как бы ни старался выправить ситуацию рулевой, бурным течением яхту неуклонно сносило на скалы. Исход представлялся яснее ясного...

Тогда она снялась с насиженного местечка, по замшелым камням и валунам спустилась к самой воде и, поглаживая волны ладошками, стояла выше колен в накатывающем прибое, наблюдая за происходящим...

Он-таки вырулил и почти невредимым бросил якорь неподалёку.

***

За ужином – так уж было принято: обсуждать дневные новости – отец рассказал о бедолаге, потерпевшем крушение во время кругосветки, и что тот встал в док, подлататься и доползти до материка... хотя – вряд ли найдёт здесь, чем поправить судно, и придётся изрядно раскошелиться или ждать, кто возьмётся отшвартовать его посудину до порта... «Дорогая игрушка, чёрт возьми, эти спортсмены-любители чересчур самонадеянны, а море, тем паче – океан, таких не приветствует. Один – в кругосветку – чего ради?..»

Путешественник её заинтересовал... и вовсе не потому, что на островок редко высаживались интересные люди. Случалось, швартовались... хотя географически торговые пути шли намного южнее... Появление незнакомца... Сам факт, КАК он причалил... Ей стало любопытно: какой он – молодой или старый, обычный или ни на кого не похож. Во всяком случае, он должен был отличаться от островных аборигенов, что сводят концы с концами и привязаны к рыбе, словно не они – а та ставит на них сети... Если он может сняться с якоря в любой момент и уплыть в любую часть света... ни к чему не привязываясь, ни от чего не завися... Боже мой, как это здорово и маняще ново... Обладай она такой же яхтой и будь более отчаянной – тоже бы уплыла куда глаза глядят, подальше отсюда, и никогда бы не вернулась...

***

Так или иначе – но ей не спалось... Всё представлялось, какой он – этот морской волк, было ли в его обличье нечто пиратское, из книг, или, наоборот, – романтическое и недостижимое...

***

Выбравшись из окна комнаты, она отправилась на берег, ровно к тому месту, где вечером бросил якорь искатель приключений.

– Каждого преступника тянет на место преступления? – окликнула её.

– То есть? – вздрогнула она от неожиданности.

– По-моему, это вы наблюдали – разнесёт меня о скалы или нет...

Странно – в одно и то же время, в одном и том же месте они встретились за сегодня уже дважды.

– Так это были вы?

– А если не я?

– Значит, в вашей семье одно платье на всех, – голос незнакомца явно улыбался.

Платье действительно было белым, приметным... с крупными маками по краю...

– Нет... да, это была я... – смутилась она.

– И часто вы топите корабли в своей бухте?

– Кто? Я?! – изумилась девчушка.

– Ну, надо полагать, вы местная сирена, что заманивает суда в омут. Так ведь?

– Н-нет, – замешкалась и несколько напугалась она. – Извините...

И намеревалась уйти как можно быстрее.

– Куда же вы? – потерпевшему бедствие явно хотелось компании. – Какие пугливые русалки в этих широтах!

– Вы не по адресу – будь я русалкой...

– ... у меня бы не было шансов, – голос продолжал, как ей показалось, насмехаться. – Жаль, темно, и я не вполне рассмотрел вас...

– Хвоста у меня точно нет, – попыталась отшутиться и retirоваться она.

– А жаль, чертовски жаль – по хвосту я бы узнал вас завтра. Мы же встретимся завтра днём?

Она несколько растерялась – до сего момента с ней мужчины не вели себя столь фривольно, а на новичка, видимо, её чары «дистанцировать» мужчин не действовали...

– Почему вы уверены, что мы увидимся завтра? – уточнила она.

– По двум причинам, – всё так же со смешинкой в голосе продолжал балагурить пловец, не очень-то, видимо, грустивший о поломке плавсредства и досадной задержке у чёрта на рогах. – Во-первых, остров, если верить карте, размером с две пары ботинок...

– С три пары, – подыграла шутнику девчушка. – А во-вторых?

– Во-вторых – я проторчу здесь дня два, не меньше...

– Больше! – успокоила его русалка. – Вряд ли вы найдёте так скоро бездельника, готового отбуксировать вас на материк или до ближайшего порта, а на нашем острове нет ни порта, ни запчастей для вашего судна.

– Откуда сие известно? – слегка встревожился путешественник.

– Во-первых, у нас маленький остров, – улыбнулась она.

– А-а... Меня же моим оружием... – опять засмеялся яхтсмен.

– А вы на самом деле в кругосветном плаванье? – заодно уточнила она.

– О! Вы уже и это знаете? Завидная быстрота информирования... Что ещё вам обо мне известно?

– Что вы самонадеянный, богатенький лентяй, – поделилась всем, что слышала сегодня.

– О! Мы в неравных позициях! Вы обо мне знаете почти всё. Я о вас – ничего, кроме того, что в свободное от... скуки?.. время топите проплывающие мимо корабли...

- Мне пора! – Она развернулась и пошла к посёлку.
– Стойте, я вас обидел? – увязался следом он.
– Мне не нравится ваша шутка. Вас никто не топил, вы сами плохой капитан, нашли где причаливать!
– И поделом мне! – согласился новый знакомый. – Не сердитесь... В вашей пятизвёздочной гостинице абсолютно нечем заняться, боюсь даже спрашивать, в каком каменном веке её строили. Поболтаем ещё немного?
– Нет, мне действительно пора.
– И?.. Куда бы вы посоветовали пойти? Только не в паб, там я уже был.
– Спать, – посоветовала она. – А когда будете ставить свою пару ботинок, будьте аккуратнее – не зачерпните море.

***

Ночь она промечтала... Ей тоже хотелось получше рассмотреть незнакомца, так, при ночном освещении, он показался весьма привлекательным, если бы ещё эта привлекательность сохранилась при свете дня...

Странно, но она знала: если прийти днём на то же место, то наверняка застанет его... Во всяком случае, ей бы хотелось... Она же не спросила, как это – путешествовать в одиночку... И сколько он уже прошёл... И зачем вообще это затеял...

Конечно, будь смелее, спросила бы – не нужен ли ему юнга на судне или хотя бы – кок...

***

После завтрака, пока она в своей комнатухе особенно тщательно готовилась выйти в свет, в дверь дома постучали...

Начало разговора девушка не могла разобрать, но коль скоро отец и его гость перешли с улицы в прихожую, узнала голос потерпевшего крушение... И настолько испугалась, затихла, боялась дышать... дабы не выдать собственного присутствия...

Мужчины вели сугубо деловые переговоры: отец брался помочь и со стройматериалами, и, если понадобится, отбуксировать мореплавателя в ближайший порт – но заламывал такую цену за услуги, словно в ближайшие пять лет вообще не собирался выходить в море. Ей было нестерпимо стыдно и неловко – и от жадности родителя, и от нечаянного присутствия при сделке.

Незнакомец, казалось, безоговорочно готов заплатить любые деньги, лишь бы поскорее свалить с этого чёртова острова, и не особо торговался.

Вчера в пабе кто-то из посетителей порекомендовал обратиться именно к ним... По случайному совпадению...

Всё время ей хотелось хоть одним глазком посмотреть, соответствует ли голос внешности собеседника, но опасалась выказать своего присутствия. Казалось, выйди сейчас – она смутит кэпа и помешает их дальнейшему общению, если таковое вообще возможно...

Так или иначе, но когда она несла отцу обед в док – а именно так тот распорядился, уходя, – менее всего хотелось встретиться с вла-

дельцем яхты и выдать своё родство со скрягой помощником. Но именно так и произошло...

Она увидела его не сразу, а заметив, ещё более растерялась и на приветствие лишь слабо кивнула...

Он либо не узнал, либо делал вид, что не узнал её... И посмотрел, хоть и с интересом, но отстранённо. Так проходят в музее мимо картин – они, безусловно, прекрасны и вызывают восхищение искусностью работы, но не имеют к зрителю никакого отношения. Заинтересованность зритель проявляет, лишь вознамерившись купить шедевр – тогда его интересует всё: и цена вопроса, и может ли он себе позволить, и нужно ли ему это...

В данном случае – вчерашней встречи на берегу словно и не было. Он поднял глаза, осмотрел её и снова стал строгать доску обшивки. Ей даже показалось, наблюдая за тем, КАК он работает, собственно, и помощник ему не был нужен – справился бы сам...

Накрыв «стол», а точнее, перевёрнутую бочку, девушка пригласила и его... И тут-то, узнав по голосу, он резко вскинул взгляд... Несколько секунд – изумление, немой вопрос, мгновенная оценка ситуации, в уголках его глаз наметились лучики усмешки. За доли минуты между ними промелькнул целый мимический диалог: он еле заметно дёрнул глазом, словно подмигивая, она – чуть взметнула ресницами, мол, ни боже мой! – и лёгкий полукивок в сторону отца.

Но явная необходимость перебраться словом повисла в воздухе...

Ей даже польстило и понравилось: впервые в жизни между кем-то и нею возник молчаливый сговор, некая иллюзия тайны, некая завязка интриги... На вид ему было около тридцати, плюс-минус...

***

– А я и предположить не мог, что вы такая красавица, – шепнул он при первом же удобном случае...

– А это плохо? – тихо переспросила она.

– Да как сказать... Это всё меняет...

– Что – меняет?

– Всё.

И, ещё раз улучив момент, добавил заговорщицки:

– Вечером? На том же месте?

Она кивнула.

***

– Что вы делали тогда?

– Где?

– У скал, – спросил он тем же вечером.

– Смотрела, – ответила она. – А вы?

– А меня сносило, как ни странно, – улыбнулся он.

– Нет, я хотела спросить: вы поплыли в кругосветку просто так или...

– Чисто женская проницательность, – засмеялся он. – Какой вариант устроит больше – прагматический или романтический?

– А давайте оба.

Они сидели на перевёрнутой лодке и смотрели на закат.

Лодка по чистой случайности лежала здесь больше года – с тех самых пор, как её разбило и выбросило... Её и не починили, и не разобрали на дрова...

– Будь я прагматиком, то сказал бы, что поспорил с приятелем на крупную сумму и должен прийти первым, чего бы мне это ни стоило. А будь романтиком, то сказал бы, что мы поспорили с другом на куда более крупный приз – на руку и сердце некоей дамы...

– И какая из этих версий настоящая? – уточнила она.

– А какую бы вам хотелось?

– Обе правдоподобные. И – сколько вам осталось доплыть до приза?

– Да практически в самом конце пути – вот такая незадача: этот проклятый остров. Здесь всегда такое течение и ветер?

Она пожала плечами:

– Частенько...

Потом помолчала и предположила:

– А не боитесь, что ваш друг и ваша дама сердца попросту обманули вас – и он вернулся к ней сразу же после старта, а уплыли и до сих пор в пути – только вы?

– Да как-то... – он призадумался. – Похоже на то. Но чтобы это проверить, я должен оказаться там, а не здесь.

– Иногда мы не знаем, где нам лучше находиться... – почему-то сказала она.

Он посмотрел на неё внимательно.

– Кто знает, может, это судьба?

– Вам, наверное, не следовало это сейчас говорить, – тихо заметила она.

– Почему?

Она пожала плечами.

– Мне бы следовало спросить... наверное, вам так часто говорят, о том, как вы красивы... И что же вы делаете на этом острове?

– Живу.

– И не скучно? Простите, что интересуюсь: чем можно заниматься на этом острове такой, как вы?

– Вы же знаете, чем...

– Я? Вовсе нет!

– Завлекать идущие мимо корабли и сажать их на мель... От скуки.

– Bravo! – засмеялся он. – Всё-то мне припомнили!

– Так вы – прагматик или романтик? – уточнила она.

«Вероятность» дамы сердца и пари чрезвычайно её беспокоили.

– Увы, я – неисправимый романтик, – вздохнув, признался он.

– И дама, и пари – всё правда?

– Оставляю вашему воображению, – и опять его голос насмеялся.

Надо сказать, и при дневном свете, и вечером он ей нравился. От него исходили такая уверенность и сила, и глаза у него были шикарные – постоянно смеялись. И был он особенным: не похожим ни на кого на острове...

– Как это – одному в целом мире? – спросила она.

– С чего вы взяли? Я не один... Одинокое плавание – это бегство от обыденности... – Вдруг он осёкся. – Это вы о себе? Об одиночестве?

Она промолчала...

– А вы бы, наверно, хотели сбежать отсюда? – догадался он.

– Ещё бы!

На минуту ей показалось – поступило конкретное предложение... Но тут же поняла, что допустила оплошность – он задал чисто риторический вопрос и не думал предлагать ничего такого.

– Да, – сказал он, – окажись я в таком месте, через месяц, больше – два, вплавь бы погрёб отсюда...

Она внимательно посмотрела на него и ничего не ответила.

***

Во все другие вечера – он вот так говорил, говорил... А она – влюблялась, влюблялась... Рассказывал он интересно и остроумно, и манера речи у него была другая, нежели у остальных. Да и вообще – он был просто ДРУГОЙ...

***

На редкость – он справился своими силами, и яхта была полностью на плаву. За дни, проведённые им на острове, она свыклась с мыслью, что так будет всегда. Но в последний вечер перед отплытием, когда он намеревался отбыть до рассвета, между ними состоялось последнее randevu...

– Всё-таки завтра? – с сожалением спросила она.

– Да, наконец-то! Если бы не вы – сдох бы на этом острове от тоски, – честно признался он. – Но хорошо, такое яркое впечатление... Мне будет вас не хватать.

– Будто бы... – горько усмехнулась она.

Словно почувствовала некое неудобство: он-то завтра будет свободен как ветер – новые впечатления, новые лица, новые места. А она – такая юная, остаётся среди грубых, неотёсанных мужланов, среди их растолстевших и огрубевших жён, рутиную жизни ставших похожими одна на другую... Что лет через двадцать-двадцать пять и это прелестное существо станет такой же затёртой, с рыбьей чешуёй в волосах...

– Знаешь, я закончу, что начал, и – вернусь за тобой, – пообещал он.

– Почему не сейчас? – слабо уточнила она.

– Сейчас нельзя: этот путь я должен пройти один – условие пари. А потом...

«Да не будет никакого потом...» – подумалось, но она была ему даже благодарна, хотя бы за враньё.

– Я обязательно вернусь.

– Не вернётесь... – отрицала она.

«Потому что никуда не уплывёшь...»

***

Ночью начался страшный шторм.

Лодки на пирсе швыряло, как поплавки. Стеклянные шары на сетях отрывало и катало и било о берег...

Естественно, ни завтра, ни послезавтра он не отплыл. И сидел в пабе злой и проигрывал деньги в карты.

На третий день она увидела его на берегу. Он стоял, засунув руки в карманы, и безнадежно смотрел на яростные волны. Чем-то его обречённая фигура напоминала ей самоё себя...

Она тихо подошла к нему и тронула за локоть. Он обернулся – и она поразилась: он был пьян и слегка не выбрит, глаза его не смеялись.

– Чёртов остров, здесь когда-нибудь бывает солнце?! – чертыхнулся он.

И она представила... во что превратился бы он через месяц или год, останься здесь.

– Конечно, бывает. И солнце. И много ещё чего... – произнесла она. – Странно... не думала: такой сильный мужчина, способный справиться с океаном... И не может справиться с островом... Мне кажется, вы не романтик вовсе...

– Всё слова, и ничего больше. Ты сидишь на этом острове и думаешь: это и весь мир. Ты говоришь о том, чего не понимаешь!

– Сдаётся, теперь вы точно сюда не вернётесь...

А про себя подумала: «Ни за мной, ни за чем-либо ещё...»

– Ладно, – девушка вошла в воду, волны с грохотом отплюнули её, но она удержалась.

– Ну, и куда, куда понесло-то?! – он ещё раз чертыхнулся и пошёл было за ней – вытаскивать.

Но та жестом остановила его, да так повелительно, не принимая возражений. Он замешкался и остался там, где стоял, наблюдая за её невесомой фигуркой на волнах почти заворожённо. Девушка трогала воду ладонями неким движением, будто гладит кошку крупной породы, и, что странно, с каждым движением её рук волны становились заметно ниже и тише. Он не слышал её слов – но! – она разговаривала с волнами!

С берега мореплаватель наблюдал за священнодействием и начинал проникаться чуть ли не священным трепетом. Не верил собственным глазам – но накаты утихали... Через какое-то время ветер смолк так же внезапно, как и налетел.

До самого горизонта море лежало тихо, словно уснув...

– Плыви, – сказала она и, не отжимая подол, не оборачиваясь, удалялась с пляжа.

Он стоял ошарашенно, переводя взгляд со штиля на неё и обратно.

– Как ты это делаешь? – наконец сорвавшись и нагоняя её, крикнул наш герой и схватил её за руку.

Но ей не хотелось на него смотреть...

– Как, как у тебя это получается?!

– Со скуки...

**Иван
ПЕЧАВИН**

НА РАСПУТЬЕ

***

Здравствуй, знакомая речка.
Милую юность зову.
Так же коза и овечка
Сочную щиплют траву.

Так же пугает ракиту
Тёмного омута глубь,
Где, окунями изрытый,
Катится облака клуб.

Так же на ветки воздеты
Хрупкие звёздочки гнёзд.
Господи, сколько за это
В юности пролито слёз...

***

Пропой, пропой прощанье, петушок,
В хороший час – не рано и не поздно,
Пусть солнышко горит, как гребешок,
Лаская светом травы и берёзы.

Я погостил. И мне пора домой.
Туда, где сердцу вольно и непросто,
Где женщина с поникшей головой,
Как тихий призрак, ходит по погосту.

И чибис над синеющим прудом
Печальным криком небо полосует,
Где в круге вишен мой кирпичный дом
Трубой печной за счастье голосует.

-
- Иван Петрович Печавин родился в 1942 году в г. Баку. В 1957 году вместе с семьёй переехал в Саратовскую область. В 1978 году был участником VII съезда молодых писателей в Москве. Публиковался в журналах «Волга», «Волга–XXI век», «Аврора», «Нева», сборниках «День волжской поэзии». Автор нескольких сборников стихов и прозы. Живёт в посёлке Степное Советского района Саратовской области.

***

Тополь под белой звездой
Смотрит зелёные сны.
Вымыт вечерней водою
Девичий облик луны.

Ни говорочка, ни слова.
Только услышишь едва:
Звенькает цепью корова,
Ухает где-то сова.

Тихо, свежо и прохладно.
Речки стеклянная гладь.
Жить бы спокойно и ладно,
Радуя старую мать.

Жить бы светло и приветно,
Радуя добрых друзей.
Жить бы сто лет – и при этом
С совестью ладить своей.

***

Мать моя вздыхает,
Вяжет в полусне.
Вечер затихает
В пасмурном окне.

И крадутся тени
Из-за печки в ряд.
Кажется, что стены
В ней заговорят.

Хоть мала светёлка,
Да чиста, бела.
Видано в ней столько
И добра, и зла.

Выстиранный ситец
К косякам прилип.
В старых половицах
Затаился скрип.

Что же я тоскую,
Что грущу опять?
Жалко жизнь такую
И старушку мать.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Летит снежок в сиянии
И с молодым азартом.
Летит снежок над банею,
Над школой и базаром.

Летит на плечи милой,
Ладони нежно жалит.
Он совершенно мирный
И немножко шалый.

Всех оделяет поровну
Искринками-цветками:
И голубя, и ворона,
И дерево, и камень.

Вращается и мечется –
И взор шутя ласкает,
И никому не верится,
Что этот снег отсветится,
Откружится, отвертится,
Осядет и растает.

***

Друг пернатый, пташка-соловей,
По кустам дичающей малины
Песнею серебряной развей
Боль мою хотя б наполовину.

Чтобы снова – чистая вода.
Чтобы снова – ощущение чуда.
Не иду дорогой в никуда,
Не пришёл дорогой ниоткуда.

Знаю я, что грешен на земле.
Бог не выдаст, женщина охает.
Всадника, сидящего в седле,
Что-нибудь всегда подстерегает.

Может быть, в пути среди полей
Я от этой песни захмелею,
Позабуду горечь чёрных дней
И себя впервые пожалею.

***

Мы с тобою пропащие люди –
Всё не ладим, а скоро зима.
Тяжелее серебряной ртути
Наших ссор дорогая сума.

По ступеням короткого лета,
Под лучами заволжской зари
Соловьиная песенка спета,
Так что душу свою не трави.

И не комкай ночами подушку,
И меня не терзай по утрам.
Наши дни отсчитала кукушка,
Оттого и безрадостно нам.

Не убудет вины, не прибудет
Ни твоей, ни моей, хоть заплачь.
Мы с тобою пропащие люди,
Не решившие уйму задач.

ЩУКА

На рыбалке крупно повезло:
Наконец-то шибанула щука
Резко, неожиданно и зло,
И узлом стянула леска руку.

Что ж, я тоже промаха не дам
И сумею удержать добычу.
Как ты ни старайся, щука, биться,
Но блесна не по твоим зубам.

Только я опять не рассчитал:
Щука над водой стремглав взлетела,
И её серебряное тело
В глубину скользнуло, как металл.

...Я и сам не раз глотал беду,
Думал: мой удел – в лесу осина.
Но опять ломал судьбы узду
Мощным и отчаянным усильем.

Что ж, плыви. Проиграна игра.
Твой порыв напрасно не растрачен.
Празднуй жизнь. Ни пуха ни пера.
Догоняй свою плотву удачи.

НА РАСПУТЬЕ*Памяти Юрия Кузнецова*

Смел, как сокол, отважен и пылок,
Почитай, незапамятный век,
Пятернёй потирая затылок,
На распутье стоит человек.

Перед ним белый камень, как лава.
А на нём вензеля-письмена:
Мол, налево езжай и направо,
Напрямки, коль судьба не забава,
Ждёт тебя или смерть, или слава,
Или вовсе – золотая княжна.

Лишь рассвет над буграми забрезжит,
Понесёт на распыл молодца.
Меч не колет его, нож не режет,
И не сходит улыбка с лица.

И трепещет легко и знакомо
На ветру его алый кушак
Далеко от родимого дома,
От отчаянной драки за шаг.

Дрался он, живота не жалея,
Гнал поганую нечисть взащей.
И в глухих палестинах Кащей –
От руки его дрогнул Кащей.

А потом, воротясь из-за моря,
Он приметил по росту осин:
На Руси не уменьшилось горя,
Не убавилось слёз на Руси.

Так же рыщут по пажитям злыдни,
Так же веши окутал туман.
Как и много веков, так и ныне
Гибнут души в обмен на обман.

В цвете яблонь и шуме метели
Кто-то спросит его иногда:
Мол, куда же ты скачешь, земля?
Изречёт: «Неизвестно куда...»

***

От Джиды до Волги далеко.
Здесь рассвет приходит из-за сосен,
Как грибник, настроенный легко,
Как рыбак с трепещущим лососем.

Говорлива горная река,
Как бурятка, шибко тороплива,
Та, что наказала жить счастливо,
Долго, много лет наверняка.

Что ж, пойду изюбром по стране
Кедрачей и сосен без границы,
Чтоб с тайгою воссоединиться,
Из ручья отшельника напиться,
Елям изумрудным поклониться,
Оглядеться и остепениться,
Насладиться жизнью в тишине.

Я б остановился здесь надолго,
Заимел знакомых в полсела,
Если б не шумела где-то Волга,
Если б где-то вишня не цвела.

*Поздравляем замечательного поэта
Ивана Петровича Печавина
с юбилеем!*

**Михаил
Муллин**

ПРЕДДВЕРЬЕ РАЯ

***

Прежде чем своё мыто взять
С покорённых людей по старинке,
Посылает в Саратов Зима,
Как разведчиков робких, снежинки.
После будет роскошный «спецназ».
А пока – эти точки на клёнах...
Видит их лишь внимательный глаз,
Тяжким опытом обременённый.
А пока – это чувство вины
За неумность свою, неумелость...
А пока – лишь штришки без длины
В лёгком воздухе, чуточку белом!
А пока... ветер клёны постриг,
Сбросив кудри на серую землю.
...Может, город меня и простит
За любовь, что и мзды не приемлет.

МЕТЕЛЬ НА ПРЕДМОСТОВОЙ ПЛОЩАДИ

Вольно ж поэтам с давних пор
Вести с богами разговор,
Любить грозу в начале мая!
А тут... явилась же на днях
Метель, как ведьма в бигудях,
Красивая и юморная.
Её на пятое число
Каким-то ветром занесло,
Теперь она дворы заносит!
Примчалась же издалека,
Чтоб ущипнуть снеговика

-
- Михаил Семёнович Муллин родился в 1946 году в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша», «Великороссъ» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами», «Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

За красный – из морковки – носик.
Наверно, где-то за Уфой,
Под Орском ли в степи глухой
Сейчас несладко быть в кибитке...
Хоть с горной сорвалась цепи,
Но я же, видишь, не в степи –
Оставь пугать меня попытки.
Конечно, мне понятно, что
В морях ты вызвала бы шторм,
Но здесь – забавна многобальность!
Как будто ты из давних лет –
Из детства – принесла привет
Любимого мной Приуралья.
Я в океане снежном был
И пенье бури полюбил,
И с зыбки мне зима не страшна.
Как молодость, приятны мне
Твои сугробы в бахроме
И в закипающих барашках.
И я рукой погладил их –
Сугробы в кудрях завитых,
Как с медвежатами играя.

...И вот метель – как ангел нежный.
И если рай бывает снежным,
То у моста – преддверье рая!

РЯБИНОВЫЕ ЯГОДЫ

Нет, не звёзды из рубина,
Не орлы о двух главах –
На дворе моём рябина
Кисти моет в облаках.
В назиданье – не на горе
Скрылся неба лазурит.
Эта пламенная горечь
И под дождичком горит!
То ли кровью, то ли углем
Пишет даже в темноте:
*«Красный цвет моих республик
Пламенел при Калите!»*
Отшумит на ветках влага –
И распробуем тогда
Эти крошки райских ягод –
Незапретного плода...

ЖИЗНЬ СТОИТ ТОГО...*Памяти Ю.И. Панченко*

А время всегда непростое!
Не зря нас будила заря,
И не было в мире застоя,
Застолья – давали заряд!
Уж ты убеждай как угодно,
Счастливым за целую жизнь
Не преодолеть неудобья,
Коль цель – не паденье, но высь!
Ну что же, что жили – тужили,
Годили лихие года?
Но мы ж с тобой счастливы были –
Служили России всегда.
И в жилах текла не водица,
И время, как стайер, бежит...
Жизнь стоит того, чтоб родиться!
Смерть стоит того, чтобы жить!

ПЁТР ЕРШОВ

Отнюдь не мрачный, не угрюмый,
Волшебным воздухом дыша,
Стоял он, *обаянный думой,*
На диком бреге Иртыша.
Не по ошибке, не напрасно,
Заржав торжественно у ног,
Петру Ершову стал Пегасом
Конёк ушастый – Горбунок.
Конёк сознательно не вырос
Превыше подвигов-затей,
Чтоб возносить над целым миром
Ватаги шумные детей.
Возможно, не всегда прекрасно
Поэт стихи свои слагал,
Но... после...

«детского Пегаса»

Великий Пушкин не седлал!*
Литературные удачи
Весьма капризны на Руси,
Но Горбунок и ныне скачет
За птицей-тройкой в небеси.

---

* После издания сказки Петра Ершова А.С. Пушкин перестал писать для детей.

РЕТРОШЛЯГЕР

Мы с тобой не друзья, не враги,
Мы не близки, хотя в полушаге.
«Хороши вечера на Оби», –
Сообщает с реки ретрошлягер.
Не озон освежает в кустах,
Не разлитая волнами лунность,
Но Азон – композитор Фаттах
Возвращает пластинкою юность.
Всё так просто – былого глоток,
Но трепещет, хотя и от ветра,
На виске золотой завиток –
Знак вопроса, не ждущий ответа.
Знаешь, ты мне опять помогла
И не менее щедро, чем прежде:
Камень с сердца в основу угла
Положу – и воздвигну надежду.
Бросил камень – гляжу на круги,
Как Прутков – в исполнение долга.
Хороши вечера на Оби!
Жаль, они не такие на Волге.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Бог, несомненно, помог –
Счастье моё многодневно:
Ни дураков, ни дорог –
Просто родная деревня.
Словно открылся Сезам
Мне возле белой плотины:
Радость душе и глазам –
Милые видеть картины.
Мальчик, погнавший овец,
Дед, отбивающий косы...
Каждый ребёнок – мудрец,
Старец – уж точно философ!
В мудрости сих луговин,
В рощах, поросших орехом,
Видно, дурак я один,
Если отсюда уехал...
Рай для земного труда,
Сходный с божественным раем...
Я бы вернулся сюда...
Рад бы – грехи не пускают.

SILENTIUM

Над Волгой месяц, свеж и нов,
Взбивает облачную пахту.
Цикады вместо соловьёв
Несут теперь ночную вахту.
В их бденье радостном ночном
Наивность детская, но... кстати,
Не столь вокал их утончён,
А вот, поди ж, душе приятен!
И вот замедлили мы шаг
И свет увидели на «рейде»,
И реет ветка словно флаг
Над спинкой речной скамейки.
Присядь же – и внемли ночи
С благоговеньем у причала,
И при цикадах помолчи,
Как и при соловьях молчала...

ВИДЕНИЕ О БЕССМЕРТНОМ ПОЛКУ

Армию я вижу – не толпу:
Шествие уже необозримо.
Прибыло Бессмертного Полку,
Нашего полку – непобедимых!
Шествуют спасители Земли
В ранах, в орденах, в любви-осанне.
Вижу: внуки дедов привели –
Это дети шествуют с отцами.
Каждый павший – навсегда боец,
И умерший – снова на параде:
Вот идёт со скаткой... мой отец!
И в шеренге с ним – мои три дяди!
И шагают, из земли восстав,
Чтоб не допустить народных бедствий,
Князь Непобедимый – Святослав,
С ним ошую – Александр Невский.
А ещё смотри: который год
Отказался от опасных игр
И со всем Полком Своим идёт
Даже князь запутавшийся – Игорь!
Это значит, откосить нельзя.
«Встану в строй, позвольте только, с вами!» –
И шагаю небессмертный я,
И отцов портрет несу как знамя.
И с надеждой видит «старый мир»
Жадными, квадратными очами:
Каждый русский, ненец, и башкир,
И татарин – мой однополчанин!

О ПЕСНЕ ИЕРОМОНАХА

*Он восемь лет молчал,
Испытан очень строго...
Он восемь лет молчал,
А слышал только Бога.*

Как бальзам для душевных ран,
Зная цену часам и мигу,
Пишет песни отец Роман,
Уподобясь царю Давиду.

А когда возвращён был слух,
Обращённый горе – не долу,
Укрепился в монахе дух,
Просветлел и смягчился голос.

Скорбный путь в награждение дан,
Но молитвенно снова и снова
Пишет песни монах Роман,
Облекая в музыку слово.

Подтверждая духовный сан,
Неуставно и неустанно
Пишет песни отец Роман –
Не пером и без нотного стана.

Грешным нам в утешенье дан,
Для горения в тихой битве
Пишет песни отец Роман –
Богу в уши летит молитва.

О САРАТОВСКОЙ ГАРМОНИ

*В. Вардугину, автору книги
об этом замечательном
музыкальном инструменте*

У Саратовской гармонии
Не было от фронта брони –
Ей служить пришлось вдвойне:
И в тылу, и на войне.

А ведь возле волжской шири
В Куликовской мастерской
Родилась она для мира –
Род порадовать людской!

Чтоб сердца в восторге сжались,
Чтобы стала всех звончей,
Колокольчики сбежались
К ней со всех лесов-степей.

С той поры, служа народу,
Знает, верно, и сама,
Что не только кислородом –
Дышит музыкой она.

На селе и в граде стольном
Для души равно ценна,
Дышит весело и вольно,
Дышит радостью она.

И в краю своём родимом
Разметать тоску бралась,
И с «Катюшей» до Берлина
С доброй песней добралась.

И слышали в Вашингтоне
И в других краях Земли,
Как Саратовской гармонии
Подпевали соловьи!

Боевая, заводная,
Ухо радует и глаз.
Потому и боевая,
Что в боях была не раз!

Пусть ей ордена не дали,
Но, за подвиги ценя,
На гармошке, как медали,
Колокольчики звенят!

Е. Русланов

ЗЕЛЁНАЯ ЛОДКА

***

Памяти Николая Рубцова

1

Звезда полей – и книга, и судьба:
сиротство, странствия, зов слова.
Виденья на холме, и русская изба,
и горница – любви основа.

Горит, горит прощальный твой костёр
в святой обители природы,
и родины большие воды
текут на поэтический простор.

2

Душа хранит все тайны бытия:
и час грозы, и красоту былого,
правдивое родной России слово,
а сердце – невозможность забытья.

Ночные думы – о сырой земле.
Душа чиста и тихо жизнью дышит.
И музыка-печаль звучит во мгле,
но звуки те никто не слышит.

3

И сосен шум, и жизнь в своём народе:
разлад, бессонница, процессия идёт,
и русская метелица метёт,
и лира грустно стынет на природе.

-
- Е. Русланов (Александр Иванович Ванюков) родился в 1940 году в селе Дьяковка Краснокутского района Саратовской области. В 1962 году окончил филологический факультет Саратовского государственного университета, где и работает более 50 лет. Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики СГУ. Автор восьми поэтических книг: «Високос» (2005), «Виртуаль» (2009), «Год русского» (2010), «Простые слова» (2012), «Годы и коды» (2016) и др. Публиковался в журналах «Литературный Саратов», «Волга–XXI век» и других изданиях.

А были, помнишь: и дорога к морю,
и пальмы юга, и прощанье у берёз...
Не вспоминай. Не плачь. Не надо больше слёз.
Дай в слове отстояться горю.

***

Памяти Е. И. Замятина

Он вернулся на родину милую.
Возвышалась в душе Лебедянь.
Просветлённо, с небесною силою
он входил в лебедяньскую рань.

Открывались просторы обдонские,
Лебедянки знакомая рябь.
Забывались напасти медонские,
европейская хмурая хлябь.

Голоса раздавались родимые,
солнце детства пронзало весь путь,
и, кругами земными водимые,
боли жизни входили во грудь.

Слобода запустела Покровская,
в неустройстве родительский дом,
и дорога вдруг Ново-Московская
поплыла вниз под сильным крылом.

Он взвивался над родиной милою,
лебедяньский истаивал мост,
билось с вечной, космической силою
сердце звёзд...

НАД ЗЫБЬЮ ЗАЛИВА

Памяти Максимилиана Волошина

Ничто не мешает Поэту любить
и землю, и небо, и в вечности быть...
Приходит к могиле волошинский бог –
вновь явится в силе посаженный лох*,
и ветер, связующий море и твердь,
приветствует слово, поправшее смерть.
Никто не мешает поэту любить:
он в смуту молил всех – людей не губить.

---

* Лох, или пшат – род деревьев и кустарников. Растёт главным образом в Японии, Китае и Европе. Только русских названий у этого дерева больше десяти: дикая маслина, царьградская лоза, царьградский верес, серебряное дерево, лоховина, лоховник, агновы ветви, верба масляничная, маслинка, армянский финик, дикий или северный финик. Плоды лоха – символ стойкости, жизненной силы и плодovitости – ритуальное угощение под Новый год.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Реестр претензий к небесам
сегодня заполнять не буду –
немыслимая ясность всюду,
и чувствую: яснее сам.

Сентябрь прощается со мной.
Последний день в садовой раме
задумал добрый кадр с дарами
нехитрой радости земной.

Пусть завтра задождит – душа
полна теплом мужского лета.
На склоне листья бересклета
пылают пламенем, спеша
вписаться в поздний праздник света.

***

На зелёной поляне в лесу
я смотрю в голубое небо:
открывается в небе суть,
до которой добраться мне бы.

Беспредельна глубокая высь,
но берёза втекает в облако,
и легко осветлённая мысль
облетает пространство около.

Устремляется ввысь душа
и трепещет воздушной былкой,
и за нею, следом спеша,
бьётся сердце упорно, пылко.

СОNET МАЯ

Родная речь – певцу земля родная.

Вячеслав Иванов.

По Волге русской речи
плывут слова мои.
Как присказка, в приречье
запели соловьи.

Таинственен и вечен –
зови! лови! таи! –
миг колыбельной встречи
и миф живой любви.

ЗЕЛЁНАЯ ЛОДКА

Зелёная лодка у берега ждёт,
хозяин ушёл и уже не придёт.
У чистой, текучей хопёрской воды
остались в песке сиротливо следы.

Отчаянно дятел пытается сосну,
в молчанье земля вспоминает весну.
Открылся воздушный маршрут на пролёт..
Зелёная лодка у берега ждёт.

***

В саду открылся новый,
продутый ветром вид:
последний лист вишнёвый
на веточке дрожит,
и ветер ворожит.

РОДНАЯ РЕЧЬ

И буквы, и крест, и меч –
ты всё воплотила, речь.

Велением Божьим дан
тебе человеческий талант:

и буквы, и крест, и меч
любить, и нести, и беречь.

***

Снег в саду растаял,
И ручей журчит.
Музыка простая
Бытия звучит.

Бороную землю,
Чищу цветники,
Духу сада внемлю,
Лёгкие легки.

Яблони касаюсь –
Яблоня живёт,
Чувствую: спасаюсь –
И душа поёт.

Снег в саду растаял,
И ручей журчит.
Музыка простая
Бытия звучит.

**Валерий
АНИКИН**

«ПЕРЕД НАМИ ОТКРЫЛСЯ НОВЫЙ УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ МИР НАУКИ...»

60 лет назад, 1 ноября 1956 года, Николаю Николаевичу Семёнову была присуждена Нобелевская премия по химии «за исследование механизма химических реакций» (так говорилось в постановлении Шведской академии наук). Речь шла о разветвлённых цепных реакциях, по сценарию которых происходит и атомный взрыв. Значимость этого события для отечественной науки не меркнет с годами – до сего времени Н. Н. Семёнов остаётся единственным отечественным нобелевским лауреатом в области химии, точнее, в области химической физики, поскольку именно семёновские теории разветвлённых цепных реакций, горения и взрывов определили «лицо» новой науки, возникшей в XX столетии, – химической физики.

Можно наверняка утверждать, что среди тех, кто особенно радовался бы успеху Н. Н. Семёнова, мог быть один особенно близкий для него человек – Владимир Иванович Кармилов, его учитель физики в Самарском реальном училище. Но, к сожалению, В. И. Кармилов, кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой физики Пермского медицинского института, скончался за два года до этого.

Николай Семёнов родился в Саратове 15 апреля 1896 года, среднее образование получал в Вольском (с 1906 года) и Самарском (с 1910 года) реальных учи-

-
- Валерий Михайлович Аникин родился в 1947 году в г. Аткарске Саратовской области. В 1970 году окончил физический факультет Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Доктор физико-математических наук, профессор, декан физического факультета, заведующий кафедрой компьютерной физики и метаматериалов на базе Саратовского филиала Института радиотехники и электроники имени В. А. Котельникова РАН. Автор работ по теории случайных и хаотических процессов, науковедению, истории физики.

лицах. Подобная «перемена мест» была вызвана перемещениями по службе его отца. Знакомство Семёнова и Кармилова состоялось осенью 1912 года, когда Кармилов пришёл преподавать в седьмой, выпускной класс реального училища. Он только что окончил Казанский университет, был увлечён современной физикой, и это увлечение сумел передать «реалистам». Яркие впечатления от уроков нового учителя сохранились у Н. Н. Семёнова на долгие годы. В 1948 году в заметке, которая была опубликована в «Пионерской правде», всесоюзной газете для школьников младшего и среднего возраста, Семёнов писал о том влиянии, которое оказал на него Кармилов при выборе дальнейшего жизненного пути:

«...В один прекрасный день к нам в класс вошёл новый преподаватель. Маленького роста, с круглым лицом, с голубыми мечтательными глазами. Это был наш новый учитель физики Владимир Иванович Кармилов. Он недавно окончил Казанский университет, был очень молод и скромен до застенчивости.

*Владимир Кармилов
(второй справа) – студент
университета (фото получено
в 2015 году от И. А. Кармилова,
правнука В. И. Кармилова)*

*В. И. Кармилов, 1912 год.
Впервые опубликовано в книге
В. И. Вардугина «Тайна огня»
(1986 г.)*

Надо напомнить, что дело происходило в начале века, а это было время настоящей революции в физике. Именно тогда закладывались основы великолепного здания современной физики, были открыты новые теории, которые произвели переворот в тогдашней науке.

Наш новый учитель начал свои занятия с того, что ввёл нас в курс всех этих новых учений. Мы учились в седьмом классе (всего в реальном училище было семь классов). Перед нами открылся новый увлекательный мир науки, пусть туманный и малопонятный, но вызывающий горячее стремление проникнуть в него и овладеть им. Ожил для нас старый учебник физики, и предмет, считавшийся самым скучным из всех школьных предметов, сразу стал самым интересным. На его уроках всегда была полная тишина – нет дисциплины крепче, чем та, что держится на любви и уважении.

Школьная программа стала для нас тесна. Урок не вмещал всех вопросов, которые нас интересовали. И у нас родилась мысль собираться для изучения этих вопросов вне школы. Собственно говоря, это был кружок, но мы называли его «домашний университет». Мы готовили и обсуждали различные доклады по физике, химии, астрономии, биологии. Собирались чаще всего у меня.

Конечно, душой всего этого был Владимир Иванович. Он пробудил у ребят живой и горячий интерес к науке. Я твёрдо решил посвятить ей свою жизнь, поступить в университет, изучить физику и математику, чтобы в дальнейшем применить их к химии. Это детское решение, принятое под влиянием Владимира Ивановича Кармилова, я осуществил».

Летом 1913 года Кармилов помог Семёнову подготовиться к сдаче латинского языка, который был необходим бы для поступления в университет (в реальных училищах древние языки не изучались, они преподавались в гимназиях). Юноша уехал в Петербург и поступил на физико-математический факультет университета. Спустя год, в 1914 году, в канун Первой мировой войны, Кармилов и Семёнов совершили поездку на Алтай. Об этой поездке напоминает фотография, сделанная в Самаре в том же году.

В.И. Кармилов (справа) и Н.Н. Семёнов. Самара, 1914 год

Лорд С. Ф. Дайнтон (Dainton), автор биографии Н. Н. Семёнова, в книге «Воспоминания об академике Николае Николаевиче Семёнове» (М., 1993) так красочно эту фотографию описывает: *«Николай рано заинтересовался химией и физикой и подружился с учителем физики Владимиром Ивановичем Кармиловым, который явно повлиял на выбор его жизненного пути. На фотографии, сделанной в то время, запечатлены Николай с Кармиловым, одетые по-охотничьи и позирующие на фоне нарисованного зимнего леса: Семёнов – полулёжа, Кармилов – сидя. Позы и выражения лиц (особую значительность придают ружья 12-го калибра) выдают отношения товарищества и обоюдную любовь к охоте».*

Ещё одна вероятная причина дружбы Н. Н. Семёнова и В. И. Кармилова заключалась в том, что они были земляками. Кармилов родился в конце 1889 года в слободе Баланда (ныне г. Калининск) Аткарского уезда в семье многодетного сельского учителя (впоследствии – священнослужителя) И. И. Кармилова. В 1903 году Владимир окончил Петровскую духовную школу, а затем – несколько общеобразовательных курсов Саратовской духовной семинарии, после чего поступил на казённый кошт в Казанский университет.

Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война внесли свои «коррективы» в жизненные траектории многих наших соотечественников. Не стали исключением Владимир Иванович Кармилов и Николай Николаевич Семёнов. Оба пережили «сибирский период» в своей жизни. Кармилов в 1914 году ушёл на фронт в статусе вольноопределяющегося. С 1918 года он преподавал в Новониколаевском (Новосибирском) институте народного образования, а в 1923 году вместе с семьёй переехал в Пермь и стал работать в университете (к Кармиловым, кстати, в годы Великой Отечественной войны приедет в эвакуацию семья Н. Н. Семёнова). В 1933–1934 гг. Кармилов работал деканом физико-математического факультета Пермского государственного университета.

Н. Н. Семёнов после окончания с отличием Петербургского университета в марте 1917 года около двух лет проработает в Томском технологическом институте и Томском университете. Затем он вернётся в Петроград, под «крыло» Абрама Фёдоровича Иоффе, у которого начал заниматься научной работой ещё на втором курсе (впоследствии он тепло будет отзываться о нём как руководителе и человеке). В Петрограде развернётся фантастически успешная научная и организаторская деятельность Николая Николаевича. В 1929 году он избирается член-корреспондентом, а в 1932-м – академиком Академии Наук СССР! В 1928 году Семёнов приезжал в Саратов как участник 6-го Всесоюзного съезда физиков с широким международным представительством – среди участников съезда было пять будущих нобелевских лауреатов. Заседание съезда проходило в Большой физической аудитории третьего корпуса Саратовского университета, и это рассматривалось как знак признания успехов саратовских физиков, старт научной деятельности которых дал ведущий физик мира и России начала XX века, профессор Московского университета Пётр Николаевич Лебедев. Доклад Семёнова на съезде назы-

вался «Die Theorie der explosiven Gasreaktionen» («Теория реакций взрывчатого вещества газа») и был посвящён теории взрывов.

Свои воспоминания о Кармилове в 1948 году в «Пионерской правде» Н. Н. Семёнов закончил словами: *«Мы остались с ним друзьями на всю жизнь»*. Он, как мог, помогал Владимиру Ивановичу в его работе и всегда находил время для встречи с ним, когда тот по делам приезжал в Ленинград, а потом и в Москву. Интересные воспоминания о Кармилове и его дружбе с Семёновым оставила дочь Владимира Ивановича, Людмила Владимировна Кармилова. В письме к саратовскому писателю Владимиру Ильичу Вардугину от 3 сентября 1983 года она, в частности, сообщала:

«Отец поддерживал постоянный контакт с Николаем Николаевичем до конца своей жизни. Отношения их были тёплыми и дружественными. Папа относился к Николаю Николаевичу с огромной любовью, всегда восхищался им как учёным, человеком, другом.

Отец мой был человек очень мягкий, крайне деликатный и очень добрый. В общении со мной и братом он был очень заботлив, направлял наши занятия, чтение, причём он никогда не подавлял нас своим авторитетом, никогда в отношении к детям не было ничего похожего на назидания и поучения.

Думаю, что так же было и со студентами. Он умел просто и очень увлекательно объяснять самые сложные вещи любой аудитории, т.к. очень чувствовал аудиторию – её уровень, настроение, и ещё потому, что всё, о чём он говорил, было «пропущено через нутро». К любой лекции он всегда готовился, дополняя каждый раз её новыми данными. Он знал и любил литературу, искусство, очень интересовался биологией, а астрономия со студенческих времён осталась его всегдашней любовью. С 1927 года он был членом Общества любителей мироведения, был создателем Всесоюзного астрономо-геодезического общества в Перми, много энергии и сил вложил в организацию в городе места для астрономических наблюдений.

Речь отца была одновременно простой и очень образной, рассказывал он увлечённо, с огромной верой в науку. Вспоминаю, что после одной из лекций, в которой речь шла о Вселенной, возможности межпланетных полётов, работах Циолковского, я спросила его (это было в середине 30-х годов), неужели он верит в то, что человек когда-то достигнет, скажем, Луны. Он отвечал (очень убеждённо!), что он, конечно, до этого не доживёт, но уверен, что мы (дети) будем свидетелями таких полётов. Мне тогда казалось, что папа слишком романтик и идеалист.

Мне кажется, что не только с «реалистами», но и со студентами университета, пединститута, рабфака он всегда держал себя как старший товарищ. Многие приходили к нам домой – советоваться по учебным, научным, житейским вопросам. Думаю, что, наверно, для многих он был не только педагогом-предметником, но и учителем Жизни, хотя он всегда держался очень скромно и не считал себя каким-то особенным человеком».

С 1938 года основным местом работы Владимира Ивановича Кармилова стал Пермский (Молотовский) медицинский институт.

С 25 июля 1938 года вплоть до своей смерти 18 октября 1954 года он заведовал кафедрой физики (много лет спустя она стала именоваться кафедрой медицинской и биологической физики). Его имя должно быть хорошо знакомо специалистам в области магнитобиологии и магнитотерапии: работы, начатые им накануне Великой Отечественной войны, апробированные в пермских госпиталях и продолженные после войны, стимулировали возникновение в нашей стране нового всплеска интереса к проблемам магнитологии и физической медицины. Это признают ведущие магнитобиологи страны, и до сих пор его имя уважительно упоминается в диссертациях, посвящённых проблемам магнитотерапии.

Талант, увлечённость наукой и личный пример самого Владимира Ивановича Кармилова не могли не сказаться на выборе жизненного пути и его собственными детьми – дочерью Людмилой и сыном Борисом. Оба они поступили в институты физического профиля (Борис погиб в первые месяцы войны). В течение долгого времени в созданном академиком Н. Н. Семёновым Институте химической физики Академии Наук трудилась династия Кармиловых: Людмила Владимировна Кармилова (1920–1995), её сын Андрей Юрьевич Кармилов (1950–2010), внук В. И. Кармилова, и правнук Владимира Ивановича – Илья Андреевич Кармилов (р. в 1975-м).

А Николай Николаевич Семёнов никогда не забывал о своём родном Саратове. «Мой Саратов» – такое словосочетание нередко слышали его сотрудники. С конца 30-х годов прошлого века Николай Николаевич Семёнов был в курсе дел, которые велись в Саратовском университете в области химической физики, «отцом» которой он являлся.

Первым к нему из Саратова стал регулярно приезжать советовать молодой, только что перешагнувший двадцатипятилетний жизненный рубеж аспирант химического факультета СГУ Александр Давидович Степухович. В 1938 году Степухович досрочно защитил кандидатскую диссертацию, а после войны, став в 1946 году доцентом кафедры теоретической физики физического факультета, организовал и специальную лабораторию химической физики.

В 1950 году состоялся первый выпуск студентов, специализировавшихся по химической физике. Среди первых выдающихся выпускников – Фёдор Михайлович Митенков, академик РАН, Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской и Государственной премий, и Леонид Михайлович Тимонин, профессор, лауреат Ленинской премии, дважды лауреат Государственной премии. Будучи дипломниками Александра Давидовича, они изучали кинетику цепного распада этана, а впоследствии исследовали цепные ядерные превращения, работая в крупнейших научных центрах страны. Непосредственно в Институте химической физики стали работать выпускники физического факультета, ставшие впоследствии известными учёными: Валерий Павлович Балахнин, Владимир Иванович Веденеев, Евгений Евгеньевич Никитин, Александр Михайлович Чайкин. Чайкин и Веденеев были аспирантами Н. Н. Семёнова на кафедре химической кинетики МГУ.

Цепные реакции в «золотые годы» химической физики были «горячей темой» Института. Талантливейший экспериментатор Александр

Аспирант Александр Чайкин

Михайлович Чайкин и его коллег и супруга Галина Александровна Капралова обнаружили необычный характер воспламенения в реакции молекулярного фтора с водородом. Этот результат, объяснённый с позиции семёновской теории разветвлённых химических реакций, был признан научным открытием. Под названием «Явление энергетического разветвления цепей в химических реакциях» оно было зарегистрировано в 1977 году. Дипломы на открытие были вручены А. М. Чайкину, Н. Н. Семёнову, В. И. Веденееву, А. Е. Шилову и Г. А. Капраловой.

Следует особо отметить, что на базе теории разветвлённых цепных реакций тематика Института

химической физики обогатилась атомными и ядерными проблемами (в первые послевоенные годы)¹, а в конце 1950–начале 1960-х годов в Институте начались активные работы в области химии полимеров и кинетики полимеризации². Свои Звёзды Героя, которым «аккомпанировали» полученные в разные годы 9(!) орденов Ленина – высших наград СССР, – Н. Н. Семёнов получил в связи с личными юбилеями в 1966 и 1976 гг.

А. Д. Степухович защитил докторскую диссертацию в 1958 году в Институте химической физики Академии Наук СССР. Показательно, что официальными оппонентами при его защите выступили крупные учёные – Г. А. Разуваев, В. В. Воеводский и К. П. Лавровский. И в том же 1958-м на физическом факультете Саратовского университета была создана первая в стране кафедра химической физики, которую А. Д. Степухович возглавлял в течение последующих двадцати четырёх лет.

Н. Н. Семёнов был хорошо знаком и с другими сотрудниками физического и химического факультетов СГУ, которые регулярно приезжали на стажировки в Институт химической физики и на возглавляемую им же кафедру химической кинетики химического факультета Московского университета. Саратовцев у Семёнова всегда ждал радушный

¹ См.: Чернышев А. К. Николай Николаевич Семёнов – выдающийся учёный и организатор Атомного проекта СССР. Саров: ФГУП «РФЯЦ – ВНИИЭФ», 2012. 80 с.

² И не с учетом ли успехов семёновского института Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв внёс дополнение: «...плюс химизация народного хозяйства» – в ленинское определение коммунизма: «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны?»

приём, приглашали их на торжественные мероприятия. Приезжающих удивляла необыкновенная творческая атмосфера, царившая в Институте химической физики. Так, аспиранты непременно стремились выступить на двухчасовых, регулярно проводимых научных семинарах. «Ларчик открывался просто»: на этих семинарах Семёнов так быстро и глубоко вникал в работу, что своими вопросами и советами помогал определить направления дальнейшей деятельности аспиранта. Поэтому поначалу казавшаяся странной фраза, звучавшая порой в очереди (!) из аспирантов: «Пропустите меня, пожалуйста, а то я совсем не знаю, что мне делать дальше!» – имела для осведомлённых и самого стремящегося выступить совершенно определённый смысл.

В октябре 1983 года академик Н. Н. Семёнов с небольшой делегацией сотрудников Института химической физики, в которую входили член-корреспондент (впоследствии – академик) Академии Наук СССР Александр Евгеньевич Шилов, кандидат (впоследствии – доктор) химических наук Лидия Григорьевна Щербакова-Семёнова, кандидат технических наук Антонина Фёдоровна Абашкина, помощник Н. Н. Семёнова Павел Семёнович Костиков, побывали в Саратове. Н. Н. Семёнов ещё в 1981 году получал приглашение посетить город от В. К. Гусева, первого секретаря областного комитета партии. Приглашение это было связано с открытием в Саратове бюста Н. Н. Семёнова как дважды Героя Социалистического Труда (таково было положение о Героях Труда). Семёнов тогда не поехал, считая открытие «памятника себе», мягко говоря, не совсем скромным.

Делегация Института химической физики АН СССР и руководство города Саратова (слева направо): А. В. Россошанская, Ю. А. Мысников, А. Г. Щербакова-Семёнова, П. С. Костиков, В. И. Вардугин, Н. Б. Ерёмин, Н. Н. Семёнов, А. Е. Шилов, А. И. Кузяев (октябрь 1983 года)

1 октября 1983 года делегацию Института химической физики встретили цветами на вокзале, а затем в течение трёх дней показывали город, знакомили с исследовательскими институтами, Радищевским художественным музеем, панорамой города со стороны Волги. В Увече Николай Николаевич обратил внимание на горящий газовый факел, называемый в народе «лисий хвост», и высказал замечание словами Д. И. Менделеева: «Что же вы тут ассигнации-то сжигаете?..»

3 октября 1983 года Н. Н. Семёнов и другие члены его «делегации» встретились с преподавателями химического и физического факультетов Саратовского университета.

*Н. Н. Семёнов на встрече с сотрудниками Саратовского университета
3 октября 1983 года*

Возвращаясь к приведённым воспоминаниям Н. Н. Семёнова о годах его учёбы в реальном училище, стоит обратить внимание на то, что его очерк о В. И. Кармилове был впервые опубликован под рубрикой «Рассказы о школьном учителе». Во все времена главная задача, которую должен решать каждый педагог, — это вызвать интерес к своему предмету, в средней школе или университете. Интерес становится главной мотивацией и движущей силой для самообразования и интеллектуального развития личности. И по существу, заметка Н. Н. Семёнова в «Пионерской правде» была адресована не только (а может быть, и не столько) школьникам, а школьным учителям как сигнал-побудитель творческого отношения к педагогическому труду. Вольно или невольно, приём, который использовал Николай Николаевич при написании заметки, является воспроизведением на новом уровне его личного опыта и впечатлений, сформированных преподавателем В. И. Кармиловым. В наши дни одного творческого горения педагогов явно недостаточно для вовлечения молодёжи «в физику». Тем не менее рассказ Семёнова о Кармилове имеет значимость «хрестоматийного», представляет образы (и образцы!) прирождённого и эрудированного Учителя и гениального, одержимого наукой Ученика.

*Автор благодарит Владимира Ильича Вардугина,
Илью Андреевича Кармилова, Александру Васильевну Россошанскую
и Юлию Александровну Чайкину
за предоставленные документальные материалы.*

**Сергей
КОРОБКОВ**

*Борис Наумович Цекиновский
в партии Онегина*

Имя Бориса Цекиновского (1917–1995 гг.) неотделимо от истории оперного искусства России XX века. Расцвет его вокального таланта неразрывно связан с оперной и филармонической сценами Саратова. В течение двух десятилетий он был ведущим солистом Саратовского театра оперы и балета. Владелец лирико-драматического баритона неповторимого «бархатного» тембра, он был ярким исполнителем партий русского и мирового оперного репертуара, а также блестящим камерным вокалистом. К 100-летию со дня рождения артиста готовится сборник воспоминаний «Рыцарь оперной сцены».

Редакция журнала «Волга–XXI век» предлагает вниманию читателей одну из статей будущей книги.

**Сергей Коробков,
заслуженный деятель
искусств РФ,
кандидат искусствоведения**

ГОЛОС С PIAZZA DELLA SIGNORIA

*К 100-летию со дня рождения
заслуженного артиста России
Бориса Цекиновского*

«Бывают странные сближенья...» Жарким июльским днём 1977 года, числа 3-го, накануне вступительных экзаменов на театроведческий факультет Государственного института театрального искус-

ства им. А. В. Луначарского, я понятным образом, но впервые оказался на Большой Дмитровке, именованной тогда Пушкинской улицей. Там, в знаменитой Театральной библиотеке, что в доме № 8/1, стесняясь собственной провинциальности (приехал поступать «на удачу» из Перми), искал глазами хоть кого-нибудь, кто бы помог освоиться в читальном зале. Столкнулся взглядом с ровесником. Смекнул, что тот, наверное, как и я, пришёл сюда «подбирать хвосты» и судорожно дочитывать пьесы и учёные статьи из длинного списка литературы, которую надлежало освоить абитуриентам.

– ГИТИС?

– ГИТИС.

– Театроведческий?

– Ну да.

– А фамилия на какую букву начинается?

– Цекиновский. Боря.

– Вот везёт! На «Ц» – это, наверное, в третий день, а я – Коробков, мне точно во второй, и, значит, у вас есть лишний день на подготовку...

Впрочем, не помню, говорили мы на «вы» или тут же сократили дистанцию, оба, по-моему, обрадованные тем, что нашли друг в друге «товарищей по несчастью». Дочитывая пьесу за пьесой, статью за статьёй, устраивали короткие перерывы. Так я узнал, что родители моего первого знакомца в Москве – артисты: мама – балерина, папа – баритон. Что вообще-то они из Саратова, но уже 7 лет живут в Москве. Мама закончила танцевать, а отец – заслуженный артист РСФСР Борис Наумович Цекиновский – руководит оперной студией в ЦДКЖ – Центральном доме культуры железнодорожников, но продолжает ещё выступать на сцене, участвует в спектаклях и концертах.

– Я родился в Перми, мама оттуда, оканчивала там хореографическое училище, – рассказывал Боря, – родился 28 мая.

– Я – тоже в мае, только 30-го. А где? Роддом, знаешь, какой?

Оказалось, что с разницей в два дня мы родились в одном городе и в одном роддоме. А поскольку в ГИТИС меня привело увлечение музыкальным театром – оперой, прежде всего, – то наши антракты между чтением умных текстов стали удлиняться. Говорили мы уже об опере, о балете, о том, кого слушали и кого смотрели, и весело шутили, подначивая друг друга. Видать, все Близнецы по гороскопу, появившиеся на свет в конце мая 1960-го, ещё и близнецы по духу – ненормальные меломаны, захотевшие стать историками театра и театральными критиками.

Сдавали мы экзамен, именованный коллоквиумом, где высокое профессорское жюри детально исследовало наши знания, почерпнутые в театральных библиотеках, как я и предположил, в разные дни, в подвале знаменитого здания Моссельпрома, смотрящего на проспект Калинина. А вот экзаменационные листы с отметками выдавались в последний, третий день коллоквиума, и поздно вечером, почти ночью, когда на углу Собиновского переулка (ныне – Малый Кисловский) толклась куча «близнецов», возмнивших себя историка-

ми и критиками, желавших во что бы то ни стало одержать победу в неимоверно высоком в тот год конкурсе.

Счастливые зрители возвращались из Театра имени Маяковского с премьерного спектакля «Да здравствует королева, виват!» по пьесе Р. Болта, поставленного для Татьяны Дорониной режиссёром Андреем Александровичем Гончаровым, а наши пропуска в «большое искусство» с выставленными в них оценками всё ещё не были готовы. Бори не видно, волнение моё от возможного провала растёт, сообразно толпе, наполняющей пятачок возле «Моссельпрома».

Со стороны «Маяковки» счастливая зрительская масса редет, поэтому я сразу замечаю пару необычайно красивых людей, чей вид сразу позволяет распознать в них не театралов, а тех, кто имеет прямое отношение к другой, обратной стороне ramпы. Она – необычайно изящная, с боттичеллиевскими линиями, с большими глазами Маши из «Щелкунчика» П. И. Чайковского или Марии из «Бахчисарайского фонтана» Б. В. Асафьева. Он – «онегинских» манер джентльмен, возрастом старше спутницы, человек ярко выраженного достоинства и благородной стати.

Когда «Маша-Мария» обратилась ко мне с вопросом, не выдавали ли уже на театроведческом экзаменационные листы, а «Онегин» участливо посмотрел дружелюбным взглядом, я уже знал: передо мной мама-балерина и папа-баритон – родители Бори Цекиновского, моего «товарища по несчастью».

Участь нашу решали тем вечером так долго, что Натэлла Васильевна и Борис Наумович снабдили меня двушкой для телефонного автомата и попросили позвонить, как только секретарь приёмной комиссии объявит результаты алчущим совершенства в познании истории театра.

Мы поступили и проучились вместе пять счастливых лет, а когда получили рекомендации в аспирантуру, то вдвоём отправились в Школу-студию МХАТ, к знаменитому Виталию Яковлевичу Виленкину – на новое собеседование. Признанный миром учёный выяснял степень нашей любви к Художественному театру и посчитал в итоге, что у Бори она выражена ярче, а у меня, защищавшего диплом на тему оперных постановок Мейерхольда, – слабее. Нужды нет, что «блудный сын», покинувший alma mater после первых сезонов и в конце жизни лишённый властями предержащими собственного театра, Мейерхольд был взят под опеку Станиславским, в музыкальный театр своего имени. Тот, что в начале Большой Дмитровки – улицы, где находится и Театральная библиотека, наше с Борей Цекиновским место знакомства.

Мы расходимся: Боря защищается у Виленкина, я – в ГИТИСе. Но наши мечты сбылись: аттестованные ВАКом кандидаты искусствоведения, мы идём по жизни дальше. «Бывают странные сближенья...»! Уже отнюдь не в юношеском возрасте я вдруг узнаю, что Борис Наумович Цекиновский в 1958 году пробовался на титульную роль в фильм режиссёра Юлия Осиповича Хмельницкого «Мистер Икс», до сих пор остающийся хитом телевизионных показов и кочующий с канала на канал. Сыграл роль не Цекиновский, а Георг Отс, но мне

чрезвычайно интересна эта история, ведь Юлий Осипович Хмельницкий – дед моей жены, и я могу расспросить его о том, давнишнем выборе. Остановим строчку, вернёмся к ней позже.

Бориса Наумовича Цекиновского я услышал в декабре своего первого в ГИТИСе года обучения, когда мы с Борей и нашей сокурсницей Рузанной Мартиросян, живо интересовавшейся оперой и балетом, уже сделали первые вылазки в московские театры. Уже послушали нашумевшие постановки «Кармен» Ж. Бизе в режиссуре Вальтера Фельзенштейна в Театре Станиславского и Немировича-Данченко и там же «Пиковую даму» П. И. Чайковского в режиссуре Льва Дмитриевича Михайлова. Критический опыт новоиспечённых студентов рос, можно сказать, на дрожжах, и однажды Боря не без скрытой рефлексии спросил меня, не хочу ли я послушать его папу в сольном концерте 6 декабря на сцене ЦКДЖ?

– Хочу. Очень.

– И я, – добавила Рузанна.

В результате к нам присоединилась почти половина курса.

Своё волнение за отца, когда в кресла ЦКДЖ уселись «опытные» и наслушавшиеся в московских театрах опер сокурсники, Боря скрывал неумело, то и дело поглядывая за нашими реакциями на пение Бориса Наумовича, будто хотел, но стеснялся спросить: «Ведь правда – это неплохо? Ведь правда – хорошо?». Очень любил отца – это чувствовалось.

После арии Чаттертона из одноимённой оперы Руджеро Леонкавалло, которую редко поют баритоны, поскольку написана партия для драматического тенора, я, набрав воздуха в лёгкие, заорал что есть мочи: «Bravo!» – и не один, а несколько раз подряд. А Боря из своих лёгких воздух выпустил, понял: «Это не просто хорошо – это блестяще!»

Борис Наумович в тот вечер производил впечатление человека-гиганта, ренессансного титана, мощно превращавшего пространство главного зала Дома железнодорожников в площадь della Signoria перед дворцом Палаццо Веккьо во Флоренции. Как будто оживали скульптуры Микеланджело и Бартоломео Амманати, Бенвенуто Челлини и Пио Феди.

На площади трёх вокзалов в Москве шёл снег, а голос Цекиновского переносил нас в Лоджию Ланци архитектора Андреа Орканьи, и промозглость декабрьской улицы сменилась тёплым флорентийским светом. Люди в зале преображали скованные зимней непогодой лица улыбками, сила этого преображения рождала то редкое взаимодействие между певцом и слушателем, какое только и можно посчитать за высокое и подлинное искусство.

Слегка надрывную, с принятой у теноров слезой в голосе исповедь поэта Чаттертона Борис Наумович вёл сдержанно, по-мужски собранно и достойно, будто представлял не восемнадцатилетнего юнца, охваченного романтическими иллюзиями, а героя, постигшего тайны мироздания и сознательно – не стихийно – сделавшего свой выбор. В его Чаттертоне угадывался Гамлет, и его Чаттертон из мелодраматического персонажа превращался в рано повзрослевшего трагического толкователя жизни, узнанной и постигнутой раньше природой заведённого срока.

Конечно, сразу сражал тембр этого голоса – лисициановский, наполненный чувственными красками и вместе с тем особым благородством, позволяющим сохранять мужскую статью и породу. В сочетании с беспредельной интонационной выразительностью он на глазах делался явлением исключительным, редким, драгоценным.

Заполняя лакуны знаний, мы уже, конечно, могли сыпать формулами и цитатами, долго не копаясь в доказательствах того, какими умениями отличается увиденный нами артист или услышанный нами певец. Но это сейчас, спустя долгие годы, я понимаю, что формула великого Бенуа-Констана Коклена «Дикция – вежливость актёра» для Цекиновского была непреложным законом, а тогда, в устроенной из ЦДКЖ Piazza della Signoria об этом не думалось. Властвовал образ, создаваемый певцом-актёром «здесь и сейчас», превращавший нас, неоперившихся теоретиков от театроведения, в жадных меломанов, безоговорочно подчинённых могучей воле творца.

Программа была выстроена Борисом Наумовичем так, что традиционный «сольник» отнюдь не походил на концерт со сменяемыми друг друга номерами. Удивительное соседство Шостаковича, Хренникова, Свиридова, Даргомыжского, Кабалевского, Вебера, Леонкавалло, Куртиса, Тости, Штрауса и близко не походило на коммунальную квартиру, но определённо рождало эффект диалога с художником, которому есть чем поделиться, что рассказать, чем заворожить и чем взбудоражить. Не думалось о том, что певец в совершенстве владеет теми стилями музыки, что выбраны для такого диалога. Поверх технологий царил всё тот же высокий образ – образ слегка убелённого сединами человека, прошедшего большую и интересную жизнь и не стеснявшегося теперь говорить с нами о важных и простых и сложных истинах, познанием коих пережитое его наградило. Тут было что-то от артистического миссионерства, переведённого в формат задушевной лирической беседы. Уроки не обнаруживались с ходу, но записывались в память на будущее: звуком, интонацией, игрой тембральных оттенков, глубиной тона, ритмом и декламацией – словом, музыкой, собранной из всех времён и с целого света.

Жизнеутверждающим гимном, как послевкусием затеянного нашим собеседником разговора, лилась над залом свиридовская «Маритана» – осанна человеческой красоте и неизменно сопровождающей её любви, песнь жизнелюбия и созидания, хвала чувствам и чувственности. Без сантиментов – по-мужски уверенно и крепким, иногда даже указующим звуком, щедро наполненным цветущими красками природы.

После антракта певец и актёр Борис Цекиновский предстал в трёх оперных дуэтах: заключительной сцене из «Евгения Онегина» П.И. Чайковского, сценах Леоноры и графа ди Луна из «Трубадура» Дж. Верди и Розины и Фигаро из «Севильского цирюльника» Дж. Россини. И тут же возникла полная иллюзия того, что по одной только вокальной метке, по одному «отпечатку пальца» можно с уверенностью восстановить всю партию-роль исключительно в его, Цекиновского, исполнении. Не в чём-либо ином. Наказанный самим собой Онегин, мечущийся в лабиринтах сжигающей страсти ди Луна и словно вырвавшийся из компании весёлых лицедеёв *commedia dell'arte*

балагур Фигаро – все были застигнуты Цекиновским, что называется, врасплох, в моменты кульминационных признаний и свершений. У всех была своя точка самопризнания: либо потерянной и невозможной любви – как у персонажей Чайковского и Верди, либо торжества – как у Фигаро, знающего толк в интригах и удачно потрафившего своему господину в амурных делах.

А теперь – к отложенной строчке о фильме «Мистер Икс» и о том, почему Борис Наумович так и не снялся в картине. Конечно, не потому, что Отс был на три года его моложе, и не потому, что голос одного по тембру в чём-то превосходил голос другого – нет. Оба были красавцами, героями, способными выдержать любой крупный план. Но против Цекиновского, с его жизнеутверждающей витальной силой, с его ренессансной индивидуальностью, оказался артист рефлексирующий, с печалью в глазах и поселившимся холодком в сердце. Камера сразу поймала эту разницу, а режиссёр её увидел и сделал в конечном счёте главной характеристикой персонажа. И всё-таки жаль, что Хмельницкий снял в своей жизни один-единственный фильм и никто из других режиссёров не позвал Бориса Наумовича сниматься. Проглядели.

Это не отменяет исключительного вклада отца моего друга в историю и современный день отечественного оперного театра. Неповторимый дар Бориса Наумовича Цекиновского входит в золотую коллекцию тех редчайших и исключительных впечатлений, что бережно передаются от одних поколений другим – и зрительским, и актёрским. Теперь, набравшись реального опыта в профессии и лишившись относительно неё студенческих амбиций, я это точно знаю.

**Кристина
АНДРИАНОВА**

СВЕТЛОЯР, БАЙКАЛ И ЛАДОГА...

***

Урал. У Ра. У рая.
 У золотых ворот
 Легенды мироздания,
 Космических широт.
 Где вымысел и правда
 Блещат в сплетенье гор,
 Там солнечная Рада
 Раскинула шатёр;
 И там же – песнопенье
 Пещерных городков,
 Старообрядцев тени,
 Мятёжных пыл веков...
 Язычество разбилось
 По книгам сказок – и
 Защитница явилась
 Особенной земли...
 Уральская Аркона
 Сокрыта во Христе –
 Табынская икона
 Благословляет тех,
 Кто молится, прощая...
 Храни же наш народ
 У русского у рая,
 У золотых ворот.

-
- Кристина Владимировна Андрианова родилась в 1987 году. Поэт, журналист, переводчик. Член Союза писателей и Союза журналистов Республики Башкортостан и России. Кандидат филологических наук. Лауреат и дипломант всероссийских, межрегиональных и республиканских конкурсов и фестивалей, соавтор 21 поэтического и публицистического сборника и альманаха. Публиковалась в журналах «Бельские просторы», «Москва», «Ватандаш», «Контрабанда», газетах «Истоки», «Вечерняя Уфа», «Республика Башкортостан», «Молодёжная газета РБ» и др.; на интернет-сайтах (журнал молодых писателей России «Пролог», Евразийский журнальный портал «Мегалит», немецкий портал «Русское поле» и др.). Автор книги «Интервью с мечтой». Стипендиат премий Президента Республики Башкортостан, Народного поэта Башкирии М. Карима, писателя Д. Булякова, «Золотое перо БГУ-2007», обладательница Гран-при XIV Межрегионального поэтического фестиваля «Родники вдохновения» (2013).

***

И. С.

Баварское золото – это
Не замки чужих королей,
А сказки немецкого света
В былинах таврических дней.

Истории дикие скачки
Смешали народы и сны...
Там русский купец, И полячка.
И болгарской тайны сыны.

Не пафос раздутый, не чудо –
По фактам отеческий род.
Я знаю, кто я и откуда:
Дорога всегда проведёт.

А те, кто не знает молитвы
За предков, сдаются врагу –
Чужим андеграундом сбиты,
Несут глобализма пургу.

Храм духа без веры – сарайчик...
Так где ж декабристская статья?
Не мямли в статеечках, мальчик,
О том, что не в силах понять.

И ценности не обесценить,
Назло подхалимам-лжецам...
У ценностей – светлые цели.
А свет – не имеет конца.

***

Однажды мы уедем на восток
И позабудем западные фанты,
Где задано гневить кому-то рок,
Нести на поле битвы транспаранты –
И умирать за блеск чужих идей,
За подписи на строгих промокашках...
Однажды мы уедем по звезде
Туда, где будут души нараспашку.
Вернёмся на дорогу древних грёз
(На миг иль навсегда – там будет видно)...
Уедем. Улетим с тобой всерьёз
В долину Нила, Ганга или Инда.
Забудем всё дурное и поймём,
Что вот – причина, суть, первоисточник,
И под муссонным радостным дождём
Рассыплем нашей жизни многоточье.

ВЕСНОЮ В ПОЛЕ

Выдался ярким закат.
Ягодой солнце висит.
Белые птицы летят
Вновь по багряной Руси.

Тихий малец-ветерок
Тёплую песню поёт...
И синеватый дымок
Птиц размывает полёт.

В этот ромашковый миг
Нет беспокойства извне...
Только пророчит старик:
«Алое небо – к войне».

***

Мою страну распяли на кресте.
Распяли дважды за одно столетье.
Но знали ли чудовища систем,
Что вновь она воскреснет на рассвете?

Перерождаясь в новую зарю
И разливаясь в небе облаками,
Она верна небесному Царю
И с князем мира в паре не лукавит.

Читай по синеглазым взглядам рек,
Что, может быть, не так уж всё и плохо:
Во имя чести-правды на земле
Моей стране дана её Голгофа.

***

Изумруды глаз татарских
И сапфиры глаз сибирских –
Те и те зовут остаться
С обладателями их.
Но к чему же мне мытарства?
Как от взгляда василиска,
Замираю – не могу я
Наглядеться на двоих.
Только выбор неизбежен,
Неизбежен проигравший
И, конечно, победитель.
Это доля, это путь...
Не обижу никого я,
Отпущу двоих на волю –
Глаз татарских и сибирских
Не забыть, не обмануть!

***

Слабых они не бьют.
Слабый сдаётся сам.
Сильный ведёт редут,
Верует в небеса.
Сильный бросает клич
И достаёт до звёзд...
И на расстреле он
Выситя в полный рост.

***

«Что-то Бог не даёт...»
А быть может, мы сами
Слишком много хотим
И не верим другим?
Мы давно, так давно
Не живём чудесами,
Не находим приюта –
И грабим свой Рим.

ПЕСНЯ КАЗАЧКИ

Кто меняет дороги,
    тот меняет пути.
Ни за что, синеокий,
    нам в туман не пройти.
По степям да аулам
    на восточном ветру
Не тебя обманула,
    не с тобою умру.
В развесёлой станице
    будет свадьба гулять,
Летом сокол родится –
    погуляем опять!
Да, поди, не узнает
    захмелевший казак,
Что у сокола Вани
    неродные глаза.
Только где-то в тумане
    будет сабля блестеть
Да один басурманин
    будет ветром свистеть...
Кто меняет дороги,
    тот меняет пути.
Ни за что, синеокий,
    нам в туман не пройти.

РУССКИЙ СНЕГ

Я по улицам вечером зимним
Пролетала незримою птицей
И опять говорила с Россией
О былом. И о том, что не спится.

Отвечала Россия молчаньем
И метелицей сказочно-нежной...
И снегами, снегами, снегами
Серебрилась России надежда.

Снег шутил, заползая за ворот,
И посвистывал, и хороводил,
И укутывал старенький город
По естественно русской погоде.

На земле, словно в небе, сияли
Океаны загадок кромешных...
Так снегами, снегами, снегами
Серебрилась надежда... Конечно,

Всё проходит – и зимы, и вёсны,
Бесконечные ины и яни...
Над усталым и бронзовым прошлым
Снег надежды заплачет ручьями.

Только знаю: снега озорные
Вновь придут – заведут хороводы...
Этот снег – он ведь русский.
В России
Снег бескрайний.
Волшебный.
Особый.

Русской стужи далёкие дали,
Вы невинны, волшебны, безбрежны!..
И снегами, снегами, снегами
Серебрится России надежда...

***

Светлояр, Байкал и Ладога...
Тайны тайн и свет святых.
Здесь надежда сердце радует,
В облаках цветут мечты.

Глянь: под вечер солнце плещется,
Где Ольхон да Валаам,
Над водой шары мерещатся,
Под водой – колокола.

Нет ни времени, ни имени.
Бесконечность синевы,
Сны незримые-былинные,
Да шаманы, да волхвы...

Во вселенной растворённая,
Слышу пение комет –
И плыву я, трёхозёрная,
Мимо млечных андромед.

ГОРИТ СВЕЧА...

Горит свеча на краешке стола
У Матери Казанской до утра.
Молитва сердца время обожгла
И выпросила весточку добра.

Сказало небо: «Помогу, спасу».
Горит свеча последнего Суда...
На грешной на земле горит, внизу,
А выше, над свечой, горит звезда.

ВО ЧТО ТЫ ВЕРИШЬ

Во что ты веришь –
То тебе и будет.
Удача, безыдейность или бзик.
Наверно, победителей не судят...
Не судят –
Только триумфальный миг.
А для Победы,
Настоящей, чистой,
Нужна навеки – с ночи до зари –
Большая Вера
Моцарта и Листа,
Святая Вера
Жизни и Любви.

**Алексей
НИКИТИН**

НЕВЫГОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

***

Дарье Герасимовой

Однажды студёной осенней порой
Шёл дождь за окном, ледяной, проливной.
И струи бежали, змеясь, по стеклу,
Но чьё-то лицо разглядел я сквозь мглу.

Был девушки облик до боли знаком –
Тебя я увидел тогда за окном.
Сквозь струи дождя, что стекали, звеня,
Улыбка твоя согревала меня.

***

Завтра ты проснёшься на заре,
Сон с ресниц тихонечко прогонишь.
Кружат листья в тёплом сентябре,
Не поймашь их и не догонишь.

Не смотри на листьев кутерьму
И не слушай их шуршащей песни,
Всё, что канет осенью во тьму,
То весной сияющей воскреснет.

***

Анастасии Ярошевич

Спасибо, Художник, за солнечный свет,
За небо без края, за ветер и дождик!
Ты тоже, по сути, немного поэт,
Как каждый поэт – немного художник.

-
- Алексей Анатольевич Никитин родился в 1978 году. Член Союза журналистов России. Публиковался в журнале «Волга–XXI век», других периодических изданиях. Живёт в селе Барановка Аткарского района Саратовской области.

***

Ты спросишь однажды, пытаюсь понять:
– Где любишь ты, милый, стихи сочинять?
Тебе я скажу, улыбаясь, в ответ:
– Природа – всегда для меня кабинет.

В осеннем лесу и весеннем саду,
И летней порой на тенистом пруду,
Когда в поднебесье плывут облака
И плечи обнимет любимой рука.

***

Ночь обнажает смыслы,
Каждое слово – выстрел,
Каждая мысль – над горизонтом звезда.
Цифры, формулы, числа
Здесь не имеют смысла.
Только рука в руке – навсегда!

***

Спелым яблоком катится лето,
Спас медовый и яблочный Спас.
И народных традиций заметы
Вновь для нас оживают сейчас.

Полотняный, ореховый, хлебный –
Третий Спас называли так встарь.
Август, словно рецепт целебный,
Раскрывает свой календарь.

***

Нет причины грустить о лете,
Это, право же, не беда.
Ведь чудес хватает на свете
В эту пору, как никогда!

Что тревожило – несерьёзно,
Что печалило – позабудь,
Ведь бескрайней дорогой звёздной
Над твоей головой – Млечный Путь.

Будет много склонов и горок,
Только помни одно всегда:
На Земле человек каждый дорог,
Как и в небе – любая звезда.

Не растрачивай сил напрасно,
Ведь задача совсем не легка:
Чтобы взгляд оставался ясным,
Сердце – добрым, и верной – рука.

МИШКИН СОН

Мишка спит и видит тревожный сон:
Вдруг кровавым сделался тихий Дон.
Что же это – отблеск заката
Или кровь погибшего брата?

А над степью чёрный кружится дым,
Над землёю, над ковылём седым –
То казачьи горят станицы
И сверкают в ночи зарницы.

Видит Мишка: над Доном в тени раки
Брат убитый в исподнем белье лежит.
Кружит коршун над ним тоскливо
И роняет слезинки ива.

Снится Мишке безлюдный пустой курень,
Завалился набок гнилой плетень.
И в печной трубе воет ветер
От того, что творится на свете.

Вздрыгнул Мишка, проснулся. В окне – луна.
Ночь светла, но что ж так душа темна?
А вдали что-то глухо грохочет,
И сова на погосте хохочет.

– Что ты, глупый? – ему улынулась мать. –
Не пужайся, давай-ка, Мишутка, спать.
Утро вечера мудренее,
Засыпай-ка, родной, скорее.

Он бы спал, да боится закрыть глаза.
Вдруг опять – мёртвый брат и в степи гроза.
Зареветь бы, да вот незадача –
Казачьи на Дону не плачут.

Сон твой в руку, малыш: как гроза идёт
Окаянный, кровавый семнадцатый год.
Казачьи, отчаянных, смелых,
Он разделит на красных и белых.

Сгинет брат, и вмиг поседеет мать,
Дед навечно ляжет в могилу спать.
Мишка, Мишка, в жестокое время
Не спасают седло и стремя.

Как по Библии, брат на брата восстал,
Кровь польётся рекой, и неблизок финал.
А над вольным священным Доном
Тесно будет плачам и стонам.

Опустеют станицы и хутора,
И настанет, Мишка, твоя пора,
Не поддавшись чужим наветам,
Рассказать правдиво об этом.

А пока спит родимая сторона,
Тихий Дон и неподнятая целина,
Спи и ты до времени, Мишка,
Белобрысый донской мальчишка...

***

Пушкин, улица, ели –
Это было давно.
И февральской метели
Пережить не дано.

Пьедесталом неброским
Профиль твой вознесён.
Как Есенин к берёзкам,
К елям тянется он.

Суэта, многолюдье,
Только ты – в стороне.
Память в сердце разбудит
То, что дорого мне.

Мои первые книжки,
Сказок чудная вязь.
С Лукоморья в мальчишке
Страсть к стихам началась.

И совсем без нагрузки
В мои думы проник
Этот пушкинский, русский,
Незабвенный язык.

Вот года пролетели.
Это было давно.
Пушкин, улица, ели –
Снова всё как в кино.

И девчонки-болтушки,
И малыш, и старик,
Ели, улица, Пушкин
И наш русский язык!

***

Огоньки, огоньки, огоньки
То оранжевым светят, то синим.
Это отблеск любви и тоски
На огромных просторах России.

Да не только Россия – весь мир
В паутину одет интернета.
Сообщеньями полон эфир,
И на связи с тобой вся планета!

Огоньки, огоньки, огоньки
Замерцали гирляндой двухцветной.
И далёкие стали близки,
В огоньках видя образ заветный.

В них есть свет уходящего дня,
Только нет ничего для меня...

НЕВЫГОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Не ищите выгоды во мне,
А ищите просто – ЧЕЛОВЕКА!
Видит Бог: отныне и до века
Всё сгорит в пылающем огне.

Не ищите выгоды во мне,
Я не собирал богатства мира.
Книги, хлам, озябшая квартира,
Занавеска на слепом окне.

Не ищите выгоды во мне.
Деньги – это не моё призванье.
Преступление и наказание –
Было всё, но деньги – в стороне.

Не ищите выгоды во мне,
Я всю жизнь служил одной бумаге
Чистой. Было ведомо бедняге,
Как слагались строки в тишине.

Не ищите выгоды! Я сам
Не искал её, что б ни случилось.
Всё моё богатство уместилось
В старый допотопный чемодан...

Выгод нет, а истина – одна:
То, чем был я, тоже в землю ляжет,
Лишь стихов таинственная пряжа
Будет жить, пока она нужна.

**Николай
БАЛИЦКИЙ**

ВРЕМЯ МОЛОДОГО ХУДОЖНИКА

Я набрал в поисковой строке ноутбука «Художник Екатерина Балицкая dumkartaha» и нашёл массу информации: выставки, сайты, клипы, картины, статьи. И меня таки чуть не задавила жаба: почему я до сих пор ничего не сказал миру о достижениях своего чада?

Мне привычнее писать рассказы, многие из которых уже увидели свет, поэтому прошу прощения у читателя, что этот текст будет походить больше на рассказ, нежели на эссе. Постараюсь рассказывать легко и понятно. А как ещё отец может рассказывать о творчестве дочери? Не хотелось бы, чтобы это воспринималось как объяснение изумлённому автору смысла его творчества – это бесполезно, ведь она сама философ, поэт, художник. Более того, я не пытаюсь объяснить удивлённому, а где-то, может быть, и шокированному зрителю смысл произведений Екатерины Балицкой. Я просто делюсь своими впечатлениями от того, чем наслаждаюсь уже много лет, что увидел и что прочувствовал я сам.

С детства Катя проявляла интерес к образному творчеству: занималась танцем, окончила музыкальную школу по классу флейты, посещала художественный кружок «Солнышко». Со временем живопись победила музыку и танец. В рисунках отпечатывалось моментальное изображение того образа, который возникал в данный момент, звучали фантастические, не реалистичные, даже мистические нотки. В этом я усматривал импрессионистский, вкупе

-
- Николай Николаевич Балицкий родился в 1954 году в г. Старый Крым Крымской области. Окончил Львовское высшее военно-политическое училище, факультет культурно-просветительной работы, и Славянский международный институт управления, бизнеса и права, экономический факультет. Отслужил 29 лет в Вооружённых Силах. После выхода на пенсию работал в издательстве рекламным агентом и менеджером по продажам, на кабельном телевидении – директором. Пишет прозу с 2014 года.

с сюрреалистическим, подход в изображении современности. Как писал Павел Коган: «Я с детства не любил овал! Я с детства угол рисовал!»

Во время учёбы в Николаевском филиале Киевского национального университета культуры и искусства Катерина привлекала внимание преподавателей своими работами, но на первых курсах говорить об обретении собственной творческой манеры ещё не приходилось.

Всё произошло, как это часто бывает, совершенно случайно. После открытия выставки одного из знакомых Катя вместе с друзьями-студентами попала на фуршет, который проходил в мастерской художника-дебютанта. Стол с угощением был накрыт посередине мастерской, вокруг которого толпились приглашённые. А вдоль стен и по углам помещения стояли огромные подрамники, мольберты с частично расписанными холстами, краски и кисти разных мастей.

Увидев это изобилие инструментов и материалов для творчества, Катерина пришла в неопишуемый восторг. Наскоро перекусив, она тихонько отошла от стола и, спросив разрешение хозяина мастерской, попыталась изобразить что-то на небольшом чистом холсте, и сделала это в своей присущей только ей манере письма, о которой она ещё и не догадывалась. По окончании вечеринки картина была готова, и возбуждённые гости начали наперебой комментировать увиденное.

В 2007 году Екатерина Балицкая успешно закончила университет по специальности «Художник-график, дизайнер, преподаватель». Работая в различных учреждениях, Екатерина большое количество времени уделяет живописи и графике, учит детей и сама любит учиться. Через восемь лет окончила курс «Новые художественные стратегии» в Московском институте проблем современного искусства (ИПСИ) и осталась работать в столице.

Традиционная фраза: «Начинающим художникам не хватает профессионализма» – по отношению к Балицкой не совсем актуальна. Ещё Пикассо сказал: «Профессионализм плох уже потому, что он не способен замечать ничего нового». Современные художники не стремятся быть Брюлловыми и Рубенсами, Кипренскими и Пуссенами. Они хотят творить так, как они чувствуют, на темы, которые их волнуют.

Балицкая не исключение, её работы современны, экспрессивны, вызывающи. Это не означает, что все они одинаково хороши, но в них – её жизнь, жизнь современного художника, который творит как думает, а думает как живёт. Самовоспитание и самообразование, увлечение восточной философией и боевым искусством илицюань, оздоровительными практиками цигун, математикой, физикой космоса, фантастикой, изучение статей и книг о путях достижения жизненного успеха, чтение классической и современной художественной литературы, посещение театров, концертов, музеев, различных семинаров, путешествия по миру, занятия танцем и музыкой – всё это неполный перечень занятий, которые, можно сказать, являются основной частью образа жизни художника.

Когда смотришь на работы с выставок современных художников «Московская неделя искусств», «Будущее. Искусство в вообража-

емом будущем», «Между здесь и сейчас», «Белое на белом» и других, понимаешь: наша земля полна талантами, их только надо разглядеть, прочувствовать эмоционально. Искусство вообще рассчитано на эмоционального человека, и, по большому счёту, образование художника, как и образование зрителя второстепенно. Но если говорить о современном искусстве, то оно более понятно человеку увлекающемуся, образованному в эстетическом и эмоциональном плане.

Свободу понимания творчества Художнику, как, впрочем, и Зрителю, можно найти только внутри себя. В современной музыке есть такое понятие, как интеллектуальный рок. Его представители пишут не тексты к песням, а стихи, которые могут выступать отдельным произведением искусства. Мне кажется, что творчество Екатерины – это интеллектуальная живопись, принцип которой определил поэт Поль Валери: «Живописец изображает не то, что видит, а то что будет увидено».

Работы Балицкой являются продолжением нашей сложной и многообразной жизни суперсовременными средствами модёрнити – направления, которое сегодня находится на острие художественного творчества. Она развивает те мысли и послания, которые дошли до нас со времён Иеронима Босха, предвестника сюрреализма в живописи, творившего почти полтысячи лет назад; Василия Кандинского, одного из основоположников абстракционизма; Поля Гогена, яркого представителя модернизма. Трудные для восприятия произведения всегда возмущали общество своей непонятностью, но когда зритель хочет разобраться во всех этих «измах», тогда начинает видеть зерно смысла. Современные художники своим модёрнити, продолжая традиции возмутителей общественного сознания, напоминают нам сегодня о главном, о сущем, о смысле.

Любое искусство значимо, если оно не несёт разрушения. У Балицкой мы увидим всё что угодно, только не разрушение. Любовь к жизни, к человеку, к природе – да, но разрушение – никогда. Когда пересматриваю картины, посвящённые этой вечной теме, на ум приходят слова: «Любовь смотрит сквозь розовые очки, превращая медь в золото, бедность – в богатство, а слёзы – в жемчужины». Эта испанская поговорка как нельзя лучше характеризует любовную тему в творчестве Екатерины. Переполненные этим святым чувством картины «Согласие», «Внимание», «Красота», серия работ «Города» говорят сами за себя.

В каждой картине Балицкой есть какая-то загадка, интрига. Разгадайте её – и вы станете богаче. Давайте попробуем некоторые тайны разгадать вместе.

Вот, например, загадка живописного шедевра (не побоюсь этого слова) «Поцелуй». Чётко читается сюжет: на фоне голубого неба, как символа воздушной лёгкости и невинности, оранжевые облака, которые приносят в картину радость. Но взгляд скользит дальше, и мы видим, что это уже не облака, а волосы влюблённых. То ли люди, то ли деревья слились в экстазе поцелуя, счастливого и долгого, настолько долгого, что нами овладевают белая зависть и радость

от всеобщего счастья. *«Любовь вездесуща, и даже деревья целуются. Космическое единение деревьев, трав и облаков в одном поцелуе»*.*

У меня наворачиваются слёзы на глаза, когда вижу трогательную картину «Сочувствие». Равнодушные люди, озабоченная мама, которая даже и не заметила, что её ребёнок упал. И только пёс, возможно, бродячий, потому что без ошейника, подчиняется инстинкту взаимовыручки и сочувствия, который заложен в нём природой, помогает заживить рану.

История создания следующей картины тянется из самого детства художника. Когда Катя была ещё дошкольницей, наша немецкая подруга Сабина подарила ей куклу, «сделанную своими руками и с любовью», – как сказала Сабина, когда вручала Кате клоунессу. Это так впечатлило маленькую девочку, что она назвала её Сабинкой и до сих пор не расстаётся с подарком. В социальных сетях выложено множество фотографий их совместных путешествий по разным городам и странам, где актриса Сабина зачастую является чуть ли не главным героем. Почему? Да потому, что клоунесса умная, начитанная, с философским складом ума и может помочь в любой сложной ситуации. Вот и на картине Сабина сидит рядом со стопкой книг. Радуют глаз оранжевые плоды, ведь фиглярша весёлая, она поднимает настроение, если вдруг напала грусть. Несмотря на свою шутовскую сущность, она, умудрённая жизненным опытом, может позволить себе в лёгкой, шуточной манере говорить любому человеку то, что она думает, не боясь последствий. А что возьмёшь с клоуна?

В серии «Вечность и воспоминания» есть этюд – изображение старшего брата и двоюродной сестры. Несомненно, написан этот этюд с любовью. Брат и сестра только что поссорились, но ничего не мешает им тут же помириться и поиграть в другую игру.

Художник продолжает тему любви, и к детям в том числе, в других своих произведениях. Дети интуитивно находят тот баланс, который порой неподвластен даже зрелому человеку. *«На тонкой грани Воды и Огня, взаимодействия противоположностей находится Гармония»*. (О картине «Гармония».)

Если посмотреть на серию картин «Прятки», то мы увидим, что это самая многочисленная галерея, состоящая из живописи и графики.

На картине «Игра в прятки» показан образ «ребёнка-буки», которому кажется, что все вокруг желают ему зла, и поэтому он надевает колючую, грозную маску, как бы для защиты, хотя девочка сама по себе очень добрая и симпатичная. Эта маска мешает ей подружиться с другими детьми, и если она не изменит свой образ, то и в дальнейшей жизни ей будет очень нелегко. *«Хрупкая девочка укрывается в крокодиле от вездесущих куф. Стоит ей покинуть убежище – пернатые заклюют, страхи достигнут её. Ребёнок не знает о своей силе и вынужден жить в образе дикого зверя»*.

* Здесь и далее по тексту цитаты с сайта Е. Балицкой «Думкаптах – размышления на холсте и бумаге о взаимосвязях в пространстве» <http://dumkaptaha.com/> выделены светлым курсивом.

Текстовое сопровождение серии «Прятки», которое художник широко применяет на сайте, даёт не только позитивное направление мышлению, но и практический психологический совет: *«Каждый день человек прячет и удерживает множество эмоций, порывов, желаний. Этикет и общество контролируют движение каждого индивида. Технократическая часть интеллекта в своей эволюции опережает развитие сознания. Человечество преуспело в открытиях и изобретениях, но по-прежнему остаётся глухо к собственному языку тела. Бессознательное не понимает слов, поэтому, если вы хотите договориться, разговаривайте сами с собой мыслеобразами. Механизм общения сознания и бессознательного иногда называют интуицией. Благодаря закону сохранения энергии, каждая возникающая эмоция не может просто так исчезнуть. И если человек неотреагировал, не выразил эту эмоцию, то эта биоэнергия трансформируется в мышечное напряжение. Благодаря таким «пряткам» происходит перевод психических реакций в физические зажимы. Наше тело – словно карта собственных проблем. И если знать грамоту, можно прочесть смысл и найти себя».* Найти себя не только в художественных образах, изображённых на картинах и графических зарисовках серии, но и в себе самом. Ведь жизнь – не игра в прятки, а постоянный поиск смысла.

В композиции «Биоробот с мячом» молодой мастер предупреждает нас о том, что *«Биоробот – это новое достижение союза растений и человека, новая форма использования ресурсов, новый вид биомеханики. Каждый росток теперь можно запрограммировать с помощью слов и даже направленных мыслей. В таких строениях достигнута полная реализация солнечной энергии, всех её спектров».*

Биоробот легко может взять власть над хрупким земным шаром, и хотя пока что он подчинил себе мяч, но на месте мяча в будущем может оказаться наша планета. Суровый его взгляд устремлён на яркие пятна континентов и океанов, которые он уже готов покорить. Тревогу и опасность подчёркивает и общая цветовая гамма картины.

А вот ещё работа, в которой я увидел переключку с мотивами картины «Крик» Мунка. *«Реалити» – это набор взаимопоглощающих событий, в которых, в свою очередь, постоянно происходит процесс взаимозамены противоположных смыслов».* Эта картина – конфликт, крик души, поиск самого себя в нашем сложном противоречивом мире, стоящем на пороге экологических и социальных катастроф. Движение по кругу с нервными линиями очертаний земного шара подчёркивает нестабильность нашего присутствия на Земле.

Сюжет протягивает ниточку в начало прошлого века, когда работы экспрессионистов предвещали нетрадиционные начала и обновление художественных форм грядущего модернизма и сегодняшнего модёрнити. Явные и неявные линии картины ведут нас в тревожный мир размышлений о нашей будущности. Как Мунк на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков своим «Криком» предупреждал о грядущих революциях и войнах, так и Балицкая своей «Реалити» выражает тревогу о днях сегодняшних и грядущих.

По моим ощущениям, абстракционизм в работе «Пик» – это попытка поймать этот мир, который нами ещё не изучен. Картина

наполнена гармонией цвета, которая завораживает своей ритмичностью и даёт возможность присутствия перспективы. Линии и цвета не находятся в равновесии, но их вертикальная ритмичность создаёт чувство полноты и завершённости композиции. *«Пик» – это не обозначение и не звук. Это слово, потерявшее свои очертания. Так же, как и на картине, смыслы начинаются с появлением человека в пространстве».*

Мне понравились слова Иоганна Кристофа Фридриха фон Шиллера, сказанные поэтом и философом ещё в восемнадцатом веке: «Тесен мир, мозг же человека необъятен». Как говорят учёные, наш мозг сродни Вселенной, но тем не менее он не в силах осознать её бесконечность во времени и пространстве. Исследователи разных стран и поколений сделали великое множество открытий, и установлено, что без искусства это было бы им не под силу. Так же, как, к примеру, танцовщику или певцу без науки тоже трудно стать выдающимся.

Научные труды исследователей физики космоса и современные достижения науки также входят в круг интересов Балицкой. Есть понимание того, что если человек останавливается в изучении только одной грани, то никогда ему не постичь её, а если кругозор действительно охватывает все стороны, тогда шансы узнать что-либо новое увеличиваются.

Новые знания подвигли Катерину на создание полотна « 10^{-36} ». 10^{-36} – это мельчайшая часть секунды, мизерный период времени. Здесь художник визуализирует сложный процесс рождения нашей Вселенной, неподвластный нашему мозгу, берёт на себя функцию не интеллектуального воздействия на зрителя, а эмоционального, но в этом эмоциональном заложена глубочайшая мысль. *«Сразу после рождения вещество во Вселенной находилось под контролем четырёх фундаментальных взаимодействий (сильное ядерное, слабое ядерное, электромагнитное и гравитационное), которые из-за экстремальных температур стали единой силой, называемой Единым Полем или Теорией Всего. Когда возраст Вселенной достиг 10^{-36} секунды, Единое Поле было разделено на четыре различных фундаментальных взаимодействия, и вещество во Вселенной перешло на стадию инфляции, характеризующейся быстрым расширением пространства. Искусство и наука проводят эксперимент, чтобы ответить на фундаментальный вопрос: как родилась Вселенная? Большой взрыв – это как один удар пульсирующего сердца. Даже огромное количество данных не способно описать происходящее. На картине об этом намекает нижний слой неясного изображения. Прошлое закрашено чёрными линиями, подобно движению броуновских частиц. Неясные мазки и куски просветов, очертания чего-то, рождённого до 10^{-36} секунды, – поиски в темноте, на ощупь, догадка о том, что произошло».* Картина создана для выставки ИПСИ «Трансформация восприятия».

Категории Вечность и Время наводят художника порой на неожиданные ассоциации. Картина «Мгновение Вечности на Времени» – подтверждение тому. Сюжет прост и в то же время замысловат для восприятия, что придаёт картине особый шарм и интригу. *«На пересечении Времени и Вечности существует наша реальность. Эта кар-*

тина – сиюминутная реальность. Человек в шляпе – Вечность. Велосипед – Время, которое движется бесконечно и никогда не останавливается. Мы все находимся в постоянном движении, в коридоре возможностей, где перед нами всегда стоит какой-то выбор».

В картине «Корабль дураков» Балицкая продолжает тему, затронутую художником Иеронимом Босхом ещё в пятнадцатом веке и продолженную в середине прошлого века писателем Кетрин Энн Портер, по роману которой был поставлен художественный фильм «Корабль дураков». Но если у предыдущих авторов корабль ещё был на плаву, то у Катерины «*корабль дураков уже никуда не плывёт. Остался от всего избытка один только робот, который следит за тем, как судно постепенно вращается в дно моря. Единственному уцелевшему некуда возвращаться и некому рассказать, что же действительно произошло с кораблём и его командой*». Та тревога о судьбе человечества, которую стремились донести Босх и Портер, не была услышана людьми, и они готовы сделать последний шаг, чтобы оказаться на дне. Картина наполнена трагизмом: спасательному кругу некого спасать, дереву некуда пустить корни, роботу среди ненужного хлама даже негде будет подзарядить аккумулятор, а значит, и он вскоре прекратит свою деятельность... Какое это имеет отношение к нам? Никакого. Хотим ли мы такого конца? Наверное, нет. И тем не менее не обращаем никакого внимания на предостережения, которые испокон веку регулярно поступают к нам.

По моим впечатлениям, сюрреалистичная картина «Ни о чём не думай» сюжетно связана с «Кораблём дураков». В парадоксальном мире решения приходят парадоксальными путями. Спящее, бесполое, аморфное, безвольное существо, как образ грядущего общества, окружено многообразием символов, прочитав которые, мы понимаем противоречивость ситуации: включённый телевизор ничего полезного не транслирует, проросшие растения демонстрируют запущенность проблем, и только яркий луч лампы, который отодвигает наши кошмары, даёт некоторую надежду на будущее. Вопрос «что же делать» для многих из нас решается просто: ни о чём не думай, *«мысли часто бушуют в нас не только в параллельных плоскостях, но и совершенно о противоположных понятиях одновременно, а в тот момент, когда ни о чём не думаешь, часто всплывает самое важное, необходимое, искомое».*

Работая со светом, цветом и тенью, Балицкая добивается такого выразительного приёма, который будет бить в яблочко. Как говорил Жак Вьено, «Цвет может успокоить и возбудить, создать гармонию и вызвать потрясение». Как красиво проработаны цвета на картине «Этюд»! Эти бесконечные волны завораживают своей плавностью и ритмичностью.

Эта работа, как и многие другие, – дань романтизму и символизму. Художник закладывает свой рассказ в картину, даёт повод, а зритель сам домысливает, и никому не запрещено придумать свою историю. «Этюд» отсылает к эпохе Великого шёлкового пути, благодаря этой картине родился рассказ «Навык – путь, вымощенный шёл-

ком». Хотя Екатерина вложила в это произведение живописи ещё один смысл, проведя параллель с фреской на потолке Сикстинской капеллы «Сотворение Адама», но в неё внесена мысль, противоположная мысли Микеланджело. Полотно в версии Балицкой повествует о том, как Господь пытается догнать человека в его сегодняшней бесконечной бешеной гонке, а сапиенс, озабоченный мелкими повседневными проблемами, не готов остановиться даже на мгновение, чтобы задуматься о Вечном и получить великий дар Благословения.

В жизни Катерина – романтик. В её глазах вещи и события приобретают множество смыслов. Помню, как она школьницей часто бежала на скалистый берег Судакской бухты и подолгу смотрела на море. Наверное, в эти минуты, когда она была наедине с природой, в воображении будущего художника возникали сюжеты и образы, которые потом ложились на холст и бумагу. Возможно, тогда в подсознании и возник сюжет картины «Рядом», которая была написана позже, в 2010 году. *«Мы никогда не одни. Стоит только оглянуться, увидеть, почувствовать – каждому сопутствует Свет. Каждый сам определяет свою высоту и сам принимает решения, но Ангел всегда рядом».*

Воспоминания всегда с нами, и они важны не только в творчестве. Память – загадочная штука. Картина «Мгновение – Воспоминание» – *«пример работы памяти. Она изменила цвета и формы. Она разбила одно мгновение на несколько частей, тем самым изменив Вечность. Вечность и Время – неотъемлемые части нашей реальности. Между частями кадра воспоминания лежит пространство. По вертикали – Вечность, по горизонтали – Время (направления выбраны произвольно). Возможно, это расстояние между кадрами мгновений памяти поглощает воспоминания, а возможно, только так они держатся вместе».*

Перспективный мастер может писать картины и на заказ, но для этого нужна интересная тема или достойный человек, если речь идёт о портрете.

Картина «Ас» – заказная. Зная о трагическом прошлом заказчика в начале его авиационного пути, живописец вносит в свою работу символический элемент – бумажный самолётик, который чья-то рука запустила над подсолнухами. Неудачник было врезался в цветок, но какая-то неведомая сила подхватила его вверх – к выполнению давней мечты, к свободе и успеху.

Друзья заказали портрет Виктории Данилян в качестве подарка ко дню её рождения. Когда я попросил Катю кратенько описать свою подругу, она ответила: «Как и о любом гении, о Вике не скажешь «кратенько». Мы с Викой родились в один день, 3 апреля, но Вика старше меня ровно на пять лет.

3 апреля 2010 года стараниями Вики состоялась первая моя персональная выставка в киевском кафе «Кофиум», где и произошло торжественное вручение подарка имениннице – картины «В одночасье». На картине изображена Вика, только в разном возрасте – в 30 лет и в 3 года. Это один и тот же человек. Соответственно, мысль всё та же: в мгновении заключена Вечность. Вика – целеустремлённая, силь-

ная личность. Рядом с ней безопасно и хорошо. При этом Вика чуткая, нежная и ранимая, тонко чувствует мир и постоянно развивается. Всё это я постаралась передать в портрете. Орнамент на картине – это узор, ДНК времени.

В тот период, когда мы с ней сошлись ближе, Виктория как раз отказалась от успешной карьеры и стабильного высокого дохода в пользу своей призрачной мечты – Музея Сновидений. Её идею тогда поддержали немногие. В их числе была и я. Но тех, кто поддержал не только на словах, было ещё меньше».

Другая персональная выставка живописных работ Екатерины Балицкой «Найти себя», которая проходила в Музее Сновидений, запомнилась тем, что всё пространство Музея было заполнено энергетикой художника: живопись на стенах и на потолке, инсталляции, проигрыватель с пластинками на любой вкус, а также раскладушка в центре зала, в которой можно удобно расположиться для диалога с собой и с картинами. Учитывая то, что на потолке находилось полотно «Этюд», о котором мы уже говорили чуть выше, создавался некий эффект Сикстинской капеллы, отсылка к началу Времени, прикосновению Бога к Адаму, хотя здесь перспектива прикосновения весьма призрачная.

Всё в музее и на выставке помогли создать близкие друзья, и я подумал: «Когда попадаешь в свою среду, в среду единомышленников, когда есть поддержка хотя бы одного человека – жизнь удалась, успех гарантирован».

Живописная «Сказка» – заказная работа, была написана для Кейшу Сама, главы буддийского ордена шинни-Эн, и вручена ему лично от имени украинской сангхи в 2012 году. «Сказка» – это краткий пересказ славянского фольклора. Сейчас работа находится в Японии, в музее Буддийского храма. *«Во всём, в каждой былинке присутствует Сказка – тот Свет, который явно выражает себя, но остаётся неназванным, непойманным, неразгаданным. Леса, сказки и песни наполнены образами. Они возвращают наш воображаемый мир, а наше воображение рисует реальность. Мы выросли со знанием того, что рядом Волшебство. Дома – Домовой, в болоте – Кикимора, в лесу – Леший. У каждого такого персонажа свой характер и своя манера поведения, своё назначение. Мир наполнен Стихиями, и куда бы мы ни шли, нас поддерживает то, во что мы верим. В Сказке находится исток Веры. В какую Сказку веришь – в той Сказке и живёшь».*

К изображению Будды в образе Акалы художница обращается несколько раз. *«Есть три выражения Будды: мудрость, сострадание и непоколебимое решение. Все три образа есть в каждом человеке. Акала («Непреклонный») является олицетворением непоколебимого намерения Будды никогда не сбиваться с Правильного пути. У Акалы есть Вера, Вера в то, что ещё не произошло. От этой Веры у него зажигается красное пламя, сопутствующее ему в его жизни. Акала охвачен огнём, который полностью очищает. Огонь символизирует мудрость, которая наделена силой сжигать и очищать от нечисто-*

ты. Верёвка и меч – орудия Воина, с помощью них Он ловит недостатки».

Когда на сайте Балицкой нажимаешь кнопку «Графика», попадаешь в мир эмоций – от едва уловимых до ярких, как взрыв, от возбуждения и обиды до философии трагедии, от эмоций трудного детства до мудрой старости. Человек – это космос, целостный мир, и этот мир настолько многообразен, что трудно его охватить. Но благодаря тому, что нас объединяет единая ткань – наша жизнь, мы можем видеть то, в чём мы похожи, а в чём нет. *«Человек амбивалентен и обладает полярным видением реальности. Слово две половинки мозга, все значения для сознания делятся надвое, на противоположные части, на чёрное и белое. И обычно то, что не нравится субъекту, он прячет, вытесняет в тень. Тут, в тени, благодаря закону сохранения энергии, живут эти ненужные эмоции и чувства. А из тени неблагоприятные процессы устремляются в тело человека в виде боли и прочих неприятностей. Каждая эмоция достойна того, чтобы быть проявленной. Создавайте свой целостный мир!»*

В графических, как, впрочем, и в живописных произведениях, художник часто использует элементы сюрреализма, символизма, экспрессионизма, модернизма и всего, без чего невозможно движение вперёд в современном искусстве.

У Балицкой есть опыт работы с артобъектами. Ещё Цицерон сказал: «Нет ничего более изобретательного и более упорядоченного, чем природа». Человек, как часть природы, изобрёл кисти, краски и массу других полезных и многогранных вещей. Казалось бы, простая коробка с карандашами, но художник видит в ней нечто большее – скульптурный портрет современного человека:

«Карандаши – скульптура о художественном самореконструировании».

Возможности саморазвития, самоконструирования и даже переизобретения себя с каждым днём расширяются и становятся всё более доступными и актуальными в современном обществе. Человек выбирает или сочиняет историю о себе, надевает образы, меняет тело, приукрашивает или усугубляет реальность. Внешний мир переполнен «твитами», которые легко укладываются в бессознательное и репрезентируются. Это вынужденные изменения, естественная эволюция субъекта».

В «Карандашах» объединены два повседневных образа – гвоздь и карандаш. С помощью даже маленького гвоздя объект удерживает структуру. С помощью даже простого карандаша возможно преобразить мир. Эта скульптура – портрет современного человека».

Или артобъект «Место художника». Это качели, но они не пригодны для катания, они заставляют фантазировать на разные темы. *«Это вещь, инсталляция, скульптура. Место, о котором можно помыслить, но которое нельзя познать. Качели подвешены так высоко, что на них нельзя сесть, и так низко, что можно дотянуться рукой. Кто сегодня художник? Дизайнер, ремесленник, провидец?»*

Интересен опыт работы Балицкой по оформлению дизайна обложки книги для первого русскоязычного издания Вики Кинг «Как напи-

сать кино за 21 день». Но думается, что со временем Екатерине придётся создавать дизайн собственной книги стихов. На сайте Балицкой есть раздел «Стихи», которые автор публикует с 2015 года. А с участием в Костромском международном конкурсе поэзии «Предлог-2016» лира Балицкой зазвучала звонче.

Строки стихов, как мне показалось, часто перекликаются с сюжетами живописных произведений. Картины как мысли, а мысли как птицы взлетают с холста и садятся на белый лист бумаги.

***

*Глаза мешают рисовать,
не подчиняют рук, когда закрыты.
А руки могут только лгать,
что лишены пропорций габариты.
Размер и длительность штриха
шумят о ворс бумаги.
Твоя немая нагота глуха.
Твои изгибы как овраги.*

Известно, что там, где мысль не работает вместе с рукой, там нет художника. Потому у Балицкой каждый сюжет, каждый штрих глубоко продуман и пережит, прежде чем он появился на чистом холсте или листе бумаги. Посредством слова и живописи мастер затрагивает очень важные вечные вопросы, которые актуальны и сегодня.

А завершить путешествие по творчеству Екатерины Балицкой хочется словами о картине «Внутренний покой». *«Даже в самых «маленьких» людях есть внутренний мир, в котором безопасно и тихо. Иногда мы попадаем туда непроизвольно, задумавшись. И когда это происходит, всё вокруг нас растворяется. Существует только мы и наш внутренний покой».*

Сюжет картины строго уравновешен. Композиция разделена спокойными пастельными цветами фона строго пополам, с фигурой мальчика в центре. Взгляд парнишки одухотворённый, направленный одновременно в самого себя и вдаль, в будущее. Зритель невольно сравнивает главного героя с собой и как бы примеряет его мысли. Этот взгляд проникает глубоко в душу, и мы спрашиваем себя: «Достоин ли мы пребывания в этом мире?»

**Александр
ЛЕПЕЩЕНКО**

Продолжение. Начало в № 11–12 2016

СМЕШНЫЕ ЛЮДИ

Роман

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Почему-то иногда с особенным азартом пытаешься уверить других в том, в чём и сам не уверен. Сейчас бы я согласился, чтобы и меня уверили в том, что Гулевич придёт. Уже и закат раскололся, и алые блики заплясали в пруду, а его всё не было. Но вот какая-то тень, словно испуганная птица, скользнула между деревьями. Показалась парусиновая, колеблемая ветром куртка. Игорь Алексеевич обошёл пруд и, свернув к дому, вскоре был на веранде.

Мы поздоровались.

– Быть владельцем этих документов, – кивнул он на знакомую жёлтую папку, – довольно обременительная привилегия.

– Вам угрожают?

– Думаю, что да, – сказал он, и что-то в его голосе заставило меня взглянуть на него повнимательнее: он беззвучно смеялся, да так, что это вызывало недоумение.

Я вздрогнул, как бы пробуждаясь от задумчивости, и заметил:

– Игорь Алексеич, вы сейчас как нашкодивший студент.

– Студент, говорите?.. А я давно собирался спросить: вы у профессора Смирнова учились?

– Нет, у Млечко... Александр Владимирович моим научным руководителем был.

– Тему-то интересную брали?

– Жизненную, я бы сказал: «Районная газета как тип издания».

– Точно, вы же в «районке» начинали...

- Да, с земли.. и корреспондентом поработал, и редактором.
- Ну а я так с «Вечёрки» в журналистику вошёл. А что это была за история с выборами? Вроде, редакцию даже обыскивали..
- Нет, типографию.. Впрочем, ко мне домой тоже два сержанта заявились, хотели, чтобы я проехал с ними.
- Проехали?
- Знаете, так меня разобрало! Выходной день, а тут эти двое из ларца одинаковых с лица.. Тогда шла избирательная кампания, я поддерживал действующего главу Христенко.. Против него все местные богачи объединились, мощну потрясли – сбросились деньгами. Наняли юриста, и тот сумел под Христенко подкопаться. Избирком юристу, конечно, пособничал и главу с выборов снял. Потом, правда, суд решение это отменил, да выборы прошли.. Ну а меня с самого начала один из николаевских «кошельков» уговаривал скинуть главу, сулил за это место сохранить. Так сказать, покровительствовать.
- И вы отказались..
- Отказался, ушёл из газеты. А напоследок выпустил номер, где всё как есть рассказал землякам: и о Христенко, и о «кошельке»-покровителе, и об подтасовках избиркомовских.. Потому и типографию обыскивали, что хотели тираж изъять. Не успели, я его распротрировал. У меня ведь была редакционная служба доставки, свои почтальоны. Когда типографию ночью зря перетряхнули, то участковым было приказано ловить почтальонов. В общем, и моих сотрудников потиранили. Выборы же закончились по сценарию местных богачей, в кресло главы они своего посадили. Народ потом ему прозвище придумал – Джоконда.
- Джоконда?
- Да, всё время улыбался. По-моему, он начал это делать ещё тогда, когда я заявление принёс.
- Выходит, вы за убеждения заплатили..
- Только не говорите, что судьбой.. Я потерял лишь место.
- А потом в Волгоград уехали?
- Почти сразу. Повезло: устроился в книжное издательство. Ну а примерно через полгода мне предложили возглавить главную городскую газету. Остальное вы и сами знаете.
- Корябает жизнь, корябает.
- Да чёрт с ней! Скажите, а почему вы о профессоре Смирнове вдруг вспомнили?
- Смирнов.. Сегодня был у него на юбилее – семьдесят пять старику. Ушёл из журнала, перебирается в Подмоскowie, к дочери. В общем, всем нашим курсом его провожали.
- Надо же.. Никогда не забуду, как я познакомился с Виталием Борисычем. Приехал, значит, к нему в редакцию, жду. Наконец входит, здоровается и без предисловий начинает говорить о Боге. Говорит долго, успевая выкурить трубку. Фейерверк выбрасываемых профессором слов имеет вкус, цвет, вес.. Одно удовольствие слушать!
- Он и сейчас такой. – Гулевич потрогал свою бороду.
- Да, такой – неистовый русский профессор.

– Алексей Николаич, всё не идёт из головы ваш рассказ... А вы потом жалели?

– Может быть, и жалел... Но ведь во весь рост выпрямился...

Я взглянул на клин усыпанного звёздами неба, замолчал, потом продолжил:

– Меня, Игорь Алексеич, сейчас больше жёлтая папка занимает... Вы же мною последние дни руководили, ничего не объясняя...

– Согласен, нужно объясниться... История, сразу скажу, некрасивая. Речь идёт о том, что некто близкий к администрации влияет на исход аукционов. Объекты, выставляемые на продажу муниципалитетом, уходят с молотка за бесценок. Поверьте, это очень лакомые куски, чаще всего в центре города. А значит, кто-то нагревает руки.

– Кого вы подозреваете?

– У меня нет пока никаких доказательств, но я думаю, что такой вопрос не мог бы решиться в обход той же Прицыкиной... Всё-таки заместитель губернатора по экономике. Все цифири перед глазами.

– Прицыкина, опять она...

– Повторяю: ничего на неё нет! Вникли?

– Пусть так... Но вы же помните, как журналистское расследование проводится?

– И что?

– Как вы там говорите: «Пункт раз...»? Так вот, пункт раз – социальные связи Ирины Сергеевны. Пункт два – сами аукционы. Кто там крутится? Каков механизм торгов? Как заявки наконец подаются?

– Да, вы правы, если мы выясним эти пункты, дело в шляпе.

– Пока только в вашей папке.

– Алексей Николаич, вам не надо ввязываться в это.

– Сначала вы дали мне дымящееся ружьё, а теперь говорите, не надо ввязываться. Да и потом, разве у вас есть помощники? Ну ваш сын, ну, может быть, ещё Татьяна Андреева, и всё.

– Как же быть?

– Я за расследование.

– Хорошо, когда вы начнёте?

Вспыхнули ослепительно огни проезжавшей мимо машины, и косматый мрак сомкнулся. Мы сидели с Гулевичем на веранде моего дома, вглядываясь в темноту. Потом я поднялся, чтобы размять ноги. Игорь Алексеич тоже встал и облокотился на перила.

– Откладывать нечего, – сказал я, – можно начать и завтра.

– Идёт... Вы могли бы вместе с Татьяной съездить на аукцион, осмотреться?

– Так и сделаю.

– Да, и вот что... Она узнает, когда начало, и позвонит вам. А я завтра в Ростовскую область махну... в колонию к Иосифу. Всё-таки я выяснил, где он сидит.

– Игорь Алексеич, а что вы думаете насчёт Сажина? Какого рожна он вчера в цирк притащился? Это как-то связано с братом Иосифа?

– Вспомните, кто такой Сажин? Сажин – политтехнолог. В ближайшие дни начнётся выдвижение кандидатов в региональный парламент... Вникните! В числе выдвиженцев будет и Самвел Иосифян. Так

вот, Евгений Борисыч, видимо, что-то готовит. Кто заказчик, догадаться нетрудно.

– Цеповяз?

– Скорее да, чем нет. Ведь ему нужно, чтобы в парламент прошли нужные люди. А Иосифян как раз и может сгодиться. В любом случае ещё обсудим это после моего возвращения...

Гулевич уехал.

Я выбил жёлтые искры из трубки и сел в кресло.

«Мы, конечно, рискуем, ввязываясь в это, но ведь и несправедливость совершается открыто, неприкровоенно, на наших глазах... Чёрт, незачем так растёгиваться! Не Уотергейтское же дело расследуем».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

– Мрачное место, – сказал я, – этот аукционный дом. Напоминает места, описанные Конан Дойлом, где непременно что-то должно случиться.

– Может, не стоит тень на плетень наводить? – Татьяна придвинула к себе сумочку.

– Какой у вас, однако, гранатовый браслет!

– Чудо, правда? Это мне Иван подарил. – Девушка смотрела на меня с недоверием и с интересом. – Алексей Николаич, вы же хотели не о браслете сказать, а о чём-то другом.

– Да, о другом... Я ведь не хотел вас пугать... Раскаиваюсь впрок.

– Знаете, а здесь действительно мрачно, я не ожидала. Вон сколько серых коридоров!

– А сколько видеокамер! Только в аукционном зале я насчитал четыре.

– Если всё записывается, то как же они плутуют?

– Разберёмся... Видите того мужчину возле окна? Лицо у него удивительно живое и подвижное, а глаза смотрят зорко и прямо, что весьма редко сочетается с седыми волосами. Я навёл справки: это Михаил Юрьевич Подобедов, директор аукционного дома.

– Теперь вы засыплете меня градом дат и деталей?

– Ну, кое-что я уже нащупал... И выводы мои не так отрицательны, как вы думаете.

– Вот ещё, ничего такого я не думала! – Девушка нетерпеливо щёлкнула пальцами. – С чего вы это взяли?

Ответить я не успел. Какой-то мужчина в чёрном костюме подошёл к Подобедову и что-то зашептал ему на ухо. Потом они вдвоём нырнули в тень грязно-зелёной арки.

– А вы заметили, – сказала Татьяна, – что у директора даже рот сжался, превратившись в прямую линию, когда явился этот костюм?

– Заметил.

– Куда же они делись?

– В арке есть дверь, к ней и охранник встал.

– Правда, это и я видела. Ой, кажется, коловращение людей начинается!

– Пора бы, ведь через десять минут торги..

Уже вскоре зал заполнила разношёрстная публика.

Многие вели себя как завсегдатаи, они перешушукивались и перемигивались между собой. Это были в основном посредники, работающие не на себя, а на богатых хозяев, которые сами в торги не вступают.

Рядом расположился огромный мужчина, выправка у него была военная. Видимо, он был задействован в очередном деле своего шефа и напоминал человека, который после третьей рюмки может стать нелюбезным. Когда я спросил, что сегодня пойдёт с молотка, то он метнул на меня мрачный насторожённый взгляд, как будто подозревая какую-то увёртку. Здоровяк вынул из кармана толстую коричневую сигару и зажал её между указательным и средним пальцами левой руки. Так и сидел, пока не пришёл аукционист.

Низенького роста, азиатские черты лица, дублёная кожа. Я глядел на того, кто доставал из распухшего портфеля молоток с наковальней, и не верил своим глазам. Гринёв, тихий Гринёв оказался аукционистом. Странные бывают сближения! Но думать об этом я уже не мог: секретарь комиссии огласила лоты, и торги покатались по написанному невидимой рукой сценарию.

– Р-р-раз!..

Пётр Андреевич Гринёв щёлкнул деревянным молоточком по игровой наковальне, вверх взметнулись разноцветные карточки с номерами претендентов на покупку муниципальной собственности.

Аукцион проводился по известному принципу: кто даст большую цену. Его озвучил аукционист. И как он преобразился! Следующие два с лишним часа без тени тошноты на лице он повторял одно и то же.

– Пятьдесят две тысячи сто рублей за метр квадратный в год. Р-р-раз! – Цепкий глаз Гринёва выхватил первого, кто успел поднять карточку.

А выхватывать уже особо и некого, цена зашкаливала далеко за ставки открытого рынка. Торговались только черноволосый господин и рыжая дама.

На лицах других полутора десятков подавших заявки на этот лот – недоумение. Они пришли сюда побороться за льготную ставку – тысячу рублей за метр квадратный в год, а здесь просто грабёж, дороже, чем до кризиса. Конечно, объект под аренду уж очень хорош: двести метров в самом центре, первый этаж. Но вот цена кусалась.

– Продано! – Аукционист перевернул страницу. – Господину Белошеву, номер тринадцать...

Мадам Богодушко поняла, что проиграла. Она кое-как развязала шёлковый шарф, убрала с рябого лица рыжую прядь и, растерянно посмотрев на свой калькулятор, умножила полторы тысячи евро на двести метров в год: какой бизнес при такой арендной ставке можно даже в этом месте вести? Казино открыть? Публичный дом?

Аукцион жил своей жизнью. Стук молотка, очередные лоты, вздохи проигравших.

Татьяна, тихонько толкнув локтем, незаметно обратила моё внимание на черноволосого. Номер тринадцатый лидировал. Выиграл несколько объектов, кстати, не так дорого заплатил, как за первый.

Аукционная комиссия потихоньку скучала.

Председатель складывал итоговые суммы торгов: было чем отрапортовать директору.

...На продажу выставили любопытный лот – лестничные марши и подвалы крупнейшего в нашем городе универмага. Как-то так получилось, что в своё время помещения магазина были проданы господину Ягужинскому без этих подвалов и лестничных маршей. Десять лет он в ус не дул, возобновляя у города аренду. Что произойдёт теперь, если эти лоты уйдут неизвестному покупателю? В лучшем случае он продаст хозяину его собственные лестницы и подвалы втридорога.

Но Ягужинский был занят лиловым галстуком, а не происходящим, и, кажется, совсем не волновался. Я заметил, как в самом начале торгов он поставил свою собственную мету в какой-то бумажке и поспешно сунул здоровяку, который тотчас вместе с сигарой отправил её в карман. Больше мужчина с военной выправкой никак себя не проявил, его карточка так и пролежала весь аукцион на подлокотнике кресла. А комммерсант «в один шаг» вскоре выиграл свои лестницы с подвалами.

Гринёв собрался назвать стартовую цену очередного лота, но его прервали.

Из коридора послышался какой-то шум, и все повернулись в ту сторону. Охранник оттеснял женщин, пытавшихся прорваться в аукционный зал. Это были продавщицы сельскохозяйственного рынка «Царицынский», которым за полчаса до начала торгов сказали, что их заявка на аукцион признана недействительной: какой-то бумажки не хватило. Ведь заявки принимаются за неделю до торгов, а результаты рассмотрения сообщают за полчаса до начала – что-то исправлять и доносить поздно, но таков порядок.

Теперь рынок, где женщины проработали много лет, собирались продать без их участия. Претендовали же на лакомый кусочек юная блондинка в красной кожанке и невзрачный старик со свёрнутой в трубочку газетой. Победила молодость: сделав один аукционный шаг, блондинка купила рынок по минимальной цене.

Наконец женщины были оттеснены в глубь коридора.

В дальнем его конце виднелся телефон, по которому охранник вызвал полицию; ещё дальше через полуотворённую дверь просматривались тесно сомкнутые ряды канцелярских папок, и ясно было, что дверь эта ведёт в кабинет директора аукционного дома.

Полицейские не заставили себя долго ждать и, явившись, быстро выдворили из аукционного дома возмущённых женщин.

Но не успели торги снова раскачаться, как Гринёв провозгласил:

– Дамы и господа, все выставленные на сегодня лоты успешно проданы. Если вопросов и претензий ни у кого не имеется, прошу подписать итоговый протокол, сдать таблички с номерами. И – до новых встреч!

Аукционист раскрыл портфель и сунул туда молоток с наковальней.

Неожиданно с Петром Андреевичем случилась очередная метаморфоза: он вновь превратился в человека, которого только что вынули из петли. Он забормотал что-то невнятное, а может быть, застонал.

Впрочем, удачливые покупатели тоже не выглядели слишком счастливыми, видимо, аукцион был их тяжёлой работой.

Устала и комиссия, устал и директор.

Подобедова, кажется, доконал представительный мужчина в чёрном костюме. Его лицо было мне знакомо, но я не смог вспомнить, кто это такой. Он удалился раньше, чем закончились торги.

Я выглянул в окно: незнакомец сел в свой алый «кайен» и укадил, даже не кивнув директору. Подобедов же смотрел ему вслед ещё несколько минут.

Да, было о чём подумать.

Хотелось прочитать и бумажку, лежавшую в кармане у здоровяка, и услышать, о чём шептал директору человек в чёрном костюме. Я с удовольствием повернул бы свои пушки на сто восемьдесят градусов, но палить было всё равно преждевременно. Да и по ком палить?

Одни неответы.

...Покинув аукционный дом, мы поначалу хранили молчание, словно оглушённые ударом.

Андреева первой не выдержала затянувшейся паузы.

— Алексей Николаич, а вам не кажется, что рыба поймала рыбака? Мы ведь почти ничего не узнали...

— Вот видите, вы сказали «почти». А это уже кое-что...

Я подвёз девушку до гостиницы «Здесь спал Элвис» и поехал за сыном. В детском саду отключили воду, и надо было забрать Артемия пораньше.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Сложенные в стопки блины были как золотые колонны.

Артемий никак не мог оторвать от них взгляда. Над тонким его лицом пламенели растрёпанные волосы.

Бабушка Люда сняла со сковороды последний шваркающий блин и смазала маслом.

— Ну, шиколка кислотица, — улыбнулась бабушка, — отведай блинка!

Внук только носом в ответ заорганил.

— Ты что заплаксивил, как осенняя туча? Дай перекрестить тебя жаркими поцелуями!

Вскоре Артемий сдался на милость бабушки, лицо его заполыхало смехом. Щёки бледные так и заснежились.

— Алёша, а вы мальчишку совсем не кормите?

— Кормим, конечно, кормим... росой.

– Всё шутикуешь?

– Мам, не беспокойся... Мы, когда домой вернёмся, отправим Артемия в санаторий. Марина уже и путёвку купила.

Бабушкины серые газельи глаза были печальны. Она подложила ещё блинов внуку, пододвинула вазочку с клубничным вареньем да чашку с домашней сметаной и сказала:

– Тёмушка, ты кем будешь, когда вырастешь?

– Я... я, бабуль, буду тучепрогонителем...

– Солнцем и водой будешь заведовать?

– Да, буду заведовать.

– Слышал, Алёша?

– Слышал, мам.

– А как у тебя самого с работой?

– Пока никак... Семисложное дело своё я ещё не нашёл, но близок к этому.

– Сынок, я ведь переживаю за тебя.

– Понимаю, не переживай... И ну их, эти разговоры крылечные...

Артемий отставил пустой бокал и выглянул из-за стопки блинов.

– Пап, а что значит «до подвига дюжий»?

– Ах, дюжий!

Я стал целовать сына.

– Ты колючий,пусти... Ну, пап,пусти!

Мальчик долго бычился, потом спросил:

– Скажешь про «дюжий»?

– Хорошо... Сколько ты блинов умял? Много? Да,порядочно. Значит, можно сказать, что и ты дюжий... Это, знаешь, всё равно что крепкий, сильный...

– Конечно, я сильный. А то ж какой? Но разве блины мять – подвиг?

– Не совсем... Как бы тебе объяснить? Смотри, подвиг – это поступок... и не для себя, а для других... Такая вот нехитрая явь. Понимаешь?

– Понимаю... Я, пап, неумильных поступков совершать не буду.

Бабушка смотрела на внука так, как смотрят те, у кого любовь в сердце гостит. Лицо у неё было какое-то осиянное.

– А хотите, я вам песенку спою? – взлетел на табуретку Артемий.

– Хотим, – ответила бабушка тихо, с непередаваемой интонацией в голосе.

Внук, как дирижёр, взмахнул руками и затянул:

*У родимого батюшки
Да во зелёном садике,
Во зелёном садике,
Да под садовой яблонькой,
Под садовой яблонькой,
Да там сидел соловеюшка,
Там сидел соловеюшка,
Он сидел, громко песни пел.*

...Плескучая какая-то радость в той песенке была.

Казалось, она входила в самое сердце. Сын же в своей клетчатой рубашке напоминал мне самого себя на одной старой фотографии. Когда-то давно её сделал фотограф на детском утреннике.

– Малыш, а где ж ты научился петь? – спросила бабушка, подмигнув мне.

– Знаешь, – покачнулся на табуретке внук, – а я на студию хожу...

– Ну надо же! А возраст у тебя не подснежниковый, артист?

– Да, подснежниковый...

– Женя Опоченин, мам, студию для детей открыл, – сказал я. – Вот и Артемия нашего приобщает.

– Женя всё один?

– Нет, не один... Аня Шульгина теперь с ним. Севы уже два года как нет, вот они и сошлись... Месяц назад у них родился Егорка.

– Значит, у них теперь Егор и Глеб?

– Да, два пацана.

– А мы с Глебом вместе на студии поём, вот... И знаешь, знаешь, ба...

Внук сбился, почесал затылок, но потом хитро улыбнулся и затараторил:

*Сорок амбаров
Сухих тафаканов,
Сорок кадушек
Мокрых лягушек,
Кошку драну,
Мышь погану –
Кто промолвит,
Тот всё съест!*

В глазах бабушкиных блестили слёзы, её разбирал смех. Артемий тоже разошёлся и похохатывал, да так что запомидорился нос. Сын успокоился только тогда, когда спрыгнул с табуретки.

– Пойдёмте-ка во двор! – предложил я.

...Двор зарос травой, как молодой кожей рана.

Под нахмуренными яблонями возле обтёрханной ограды я увидел мотыгу. Когда шёл к сараю, чтобы подточить инструмент, передо мной мелькучая мышь пробежала. Артемий отскочил, словно укушенный.

Пока внук бабушке, подвязывавшей малину, рассказал про эту мышь, я не только поправил мотыгу, но и обиходил поддвора. Успел перекинуться приветствием и с молодой соседкой Алиной, которая, ломая смущение, сказала: «Ну, здравствуй!», и с её дедом Тимофеем Ивановичем.

Старик Коваленко, как паромщик, наваливаясь на свою палку, подошёл к забору и голоском медовым загнусавил:

– Привет, Алёшка!

– И вам того же...

– Ты в отпуску?
– Навроде.
– Кажут, ветеранские отменят... Не слышал?
– Не слышал, дедушка.
– В церкву схожу, помолюсь, чтоб и не отменили... Божий храм, известное дело, – он что ось, вокруг которой колесо исправно крутится...

Старик посмотрел куда-то вдаль рыбьими глазами и, ничего больше не говоря, поковылял к своей завалинке.

...Я покурил и взялся за мотыгу.

Вскоре клумба, красными и жёлтыми цветами населённая, была освобождена от травы. Почистил основательно под ивой да рябиной, полянку возле берёзы пёстросорочьей.

Наконец с травой было покончено – мотыга и жара вылизали двор.

Тягучая тишина в ушах звенела, хотелось пить.

Прибежал сын и на забор влез, на щеках его заплясали медные отблески света.

– Пап, а есть трава покаянная? Бабушка Люда не знает...

– Говорят, есть... Цветёт будто бы раз в году, в ночь на Ивана Купалу, жёлтыми колокольчиками, а листья у неё, как копеечки, круглые... Кто найдёт её – душою переменится.

Артемий внимательно слушал, взгромоздившись мне на плечи. Он не слезал, пока я лавировал между яблонями. Но вот я тронул наш старый умывальник, и вода, нагретая за день, облизала руки. Сын тоже подставил ладошки. Бабушка подала полотенце, мы обтёрлись и сели на скамейку подле летней кухни.

– Отдохнём, бабуль?

– Ну конечно, мой помощничек!

– Бабушка Люда, а это дедушка мой тут всё построил?

– Нет, прадедушка.

– И как его звали? Прадедушка Саша?

– Саша... Александр Андреич. – Горло бабушки тискали судороги, а под сердцем появилась тошнота.

– Андреич... И он, что... воевал?

– Воевал... Медали на груди, а сам – сплошная рана. Мало он пожил да порадовался. И представь, всё умел делать! Был он у нас плотник золоторукий. Построил себе дом, как терем, красивый. Крыльцо к дому с балясинами точёными смастерил. Кухоньку летнюю да баню сварганил.

– А дом крепкий? На нас никто не нападёт?

– Пошли, Господи, от всякой нежити защиту!

– Какой ещё нежити?

– Злодеев таких.

– А человек-паук всех злодеев победит.

– Не знаю как паук злоязычный, а вот прадед бы победил...

– Он богатырь, что ли? Ведь он не Илюша... У него же нет коня?

– Да, ни коня, ни кольчуги, но он наш... русский...

– Бабуль, я понял-препонял...

– Вот и ладно! Пойдёмте-ка, мужички, кушать... Ах да, всё хотела спросить: а что это вы без мамы приехали? Я для неё лимонной мяты засушила, ещё кой-чего тут припасла...

– Молодец, что припасла... Но в издательстве сейчас аврал, – сказал я. – Книжная серия готовится, и Марина всё время занята корректурой. Представляешь, дозвониться не могу... Последние дни только эсэмэсками общаемся...

Подползал вечер.

Ветер косматил тамариск.

Я нашёл ковш, зачерпнул из ведра нахолодевшей колодезной воды. Закатное, чахло-румяное солнце отражалось в ней. Отпив глоток, я захватил ковш с собою в беседку.

Когда огонёк сигареты перестал тлеть, я бросил её, открыл ноутбук и стал писать.

Часов в десять позвонил Гулевичу, но его номер был по-прежнему заблокирован. Видимо, Игорь Алексеевич ещё не вернулся из командировки. После поездки к Иосифу он срочно укатил на Ставрополье – там готовился какой-то саммит с участием президента.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В доме то спорили, то пели.

«Наверное, бабушка укладывает внука спать?»

Я ещё немного послушал и вернулся к начатой главе.

В каком-то смысле мне повезло, ведь я отыскал воспоминания студента И. И. Попова, который часто видел Достоевского отдыхающим около Владимирской церкви. Однажды Попов подсел к нему на скамейку.

«Перед нами играли дети, и какой-то малютка высыпал из деревянного стакана песок на лежавшую на скамье фалду пальто Достоевского.

– Ну что же мне теперь делать? Испёк кулич и поставил на моё пальто. Ведь теперь мне и встать нельзя, – обратился Достоевский к малютке.

– Сиди, я ещё принесу, – ответил малютка.

Достоевский согласился сидеть, а малютка высыпал из разных деревянных стаканчиков, рюмок ему на фалду ещё с полдюжины куличей. В это время Достоевский сильно закашлялся, а кашлял он нехорошо, тяжело; потом вынул из кармана цветной платок и плюнул в него, а не на землю. Полы пальто скатились с лавки, и «куличи» рассыпались. Достоевский продолжал кашлять... Прибежал малютка.

– А где куличи?

– Я их съел, очень вкусные...

Малютка засмеялся и снова побежал за песком...»

«Если в общении со взрослым, – думал я, – писатель мог выпустить и каплю ехидства и целый вечер хохлиться, то вот к ребёнку он

всегда был необыкновенно добр и внимателен... Он ведь и в собственную семью был полностью погружён, жил её заботами».

В Старой Руссе, где в последние годы жизни Достоевский купил дом, он мог удивить соседей и знакомых. Как-то раз встретил его на улице профессор Н. П. Вагнер и увязался за ним. Достоевский был неприветлив, на вопросы своего спутника отвечал нехотя да ещё и искал бурую корову.

– Да на что вам, Фёдор Михайлович, понадобилась бурая корова? – спросил профессор.

– Как на что? Я её ищу.

– Ищете? – удивился профессор зоологии.

– Ну да, ищу нашу корову. Она не вернулась с поля. Все домашние пошли её разыскивать, и я тоже ищу.

На следующий день Вагнер передал странный, по его мнению, разговор Анне Григорьевне Достоевской. Профессор удивлялся, как это её муж, «ум и фантазия которого всегда заняты идеями высшего порядка, бродит по улицам, разыскивая какую-то бурую корову?»

«Очевидно, вы не знаете, уважаемый Николай Петрович, – ответила жена Достоевского, – что Фёдор Михайлович не только талантливый писатель, но нежнейший семьянин, для которого всё происходящее в доме имеет большое значение. Ведь если б корова не вернулась домой вчера, то наши дети, особенно младший, остались бы без молока или получили бы его от незнакомой, а пожалуй, и нездоровой коровы. Вот Фёдор Михайлович и пошёл на розыски».

Я выглянул из беседки.

Темнота была как печная копоть. Приговорил несколько минут, вглядываясь в неё. Но вот оформился образ Достоевского – писатель склонился над записной книжкой, касаясь её редкой бородой, – и я снова зашелестел кнопками...

«В его записной книжке имеются и такие шутейные строки:

*Дорого стоят детишки,
Анна Григорьевна, да,
Лиля да эти мальчишки –
Вот она, наша беда!»*

А какие письма он посылал домой!

«Цалую тебя и обнимаю, – сообщает Достоевский жене, – благодарю Лилечку за письмо, а Федю поздравляю с рыбалкой. Пусть поймает три налима к моему приезду, сварим уху. Как я их люблю, моих ангелов, про вашу милость и говорить нечего. Только бы поскорей нам свидеться».

Он внимателен к своим дорогим адресатам, аккуратно отвечает им. Он вообще аккуратен.

«На его письменном столе, – вспоминала впоследствии дочь, – царил величайший порядок. Газеты, коробки с папиросами, письма, которые он получал, книги, взятые для справок, – всё должно было лежать на своём месте. Малейший беспорядок раздражал отца...»

Я никогда не видела моего отца ни в халате, ни в туфлях... С утра он бывал уже прилично одет, в сапогах и галстук и в красивой белой рубашке с крахмальным воротничком». На такую вот рубашку стенографистка Анна Сниткина, в будущем Достоевская, обратила внимание ещё в первый день знакомства с известным романистом.

По утрам да в хорошем настроении Фёдор Михайлович иногда напевал: «На заре ты её не буди...» Но стоит писателю заметить случайное пятно от свечи на домашней куртке – «и он не может приступить к работе, не уничтожив его радикально».

Проработав всю ночь, Достоевский вставал поздно, собственноручно заваривал чай или готовил кофе – «то и другое крепости чрезвычайной».

Находил дождь. В темноте застыла гущина сада. Я продрог и был не прочь согреться чаем. Потушил свет в беседке, потихоньку вошёл в дом, зажёл газ.

И сын, и бабушка спали за деревянной перегородкой. Ночник рисовал на полу рдеющие узоры. Казалось, что и рыжего кота изобразил он.

В гостиной было уютно.

Вскоре я уже потягивал чай с молоком, разглядывал старую намоленную икону и думал: «Посмотришь на неё – и неизживаемая радость в сердце поселится». И действительно, словно чары сняли с меня, стало как-то тепло, и я улыбнулся.

Книга ладилась, всё теперь получалось. Наверное, оттого что я вернулся в отчий дом? По-моему, только здесь я и владел искусством не ошибаться. Именно здесь укрывался от всего вилявого и межумочного, обезличенного. Самоодолевал, воспитывал себя.

...Быстро три недели миновали – как жёлтый листок с дерева упал. Наступили осенние простудные дни, и мы засобирались домой.

Ветер-свистун провожал нас.

Бабушка расцеловала меня, а внука ещё и перекрестила. Взгляд её затуманился, затосковал.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

«Спасибо тому, кто избрёл сон... Одним только плох крепкий сон: говорят, что он очень смахивает на смерть».

Иногда во сне я составляю планы сражений и почему-то разбиваю именно немцев. Сегодня мне приснилось, что я взял языка. Это был тучный эсэсовец, с румяным, пожалуй, даже апоплексичным лицом. Он ощетинился, обругал меня матерком, ткнул в мою сторону пальцем, крикнул:

– Думаешь, победил, краснопузый?.. Э-э нет, мы ещё встретимся!

В тонких ехидных губах немца застряла улыбочка.

«Что-то он разговорился!» – трепыхалась мысль.

Молча я свалил его с ног, перевернул на живот и, придерживая коленом, связал руки ремнём. Потом, подталкивая автоматом, повёл в штаб. Немец больше не улыбался, видимо, страх костенил его волю. Мы миновали развалины и вышли к Волге.

Воронёная сталь реки притягивала взгляд, я взвёл затвор и сказал:
– Пей, гад! Ты же хотел пить...

Вряд ли я пристрелил бы ценного языка, наверняка привёл бы его к своим, но об этом я уже не узнаю, потому что меня разбудила жена.

– Алёша, ты всё воюешь?

– С чего ты взяла? – произнёс я свистящим шёпотом.

– Твоё лицо стало неестественно бледным, я испугалась... Я всегда боюсь, когда ты так крепко спишь...

В окно осторожно царапался рассвет.

Марина хотела взять халат, но я притянул её к себе.

– Подожди!

– Зачем?

– Ты такая красивая в этом свете.

– Правда?

Я улыбнулся глазами и сказал:

– *Надо мною,*

кроме твоего взгляда,

не властно лезвие ни одного ножа...

– Пастернак?

– Нет, Маяковский.

– Ах, теперь Маяковский... – Марина поймала мои губы и жадно поцеловала.

...Некоторое время я ещё чуял аромат жены, видел её золотые предплечья. Потом пошёл в ванную.

Пока побрился, жена с сыном уже совершили нападение на свой завтрак и поджидали меня, обмениваясь планами. Фантазировали долго и наконец решили начать первый день Марининога отпуска с планетария.

«День промыт, как стекло...» Улицы опожарены солнцем, которое бывает только бабьим летом. Возле библиотеки имени Горького – студенты. Две светло-жёлтые девицы и чернявый юнец в солнцезащитных очках отделились от своего роя, перелетели через дорогу и очутились в кафе, где мы наслаждались мороженым. Загудели. Настроение студентов передалось посетителям, вокруг сделалось шумно, и мы оставили уже неуютное кафе.

Не успели и глазом моргнуть, как Артемий заманил нас в магазин игрушек. Пришлось сдаться на милость победителя, который со знанием дела выбрал самый большой водяной пистолет, а ещё мыльные пузыри, пластилин и свисток. Совершив ритуал расставания с деньгами, мы отправились туда, куда сын всякий раз входил с каким-то благоговением, – в Волгоградский планетарий.

Из-под сумрачных сводов планетария опускалась негромкая музыка. Это была хоральная прелюдия фа минор И.-С. Баха. Я не спутал бы её ни с какой другой, ведь именно она звучала в «Солярисе» Тарковского.

Впрочем, Бах звучал во многих фильмах Андрея Арсеньевича. Я люблю и «Зеркало», и «Ностальгию», и, особенно, его «Солярис». Может, поэтому сейчас и вспомнилась-вспыхнула фраза из «Соляриса»... Я повторил её, но Марина не расслышала.

– Человеку нужен человек, – повторил я громче.

– Так ты меня любишь? – спросила она.

– Люблю.

– Ты не говорил мне об этом..

– Не было повода.

– Значит, не было? – Марина ущипнула меня, и Артемий, улыбаясь, проделал то же самое.

Мне было хорошо здесь и сейчас, я обнял жену и сказал:

– *А в небе, лучик серёжкой вдев в ушко,
звезда, как вы, хорошая, – не звезда, а девушка...*

*А там, где кончается звёздочки точка,
месяц улыбается и заверчен,
как будто на небе строчка
из Аверченко...*

Сын указывал на планеты и давал им свои собственные названия.

Он требовал, чтобы мы тоже их заучили и повторяли за ним.

Водяной пистолет он держал так, как Фернан Магеллан шпагу: направив вдаль. Над тонким его лицом пламенели взлохмаченные волосы. Казалось, что это он – пионер «кругосветки» и что сию минуту произнесёт историческое: «Тихий океан!»

– Какие у вашего мальчика, – слышался знакомый женский голос, – прекрасные дымчатые глаза!

Я обернулся. По лестнице поднималась Андреева, а за нею – пере-шагивая через две ступеньки – Иван Гулевич. Пожимая Ване руку, заметил небольшой белый шрам и татуировку «За ВДВ!»

– Насчёт глаз я с вами согласен, Татьяна, – сказал я и представил ей и Ивану мою жену.

Молодые люди стали поджигать нас вопросами, но тут на сцену вновь вышел Артемий.

– Пап, а кто такие туманки?

– Туманки?.. Ну, это такие бледнолицые девы, живущие в тумане...

– В самом тумане?

– Да, сынок... Вот растает туман, и туманки вместе с ним пропадут... Иначе плутать туманкам до тех пор, пока каждая из них сердцем, как уголёк, не распалится... влажную муть вокруг себя не высушит...

– И что будет, пап?

– Откроются тогда туманке небеса.

– Как эти? – Артемий показал пальцем на мерцающий свод планетария.

Мой ответ ему был не нужен, сын умчался в другой зал. Татьяна и Иван, сами походившие сейчас на детей, тоже заторопились.

– Именем Андрея Тарковского, – говорил научный сотрудник планетария, – названа малая планета номер тридцать три сорок пять... Она была открыта советским астрономом...

Группа посетителей вместе с научным сотрудником в гороховой рубашке уходила всё дальше, и мы уже не слышали, о чём они говорят.

Марина попросила меня посидеть с нею на банкетке. В этом большом зале под сумрачным сводом были только мы и таинственный Бах. Теперь я понимал Тарковского, говорившего, что идею бесконечности выразить словами невозможно. Он был прав, когда утверждал, что лишь искусство даёт эту возможность, оно делает эту бесконечность ощутимой... Сейчас, именно сейчас искусство представало как открытие. Казалось, что и Марина чувствовала то же самое.

Ещё долго бы пребывали мы в таком состоянии, околдованные фа-минорной прелюдией, но вернулся Артемий с нашими молодыми друзьями. Им уже хотелось погулять, и они потащили нас на улицу.

Возле центрального универмага мы с Иваном купили по букетику желтопённых ромашек. Наши дамы удивлялись: где это цветочница взяла их в такое время года? Артемия же могли удивить только большие мыльные пузыри, которые временами ему удавалось выдуть...

Гуляли по Аллее Героев, пока сумерки густо не измазали дома, магазины и прохожих. Когда жёлтые веснушки фонарей вспыхнули уже повсюду, мы сели в автобус и поехали домой. А наш сын долго махал рукой Татьяне и Ивану, спускавшимся к набережной.

И только ночь брела за ними следом.

...Мы прошли через сад, насторожившийся в чуткой дрёме.

Пока Марина и Артемий открывали дверь, я задержался на веранде.

Голоса слышались уже в доме, а я всё стоял и всматривался в небо. Звёзд не было, наверное, они все остались в планетарии...

В сумрачной синеве резвились лишь молнии.

«Завтра семнадцатое сентября – день торгов в аукционном доме, а значит, пора бы туда наведаться...»

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

«Профессиональны сейчас только политики и убийцы». Почему мне вспомнились эти слова Андрея Битова? Почему ночью?

Проще, конечно, ответить на последний вопрос: ночью я работаю, привык. Впрочем, и с Битовым загвоздки нет никакой. «Вот я, например, – говорит старый писатель, – вообще ничего не умею. А когда пишу, что-то начинаю понимать и уметь».

Может быть, так и надо?

Разве каждодневные открытия и революции совершают небезопытные люди? И пусть они часто изобретают велосипед или порох, но я, как и Битов, не считаю это таким уж большим пороком. Я прощаю это и себе.

Всё, что я придумываю, я придумываю для себя первым. Сейчас мне достаточно лишь как следует прислушаться...

Поёт на разные голоса ветер за окном? Прекрасно, ведь вспоминаются строчки:

*Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить...*

Да, только Бунин мог выразить так разрыв.

Достоевский, напротив, предлагал измучившей его своей горькой любовью нигилистке и бесталанной писательнице Аполлинару Сусловой, с которой осенью 1863 года он путешествовал по Италии, оставаться «как брат с сестрой». Даже два года спустя после этого путешествия он говорил: «Я люблю её ещё до сих пор, но я уже не хотел бы любить её».

Я прислушался: ветер больше не скулил за окном, не отвлекал. Теперь ничто не мешало работать над книгой, размышлять.

«Почему же Аполлинурия бросила Достоевского?»

Ответ мне дали воспоминания Василия Розанова. Через семнадцать лет после этого разрыва и за год до смерти Достоевского В. В. Розанов женился на Аполлинару Сусловой. Впоследствии он воспроизвёл свой разговор с ней:

«– Почему же вы разошлись?..»

– Потому что он не хотел развестись со своей женой, чахоточной, «так как она умирает».

– Так ведь она умерла?

– Да. Умирала. Через полгода умерла. Но я его разлюбила.

– Почему «разлюбила»?

– Потому что он не хотел развестись.

Молчу.

– Я же ему отдалась любя, не спрашивая, не рассчитывая. И он должен был так же поступить. Он не поступил, и я его кинула...»

Впрочем, и самого Розанова после шести лет брака постигла та же участь. Аполлинурия уехала от него, влюбившись в молодого еврея. На письма Василия Васильевича она отвечала со свойственной ей жестокостью: «...тысячи мужей находятся в вашем положении (т. е. оставлены жёнами) и не воют – люди не собаки».

Даже старик-отец, к которому она переехала, писал о ней:

«Враг рода человеческого поселился у меня теперь в доме, и мне самому в нём жить нельзя...»

У Достоевского есть такой отрывок, написанный, правда, года за два-три до знакомства с А. П. Сусловой: «Красавица первостепенная; что за бюст, что за осанка, что за походка. Она глядела пронзительно, как орлица, но всегда сурово и строго; держала себя величаво и недоступно. Она слыла холодной, как крещенская зима, и запугивала всех своей недосыгаемой, своей грозной добродетелью...»

<...> И что ж? Не было развратницы развратнее этой женщины... Она была сладострастна до того, что сам маркиз де Сад мог бы у неё поучиться... Да, это был сам дьявол во плоти, но он был непобедимо очарователен».

Скорее всего, этот портрет написан Достоевским с его первой жены, Марии Дмитриевны, той самой чахоточной, которую он не хотел бросить ради Суловой. Жена изводила писателя своими изменениями, нападками на его близких, а также ревностью.

15 апреля 1864 года Фёдор Михайлович сообщал старшему брату:

«Сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Марья Дмитриевна и приказала всем вам долго и счастливо жить (её слова). Помяните её добрым словом. Она столько выстрадала теперь, что я не знаю, кто мог бы не примириться с ней».

В ночь после смерти жены он внёс в записную книжку:

«Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?»

И ещё:

«...Человек стремится на Земле к идеалу, противоположному его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, т. е. не приносил любовью жертву своего Я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и называет это состояние грехом».

И, наконец, откровение пророка:

«...человек есть на Земле существо, только развивающееся... не оконченное, а переходное... Следственно, есть будущая, райская жизнь».

Какая она, где она, на какой планете, в окончательном ли центре, т. е. в лоне всеобщего синтеза, т. е. Бога? – мы не знаем».

...Представилось, как писатель, оторвавшись от записной книжки, испуганно посмотрел в темень окна, за которым вдруг заскулил ветер. А потом, как будто разглядев за этим окном меня, сказал:

«Знаете ли вы, как любят! – Голос его дрогнул, и он страстно зашептал: – Если вы любите чисто и любите в женщине чистоту её и вдруг убедитесь, что она потерянная женщина, что она развратна, – вы полюбите в ней её разврат, эту гадость, вам омерзительную, будете любить в ней... Вот такая бывает любовь!»

Я ничего не ответил, но подумал: «Почти во всех его поздних романах появляется этот новый женский образ». Тоска ущемила меня. В ночь после смерти Маши и Достоевскому было тоскливо, ведь беда его за сердце кусала... Схоронив жену, Фёдор Михайлович бросился к брату: «Он один у меня остался, но через три месяца умер и он».

...Все эти печальные события войдут в жизнь писателя через несколько лет после выхода первого номера журнала «Время». А сейчас Достоевский хотя и разрывается между двумя этими женщинами – Марией Дмитриевной и Аполлинарией Суловой, – но он любит, мучительно любит, строит планы и работает. Он точно знает, что профессиональны не политики и убийцы, а литераторы.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

О, русские литераторы! Всё-то они подмечают:

«В юности Достоевский написал: «Человек есть тайна»; в зрелости, исходя из горького своего опыта, чуть-чуть уточнил блистательный афоризм: «Человек есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение».

Выйдя из Омского острога, Фёдор Михайлович уже чуть ли не кричал: «Я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных».

Конечно, сомневался не только Достоевский. Сомневался, хотя и по другому поводу, даже ошибался, друг его юности Некрасов. Сотрудник журнала «Современник» Павел Ковалевский рассказывал: «Лучшего редактора, как Некрасов, я не знал... умнее, проникательнее и умелее в сношении с писателями и читателями никого не было... Знание вкусов читателей не без своеобразного юмора:

– Читатель ведь чего хочет? Он хочет, чтобы повесть была поскучнее – серьёзная, дескать, повесть, не какая-нибудь; а учёная статья – чтоб была повеселее: он прочитает её может.

Никогда он не ошибался в выборе рукописей... Ошибся он один раз, зато сильно, нехорошо и нерасчётливо ошибся с повестью Достоевского, которая была точно слаба, но которую тот привёз с собой из ссылки и которую редактор... уже по одному этому обязан был взять.

– Достоевский вышел весь. Ему не написать ничего больше, – произнёс Некрасов приговор – и ошибся...

– Если так, – решил Достоевский, – я заведу свой собственный журнал.

И тоже ошибся...»

Не думаю, что Фёдор Михайлович и его брат допустили ошибку. По крайней мере, в начале издания журнала они действовали как шахматисты, просчитывающие свои ходы наперёд. Это потом «Роковой вопрос» – статья, посвящённая польскому восстанию, – стал для них действительно роковым, но сейчас...

«Журнал «Время» имел решительный и быстрый успех, – свидетельствовал литсотрудник Страхов. – Цифры подписчиков, которые так важны были для всех нас, мне твёрдо памяты. В первом, 1861-м, году было 2300 подписчиков, и Михайло Михайлович говорил, что он в денежных счетах успел свести концы с концами. На второй год было 4302 подписчика; список их по губерниям был напечатан во «Времени» 1863 года... На третий год издания, в апреле месяце, было уже до четырёх тысяч, и Михайло Михайлович говорил, что остальные триста должны непременно набраться к концу года. Таким образом, дело сразу стало прочно, стало со второго же года давать большой доход, так как 2500 подписчиков вполне покрывали издержки издания; авторский гонорар был тогда менее нынешнего, он редко

падал ниже пятидесяти рублей за печатный лист, но редко и подымался выше, и почти никогда не переходил ста рублей.

Причинами такого быстрого и огромного успеха «Времени» нужно считать, прежде всего, имя Ф. М. Достоевского, которое было очень громко; история его ссылки в каторгу была всем известна; она подерживала и увеличивала его литературную известность – и наоборот. «Моё имя стоит миллион!» – сказал он мне как-то в Швейцарии с некоторой гордостью.

Другая причина была – прекрасный (при всех своих недостатках) роман «Униженные и оскорблённые», достойно награждавший читателей, привлечённых именем Фёдора Михайловича. По свидетельству Добролюбова, в 1861 году этот роман был самым крупным явлением в литературе <...>

Третьей причиною нужно считать общее настроение публики, никогда так жадно не бросавшейся на литературные новинки, как в это время. За первым увлечением иногда следовало быстрое разочарование; но на этот раз дело пошло прекрасно. Журнал оказался очень интересным; в нём слышалось воодушевление вполне либеральное, но своеобразное, не похожее на направление «Современника», многим уже начинавшее набивать оскомину. Но вместе с тем «Время», по-видимому, в существенных пунктах не расходился с «Современником» <...> В октябрьской книжке «Времени» 1861 года явилось даже стихотворение Некрасова «Крестьянские дети» вместе с комедией Островского «Женитьба Бальзамина»; в апрельской книжке «Времени» 1862 года явились сцены Щедрина. Таким образом, самые крупные сотрудники «Современника» по части изящной словесности, и даже Некрасов и Щедрин, отдавшие все свои силы этому журналу, ясно выказали своё особенное расположение ко «Времени».

Но так ли был расположен к самому Достоевскому тот же Щедрин?

«...Кажется, он прозвал Достоевского «кликушей» за его манеру, всплыв, доводить спор до крика, до болезненного взвизгивания», – вспоминал один из участников литературных встреч.

– Кликуша, успокойся! – говорили ему.

– Кликуша? – отвечал Достоевский. – Потерпи с моё, и ты кликушей станешь!

И каждый раз в таком случае, в мужской компании, Достоевский порывисто поднимал над штиблетом брюки и показывал обнажённую ногу.

– Смотрите – вот!

Кость была обтянута словно не кожей, а тончайшей плёнкой. Это был ужасный след каторжной тачки».

Дорого ему обходился и литературный труд.

Фёдор Михайлович был будто прикован к журналу.

«Очень часто случалось в моей литературной жизни, – говорил сам Достоевский, – что начало главы романа или повести было уже в типографии и в наборе, а окончание сидело ещё в моей голове, но непременно должно было написаться к завтраму... Конечно, я сам

виноват в том, что всю жизнь так работал, и соглашаюсь, что это очень нехорошо».

Таким вот – спешащим, обременённым журнальными обязанностями – он и запомнился Петру Быкову:

«...с замиранием сердца я шёл в редакцию только что возникшего ежемесячника «Время» братьев Достоевских... Я нёс в редакцию переводной рассказ... На моё появление никто не обратил внимания, и я почувствовал себя очень неловко...

– Потерпите немного, – ободрял меня А. Е. Разин, – сейчас вон из той двери выйдет Достоевский; пожалуйста, не робейте только.

<...> Наконец, я увидел его. Немного выше среднего роста, он смотрелся старше своих сорока лет, шёл сгорбившись и слегка вперевалку... Глаза его быстро перебежали от одного лица к другому. Толстая мрачная складка легла у него между бровей... губы как-то нервно подёргивались. Бегающие глаза его остановились вдруг на мне.

Я с большим трудом мог выносить его испытующий, можно сказать, унижающий насквозь взгляд, от которого становилось неловко, даже как будто жутко.

– Это что? – спросил меня отрывисто Достоевский. – Статья? Рассказ? Не надо... У нас всё есть...

– Я принёс на ваше усмотрение перевод... С французского, – выпалил я скороговоркой. – Рассказ недавно напечатан в «Фигаро».

– Зачем нам? Даром время потеряли, – ответил, пожимая плечами, Достоевский и круто отвернулся от меня.

В это время А. Е. Разин, обещавший прийти мне на подмогу, поймал писателя и что-то горячо стал ему доказывать. Достоевский вернулся ко мне, снова пронзил меня испытующим взглядом, взял рукопись из моих дрожащих рук, погладил меня по голове, к великому моему изумлению и конфузу, и бросил на ходу:

– Придите через два дня...»

Но видели современники его и другим:

«Фёдор Михайлович Достоевский пригласил меня на вечер, – вспоминал Бунаков, автор рассказа напечатанного во «Времени», – где я познакомился со всем кружком журнала... Кусков горячился. Грузный Разин возражал отрывочно и с менторской важностью. Благодушный Н. Н. Страхов держался неопределённой середины. Нервный Фёдор Михайлович Достоевский, бегая по комнате мелкими шажками, некоторое время не вмешивался в разговор, потом вдруг заговорил, прищёпывая, и все примолкли: это, очевидно, был пророк кружка, перед которым все преклонялись.

А этот пророк говорил о смирении, об очищающей силе страдания, о всечеловечности русского народа, о невозможности с его стороны никаких самовольных движений ради собственного блага, об отвращении его ко всякому насилию, о неестественности какого бы то ни было общения между ним и самозваными радателями его, набравшимися революционных идей или из книжек, или прямо из жизни Запада, которая противоположна русской жизни и не может служить ей примером...»

...Кучерявился рассвет.

Ветер теребил в саду привязанного за бечёвку воздушного змея, забытого Артемием. Этот жёлтый змей походил на голову собаки.

«Может, он выскуливал за окном всю ночь? Нет-нет, воздушные змеи так не могут...»

Щёки цвели шиповником в зеркале. Губы съёжились в улыбку. Представилась и улыбка Достоевского, разговаривающего с ребёнком. Она была какая-то детская, совсем не такая, как у меня...

Неожиданно хрупкую тишину сломал колокольный перезвон.

Некоторое время я прислушивался к полыханию колокола.

Но вот в доме затосковали петли – по-видимому, это встала Марина, и я, задернув шторы и выключив торшер, лёг в постель...

Ровно в два я подъехал к девятиэтажке на улице Елецкой.

Стал ждать Андрееву.

На мне был серый английский костюм, белая рубашка и синий галстук – я неплохо экипировался для «крестового похода» на аукционный дом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Раскинулась осень. Солнце бескровно-жёлтое висело над городом.

Перед зданием областного правительства стояли чиновные ели.

Улица была плотно заперта машинами. Я пожалел, что послушал Андрееву и поехал здесь, а не через Вторую Продольную. Ведь встретиться с Игорем Алексеевичем до аукциона всё равно не получилось, он задерживался на «правительственном часе».

На Аллее Героев чернели копыя фонарей.

Мы свернули налево и, обогнав мутно-розовый троллейбус, понеслись мимо «сталинок» в каменных рубахах. За Центральным рынком стали попадаться и обычные городские коробки с расстёгнутыми дверями...

Наконец затемнела громада кирпичей – это был тракторный завод. Мы доехали до ВГТЗ так же быстро, дым вылетал из его огромных труб. Казалось, что полчища заводских корпусов обступают нас. Но вот мой «форд-фокус» пристроился за джипом, самоуверенно свернувшим на перекрёстке. Затерявшись в толпе суетливых легковушек, мы вскоре уже были возле аукционного дома.

– Итак, Татьяна, – сказал я, выключив радио, – вы обратили внимание, сколько видеокамер нас излапывали в прошлый раз?

– Думаю, пять. – Девушка накололась на мой взгляд. – Или, может быть, семь...

– Нет, неверно. Вы смотрели, но не наблюдали. Только в зале для торгов их четыре плюс две в переговорной комнате. Кроме того, в каждом из трёх коридоров ещё по две... Ну и, конечно, видеокамера на входе.

– Значит, всего тринадцать?

– Да, чёртова дюжина... А вы, оказывается, быстро считаете...

– Я же аудитор. Знали бы вы, Алексей Николаич, как мне надоело отчёты цифрами клеймить...

– Говорите, отчёты клеймить... – Я закурил и выдохнул тонкий дым сигареты. – Пожалуй, запомню это ваше выражение.

Из-под стрел её ресниц на меня смотрели синие, как цветы, глаза. Они то ли благодарили меня, то ли радовались.

– Как хорошо, что мы снова в деле... Ну что, расследование наше продолжается...

– Понимаю.

– Понимаете?

– Конечно, ведь ваш отпуск проходит не так, как хотелось бы. Вам не хватает впечатлений... И даже пейнтбол не помогает убить скуку.

– Как вы узнали? Иван рассказал?

– Нет, он мне ничего не говорил. Я просто наблюдал и логически размышлял... Судите сами: сегодня понедельник, а вы не на работе... Отгул вы использовали ещё в прошлый раз. Вот и получается, что вы в отпуске. Но раз Иван на работе, а он на работе и завален делами, значит, вы не можете пока поехать на море... То есть проводите отпуск не так, как хотелось бы. О пейнтболе же мне поведало маленькое жёлтое пятнышко на вашем локте. Оно свежее. Вчера, когда мы виделись в планетарии, у вас его не было. Да и ваш клатч... Он ведь, кроме всего прочего, содержит цилиндрический предмет, очертания которого хорошо угадываются. Очки вы не носите, поэтому там не футляр для очков. Я думаю, что это та самая дымовая граната, используемая и в пейнтболе. Тем более я просил вас недавно её раздобыть...

– Алексей Николаич, когда вы изложили свои соображения, всё стало казаться мне смехотворно простым... Я и сама без труда могла бы всё это сообразить. Но сначала я была совершенно ошеломлена.

– Но теперь вы убедились, что главное – уметь наблюдать? В этом и заключается моё ремесло писателя, и вполне возможно, что оно пригодится нам в начатом расследовании.

– Ага, убедилась...

Я взглянул на часы: до аукциона оставалось двадцать минут.

– Ладно, а сейчас, – сказал я, – покажите то, что вы прячете в своей маленькой сумочке...

– Вот это.

– Так-так, ручная дымовая граната... Судя по маркировке, она белого дыма.

– А вы что, и в гранатах разбираетесь?

– Познания мои в военном деле – разрозненные. Я ведь после школы поступил в военное училище и успел там немного поучиться. Если не ошибаюсь, ингредиенты в вашей гранате самые простые: бертолетова соль, аммоний хлористый и антрацен... В общем, то что доктор прописал! А скажите, я могу рассчитывать на вашу помощь?

– А что я должна сделать?

– Когда я маякну – вот так тронув воротник пиджака, вы удалитесь в дамскую комнату, запалите гранату и, выскочив в коридор, как

герой одного рассказа, выкрикните: «Пожар!» Окно в уборной приоткрыто, потом подумают, что гранату бросили с улицы. Вы же смешаетесь с толпой и уйдёте. Сможете такое проверить?

– Да, смогу, – сказала она, нервно сжимая и разжимая свои красивые руки.

Было душно.

Над городом нависли морщинистые облака.

Я посмотрел на облака, а потом на часы.

– Пора!

– Где же взять рёбра, чтобы заплатить за это приключенье?.. Что... что вы всё-таки затеваете? – Девушка торопливо поправила своё платье цвета охры.

– После, после потолкуем...

...В зале для торгов одни мышинные лица и ни одного знакомого. Выделялся, пожалуй, лишь огромный мужчина с военной выправкой. Хотя он и отвернул голову в сторону, показывая бритую жилистую шею. Я узнал этого человека. Его кадык ходил так, словно в горле танцевал виноград. Когда здоровяк повернулся, я заметил недобрую улыбку в его лисьих глазах.

«Да ему убить, – резанула мысль, – всё равно что ботинки переобуть...»

– Р-р-раз! – Аукционист резко щёлкнул деревянным молоточком по игрушечной наковальне.

Это был ещё один мой знакомец – Гринёв.

Вверх то и дело поднимались разноцветные карточки с номерами претендентов на покупку муниципальной собственности, и Гринёв с каким-то даже наслаждением повторял своё «р-р-раз». Нет, он не говорил, а пел как бубен. Выигрывали, видимо, те, кто и должен был выиграть.

Вскоре я тронул воротник пиджака, и Татьяна пошла в дамскую комнату.

Секунд через семь девушка выбежала из уборной с криком: «Пожар!» – а за нею волочился густой белый дым.

Мышиные лица преобразились, люди повскакивали со своих мест: кто-то ревел, кто-то рвался вперёд.

Зал для торгов трясся как эпилептик.

Я увидел платье цвета охры в толпе, теснившейся к выходу, и поспешил в кабинет Подобедова. Директор аукционного дома, не закрыв дверь на ключ, метался в это время между обезумевшими посетителями, которые и его увлекли за собой. Я же, очутившись в кабинете, принялся за поиски вдохновенно и последовательно: из шкафа выудил аукционный бюллетень (таких там было несколько стопок,) а в столе нашёл записную книжку с рядами каких-то цифр. На это ушло секунд двадцать, ещё столько же – чтобы убраться из аукционного дома.

Расчёт оказался верным: в суматохе никто не обратил внимания на мужчину в сером костюме, кроме того, ни в кабинете директора,

ни в уборной не было видеокамер. Конечно, данное обстоятельство работало на меня и Татьяну.

...Этот день был горяч и долог.

На улице звякали трамваи, а из небольшой забегаловки слышалась воркотня рюмок.

Позади питейной, в парке, на ветках тополей, как потухшие лампы, темнели птицы. Ветер, как мышь, пошуркивал в трезвонной листве. Два клёна, разбежавшиеся в разные стороны тополиной аллеи, роняли последние свои узорные образки. На клумбах же перед эстрадой цвели кровавоглавые розы. И хотелось узнать, какой декоратор устроил такие поминки по лету?

Выпустив несколько седых колец дыма из трубки, я окончательно успокоился и позвонил Гулевичу. Мы условились, что встретимся у него дома в начале восьмого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Месяц был синеватый, словно кровоподтёк.

Печалилась дорога. Встречные легковушки кромсали её ножами фар.

Тяжёлыми чёрными кораблями проходили мимо грузовики.

«Уже в следующую субботу, – рассказывали ведущие «Авторадио», – станет известно, состоится или нет в Волгограде чемпионат мира по футболу...»

Дом Гулевича был в живом пятнистом блеске.

Я закрыл машину и пошёл через сад.

Какие-то беспаспортные тени шли за мной следом. Казалось, что сад был завёрнут в рогожу. Неожиданно тишину рассёк странный звук.

«Разве может живое существо издавать такой могучий чугунный гул?»

Карманный фонарик я навёл как пистолет на дом. На пороге возле двери сидел непомерной величины мастиф по кличке Мрак. Сейчас он, правда, походил на мясистую темноту и чуть ли не гудел. К счастью, выяснять, узнала меня собака или нет, не пришлось – её хозяин отворил дверь.

– Как вам, Алексей Николаич, этот господин воров? – улыбнулся Гулевич.

– Почему воров? – переспросил я и почувствовал, что сердце стучит как телеграф.

Из бороды моего друга снова выпорхнула улыбка и осветила лицо.

– Но ведь так «мастиф» переводится с английского. Вникните! Впервые это слово было употреблено ещё во времена Римской империи... В Англии же заимствованное название породы появилось в королевских уложениях Хивела Доброго... Если не ошибаюсь, они датируются девятым веком.

– Интересно!

– Интересно то, что пятьдесят тысяч мастифов, закованных в кольчуги, Александр Македонский использовал в войне с персами. Ну а в Древнем Риме эти свирепые псы с Британских островов участвовали в гладиаторских боях... Ладно, что это мы всё о собаках, проходите-ка в дом!

– Так расскажите о людях! – попросил я, усаживаясь в кресло в гостиной. – Вы же встречались с Иосифом?

– Да, пожалуй, расскажу. Всё равно Иван с Татьяной задерживаются... История, в общем, такая. Десять лет не видел Иосиф родных братьев... Арест, потом скандальный адвокат Языков, солнцем расплавленный Ростов, колония в колючей проволоке, килька в томатном соусе, терриконы, шахтёрский посёлок, и – сломанная жизнь. Но и эти десять лет его не состарили. Этот человек по-прежнему чёрен, страшен и космат...

– Вы сказали, что он десять лет не видел братьев...

– Ага, братья, словно кислотой, вытравили его из своей жизни... Поселенцы, с которыми я общался, говорят, что хромой Языков был нанят братьями не защищать Иосифа, а понадежнее упрятать его.

– Какие поселенцы? Разве он не в колонии?

– Его перевели из исправительной колонии общего режима в колонию-поселение... недалеко от города Шахты... По предписанию врача перевели...

Гулевич подбросил поленья в камин и поворошил кочергой. Я глянул на огонь: казалось, что он стоит на задних лапах.

– Мне не удалось его как следует расспросить, – сказал Игорь Алексеевич. – Надеюсь, что в другой раз Иосиф будет разговорчивее. Он действительно мало изменился. Вот только большие багровые руки стали дрожать. Но ведь когда-то руки его были крепки, как клешни океанского краба... В общем, пока больше нечего рассказывать.

– А вам известно, как проходит избирательная кампания его брата? Он выдвинулся?

– Кое-что я знаю об этом. Да, он выдвинулся, и я даже был сегодня в его избирательном штабе... Думаю, вы не догадаетесь, кого я там встретил.

– Могу попытаться.

– Не надо, не трудитесь. Я встретил там Сажина.

– Сажина? Не может быть...

– Может! Больше скажу: он застрельщик в предвыборной игре Самвела Иосифяна.

– И как всё было? Ну, эта ваша встреча...

– Как? Да обыденно... Евгений Борисыч провёл меня в кабинет, заваленный листовками и увешанный плакатами, ассоциировавшими имя Иосифяна с общественным благосостоянием. Я осмотрелся, выдержал паузу и сказал: «С вашим кандидатом, Сажин, вы зашли в тупик... Коммерсант не нравится публике. Ведь так? Вы же понимаете, что рискуете репутацией политтехнолога? Не глупите, выкладывайте всё!» Моё спокойствие – спокойствие стоячих вод подействовало на него. Он и выложил, что, поскольку Цеповяз с Иосифяном договорились, Самвел идёт в областную думу, мол, большая игра началась...

Но бывший боксёр и впрямь тёмная лошадка, с ним приходится много возиться.

– А вы? Что сказали вы?

– Гм, у меня в голове мысли в шахматы играли: «Если не рискнуть и не сказать, что я ищу решение этой предвыборной задачи, то каждый следующий мой ход будет ухудшать моё же положение... Короче, цугцванг». Ну, я и начал блефовать: сочинил, что готовлю для Цеповяза аналитику по кандидатам. Сажин окончательно поверил, стал делиться своими соображениями...

– Это хорошо!

– Да, пока нам это на руку... А там война план и покажет...

С улицы послышался то ли ропот деревьев, то ли собачий рык, и через минуту в дверь постучали.

Уже вскоре гостиная, а потом и кухня наполнились трепетом жизни: Иван доставал из холодильника колбасу, сыр и масло; Татьяна резала хлеб и готовила бутерброды; я попыхивал трубкой; Игорь Алексеевич варил свой крепкий чёрный кофе, а мастиф по кличке Мрак улёгся у ног хозяина и украдкой поглядывал на него карим глазом.

«Собачина... сто двадцать килограммов, – подумалось мне, – убедительный аргумент для любого вора».

После того как молодёжь подкрепилась, разговор о деле, интересующем каждого из нас, запылал.

Жару задал Иван. Голос у Гулевича-младшего был музыкальный и совсем не вязался с суровым обликом его обладателя.

– Я смеюсь над распоряжениями и строго слежу за их неукоснительным выполнением, – пропел Ваня. – Но вас, Алексей Николаич, следовало бы арестовать и допросить. Да, да... И вас, и Татьяну. Это же надо – устроить целую спецоперацию! И где? В аукционном доме! На виду у всех, под прицелом десяти видеокамер!

– Тринадцати, мой дорогой! – вмешалась Татьяна и стала горячо меня защищать. – Да если бы не решимость Алексея Николаича, не было бы у нас теперь ни аукционного бюллетеня, ни таинственной записной книжки. А ведь это – улики. Ещё какие улики!

Иван – этот красногубый, чернобровый живчик – даже растерялся, но быстро взял себя в руки.

– Да, ты права, и вы вовремя совершили налёт. Ведь сегодня вечером, в половине шестого, Подобедова застрелили в собственном кабинете...

Мы с Гулевичем от неожиданности переглянулись.

– Мне поручено, – продолжал грустно петь Иван, – расследование этого двойного убийства...

– Как двойного? – Татьяна чуть не выронила чашку из рук.

– Да вот так... Выстрелами в затылок убиты директор аукционного дома и старик-дворник. Последний, видимо, оказался случайным свидетелем... Перед тем как пуля ввела Подобедову в голову, неизвестный перекрестил его двумя ударами... Сломаны челюсть и ребро. Директор, как я уже сказал, был застрелен в кабинете. Ну а дворни-

ка... дворника обнаружили на служебной автостоянке, позади аукционного дома... Знаете, сколько я видел смертью зацелованных? Но эти двое, особенно старик, подействовали на мои нервы. Никогда не встречал таких страшных, лаковых ликов...

Мастиф заскулил, будто понял человеческую речь.

– Бабушка правильно говорила, – продолжал Иван, поглаживая собаку по спине, – мне нужно было стать художником, а не юристом... Впрочем, моя впечатлительность мне не только мешает, но и помогает. Я рисую в воображении картины преступлений... пытаюсь понять, как бы я сам повёл себя на месте преступника или жертвы... Поступил так и сегодня: представил, что я киллер и что наиболее подходящим оружием для меня был бы «ТТ». И, заметьте, гильзы от «ТТ» калибра семь шестьдесят два миллиметра мы действительно вскоре нашли! Пистолет, кстати, тоже. Он лежал в мусорном баке, неподалёку. На оружии, естественно, никаких отпечатков... серийный номер сбит.

– Ты, конечно, проверил видеозапись? – Игорь Алексеевич посмотрел на сына. – Изъял бюллетени из кабинета директора?

– В первую очередь проверил... Но по какой-то причине камеры были отключены, запись не велась. Предположительно, видеокamеры отключил сам оператор, когда уходил домой. Почему он это сделал, непонятно, инструкция ведь запрещает. О бюллетенях мне также ничего не известно... их в кабинете не было. В общем, из всего количества имеющихся фактов следствию предстоит выделить основные и отбросить случайные.

– А запись нашего налёта – она сохранилась? – выпалила Андреева.

– Думаешь, мне просто всё подчищать? Прикрывать?

– Нет, я так не думаю.

– Не переживай, – Иван взглянул на девушку заговорщицки, – я уничтожил видеозапись... Чёрт, до сих пор не могу поверить, что ты на это решилась!

– Итак, что в сухом остатке? – перебил Игорь Алексеевич. – Вникните! Криминальное убийство, пожар, который совсем не пожар, и вещдоки, имеющиеся только у нас.

– С большой долей вероятности, – вставил я, – это двойное убийство напрямую связано с нашей спецоперацией. Преступник, видимо, подчищал директорские огрехи... Ну а старика-дворника он убил, скорее всего, потому, что тот видел погрузку бюллетеней. Думаю, что машина убийцы была на этой стоянке. Скажите, Иван, а вы уже допросили оператора?

Иван Гулевич озабоченно нахмурился.

– Нет, он не возвращался домой. Опергруппа его сейчас ищет...

– Что в этих бюллетенях такого? – спросил я сам себя. – Почему убийца забрал их? Почему сразу не застрелил директора? Зачем бил? Может, хотел получить какую-то информацию?

...Я передал Ивану тот экземпляр бюллетеня, который прихватил из аукционного дома, а записную книжку оставил, надеясь расшифровать. Допил кофе и стал собираться домой.

Мрак проводил меня до машины и вернулся к хозяину.

Игорь Алексеевич погладил пса.

Ночь горела над садом.

Содрогались от мук молнии, выкатывал каменный гром.

Я вглядывался в летучий сумрак. Казалось, что сад поднял своё лицо. Он был как немощный старик: в нём появились предсмертные черты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«Этот старик когда-то слыл знахарем, – вспомнились слова Гулеви-ча о человеке, встретившемся ему в колонии-поселения. – Я узнал его: это он много лет назад стрелял в губернаторский кортеж... Он сильно сдал. Морщины под глазами говорили о его пристрастии к водке».

Когда мы подружились, Игорь Алексеевич рассказал эту историю. Началась она в 2001-м, за год до нападения егеря Эльтонского природного парка на губернаторский кортеж. Началась с того, что дочь егеря Ручникова изнасиловал сын одного большого чиновника.

Время обмертвело для Егора Ручникова. Его семнадцатилетняя дочь Катя, не перенесла обиды и позора, повесилась.

Она была такая грациозная, гибкая, как пруттик. Совсем не походила на девиц с дискотек, демонстрирующих свои прелести то в синем, то в красном освещении.

Диджею Радиру, который и познакомил Катю Ручникову с её насильником, эти цвета казались особым шиком. Но девушка не любила ни дискотеки, ни синий с красным. Она как-то сказала отцу, что ей не хватает жёлтого. Такой был разлит на курганах, за посёлком, причём только летом. Егору она почему-то запомнилась с книгами под мышкой и в лёгком летнем платье, открывавшем взору веснушки на её девичьем теле. Растил дочку Егор без матери: Мария Прокофьевна умерла ещё при родах...

В тот день, когда всё и случилось, отец почувствовал в сердце тяжёлый шорох. Помчался домой... «А Катя моя уже и управилась». Вынул он её из петли и завыл как собака. Соседи потом рассказывали, что вой этот слышал весь посёлок.

Конечно, Ручников пытался добиться справедливости, но участковый, как стыдливая дева, прятал глаза и говорил: «Егор Петрович, да пойми же наконец, не даст сынка своего осудить этот...» Встречался он и с «этим» – этим отцом насильника, который запомнился ему своим волчьим профилем. Чиновник усмехнулся, когда егерь сказал ему, что у Кати был лёгкий характер и доброе сердце.

Ничего не добившись, Ручников взял ружьё.

«Стрелял в губернаторский кортеж, – подробно записывал за Егором следователь, – от безысходности, но убивать никого не хотел».

После того как Егора Ручникова арестовали, Гулевич побывал у него дома.

«В тесной комнатухе, оклеенной угрюмо-жёлтыми обоями, стояли две железные кровати, покосившийся шкаф, умывальник с эмалированной раковиной и ведром, – рассказывал мой друг. – Всё сияло чистотой. На стене висели пучки целебных трав, зеркало с трещиной и фотография Кати в траурной рамке. Через окно, выходявшее во двор, лился солнечный свет вместе с грустной песней. Её пел местный дурачок Есенгул. Этот казашонок окончательно свихнулся после смерти Кати. Он, как и Ручников, говоря о ней, всегда прибавлял: «моя Катя». Вскоре он пропал из посёлка. Эта смерть засушила и его судьбу».

Помочь егерю Гулевич не смог. Нашёл, правда, одного добровольца, который за вознаграждение согласился приглядывать за домишком Ручникова.

Игорь Алексеевич, которому егерская пуля окровавила висок, просил суд о снисхождении к несчастному. Но дело признали политическим и начислили егерю двенадцать лет. Гулевич выяснил, что за день до вынесения приговора судьёю видели в ресторане с человеком, у которого был волчий профиль. Они пили дорогой французский коньяк и мирно беседовали. Впрочем, это мало что доказывало. Ведь и судья вправе пить дорогой французский коньяк, а тем более мирно беседовать. Вне зависимости от обстоятельств, он всё равно на страже и готов карать виновного: *dura lex, sed lex*.

Что же было дальше?

А было разбрызгано десять лет, и мой друг встретил человека, который когда-то в Эльтоне слыл знахарем, слушавшим нашёптывания дьявола. Да, так о нём говорили. Теперь же он был стариком мрачным, как и его обветшалый посёлок.

Егор, посмотрев своими выцветшими глазами на Гулевича, тоже узнал его, но прошёл мимо, не сказав ни слова. Его взгляд словно спрашивал: для кого мне беречь татуированную душу?

...Я почувствовал, что Игорь Алексеевич расстроен. И поначалу решил, что причиной тому стал рассказ Ивана. Лаковые лики мертвецов, которые Гулевич-младший видел вчера вечером в аукционном доме, и меня потрясли. Но потом, когда, прощаясь, мой друг вспомнил эту давнюю историю, я наконец сообразил, в чём дело. Он думал о несчастном Ручникове. Всякое страдание для Игоря Алексеевича было несправедливым и противоестественным.

Ушла нищенская ночь.

Солнце напоминало сонного зверя. И меня царапнуло: «...люблю смотреть всё один, тогда лучше вижу, точнее думаю».

Я затворил окно и принялся за роман.

Нужно было избавиться от сердечной смуты, исцелиться работой...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

«Старик посылал девочку собирать милостыню, сам поджидая жатвы в ближайшем кабаке и нещадно колотя голодного и озябшего ребёнка, если принесённого оказывалось мало.

Дальнейшая судьба, ожидавшая девочку, была ясна и несомненна, тем более что мать, работавшая на бумагопрядильной фабрике, разысканная госпожой Бергеман, рассказала ей, что муж уже обесчестил её старшую внебрачную дочь и хвастался, что сделает то же и с бедной Марфушей (так звали девочку), когда она «поспеет»...

Достоевский и за это дело принялся горячо и с сосредоточенною настойчивостью, доставляя мне необходимые справки и присылая полученные им сведения. Помочь ему и госпоже Бергеман в их благородном беспокойстве за девочку было довольно трудно, так как в то время ничего подобного «Обществу защиты детей от жестокого обращения» не существовало. После личных сношений с прокурором и с градоначальником дело кончилось, однако, тем, что девочка была освобождена от своего мучителя и развратителя <...> Она была помещена сначала в Елисаветинскую детскую больницу, а после того, когда немного окреплась, — в детский приют».

Это небольшое, но столь важное свидетельство о Достоевском я нашёл в заметках известного юриста А. Ф. Кони.

Вспомнилась Катя Ручникова.

Финал её истории был трагичен; Марфуши, к счастью, — нет.

Фёдор Михайлович узнал о Марфуше от доброй и отзывчивой на людское горе А. Бергеман, которая просила «его содействия и совета в деле спасения 11-летней девочки, брошенной матерью на попечение развратного и пьяного отставного солдата...»

Достоевский отправился в министерство юстиции и попросил помощи у Анатолия Фёдоровича Кони.

...Передо мной словно промелькнули диджей Радмир в красной бейсболке с синим козырьком, молодой насильник с задорными усами и, наконец, отставной солдат с картофельным лицом.

Этот последний совсем не казался стариком. Напротив, это был огромный, ростом с жирафу, детина. Один его глаз всё время поглядывал в другую сторону.

Марфуша с дрожью протягивала ему собранные гроши.

В кабаке воняло водкой и луком.

Трещали колоды карт.

Девочка всё сжималась, предчувствуя, что ей по обыкновению увоздят в подбородок.

Но удара не последовало, его отвёл какой-то невысокий сутулый человек. Пробивавшаяся лысина угрожала светлой шевелюре этого человека, но не делала менее привлекательным.

Марфушу поразил его взгляд. Это был взгляд, будто погружённый в самую глубину её сердца. Достоевский — а это был именно он — взял девочку за руку и отвёл в Елисаветинскую детскую больницу...

Впервые в жизни ребёнок лёг на чистую белую простыню. Вскоре Марфуша заснула тяжёлым сном, словно ей дали снотворного...

Достоевский... В школе он нравился мне значительно меньше, чем Лермонтов и Гоголь. Но судьба Достоевского зацепила. Пятнадцать лет ушло на это! Всё очень медленно созревает.

Автор «Пушкинского дома» как-то сказал: «Я и Пушкина всего не читал, хотя занимаюсь им уже сорок лет. Никто не читал всего Толстого, даже те, кто делает вид. И никто не читал всего Достоевского».

Да, как и Битов не читал всего Пушкина, так и я не читал всего Достоевского. Но я уже не могу не думать о нём. Я давно не удивляюсь тому, что слово его не расходилось с делом. Разве история Марфуши это не подтверждает?

Есть у Достоевского поразительное высказывание: «Возлюбить человека как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на Земле связывает, «Я» препятствует.

<...> после появления Христа, как идеала человека во плоти, стало ясно как день... что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего «Я», – это как бы уничтожить это «Я», отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно.

И это величайшее счастье...»

«Счастье, ещё какое счастье!..» – мысль окончательно оформилась, и я угнездился в кресло перед ноутбуком.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

На экране ноутбука росли строчки:

«Достоевский был виновен главным образом в том, что на собраниях петрашевцев читал письмо Белинского к Гоголю, в котором «неистовый Виссарион обращается с горькими упрёками к «апостолу кнута» за его спокойное отношение и некоторое сочувствие крепостному строю.

Фёдора Михайловича вместе с другими «важнейшими преступниками» возвели на эшафот, разыграли трагикомедию с заменой смертной казни каторгой и отправили в Мёртвый дом. И только через десять лет он вернулся к жизни, родным и литературе.

В одном из мартовских номеров газеты «Русь» за 1881 год – год, когда не стало писателя, появились воспоминания Аполлона Майкова:

«Как-то раз Достоевский с увлечением разговорился о покойном государе Николае I, о том, как на фоне прошлого величаво рисуется этот исторический образ монарха...

Во время разговора вошёл известный английский путешественник Уоллес Маккензи, проживший перед тем уже года три в России, отлично выучившийся по-русски и знакомый с русской литературой. Когда он узнал, что перед ним Достоевский, он загорелся любопытством и с жадностью стал слушать...

– Вы говорите, что это Достоевский? – спросил англичанин.
– Да.
– Не может быть, ведь он был сослан на каторгу!
– Был. Ну что же?
– Как же он может хвалить человека, сославшего его на каторгу?
– Вам, иностранцам, это трудно понять, – отвечал Майков, – а нам это понятно, как черта вполне национальная...»

«Государство только защищало себя, осудив нас», – говорил Достоевский. Когда же кто-то однажды сердобольно заметил ему: «Какое, однако, несправедливое дело была эта ваша ссылка», – он даже с раздражением возразил: «Нет, справедливое».

И всё-таки я убеждён, что он никогда не отказывался от своих юношеских идеалов. В это «нет, справедливое» он вкладывал совсем иной смысл. Это проявилось и в его литературе, и в его публицистике. Впоследствии находились люди, утверждавшие, что бывший заключенник сам написал «донос на молодёжь». «Но время – честный человек, говорят итальянцы, и оно поспешило действительными событиями жизни подтвердить творческий вымысел автора «Мёртвого дома» и «Униженных и оскорблённых», – подчёркивал всё тот же А. Ф. Кони.

Как он был прав!

Но если его точку зрения я разделяю, то вот со Страховым согласиться не могу. Ведь последний отрицал, что Фёдор Михайлович после каторги не интересовался учением социалистов.

«Вообще никакого следа революционного направления не было в кружке «Времени», – писал Страхов, – то есть не только каких-нибудь помыслов, но и сношений с людьми, замышлявшими недоброе, или какого-нибудь им потворства и одобрения».

Страхов явно выпрямлял отношения, существовавшие в кружке «Времени». Как бы то ни было, вопрос о революции, о революционном движении – как свидетельствовал посещавший собрания редакционно-литературного кружка братьев Достоевских, печатавшийся во «Времени» и вскоре ставший членом подпольной революционной организации «Земля и Воля» Н. Ф. Бунаков – в кружке бурно обсуждался, и при этом высказывались разные мнения».

Я поставил пепельницу на подлокотник кресла и закурил.

«Бунаков... Этот Бунаков – личность примечательная. Возможно, что именно от него Фёдор Михайлович получал сведения о деятельности «Земли и Воли»... Кажется, эта организация возникла в один год с журналом «Время»? Надо будет уточнить. Надо... Итак, через десять лет Достоевский создал своих «Бесов», а ещё через столько же народовольцы убили императора... Смерть же самого писателя окружена тайной. Нет ли во всём этом связи? Знал ли он, что его сосед Баранников – это нелегал, опасный государственный преступник, член исполнительного комитета? Комитета, подготовившего и осуществившего все покушения на Александра II, одно из которых достигло цели».

«Но сначала разберусь, – решил я, – почему Страхов запомнил... Почему открещивался от разговоров, которые велись в кружке «Времени»? Каким он вообще был человеком?»

Проковырявшись целый час в архиве, я нашёл любопытное свидетельство Сергея Уманца. Вот что он писал:

«С известным нашим критиком и философом Николаем Страховым я был довольно близко знаком.

<...> Страхов был сухой, скучный, «размеренный» человек, никогда в жизни никого не согревший и сам, конечно, никем не согретый. Это происходило от его необычайной фальшивости...»

И ещё:

«Страхов всегда осторожно ходил вокруг да около каждого суждения, и не было никакой возможности заставить его решиться поведать миру его собственное мнение о чём-либо.

Вышел, например, его сборник статей о спиритизме... В одну из сред, когда у Страхова собирались добрые его знакомые, я нарочно попросил хозяина сказать мне, что он сам думает о спиритизме: отрицает его или признаёт. За такие выходки уклончивый хозяин меня очень не любил...

– Сами-то вы верите в спиритизм? – домогался я.

– Но прочтите мою книжку, и вы увидите, – ележно улыбаясь, отвечал уклончиво хозяин.

– Я внимательно читал вашу книжечку, но совершенно не понял, какого вы сами мнения о спиритизме. Вы приводите о нём разные мнения, совершенно противоположные друг другу...

– Нет, у меня там всё в точности обозначено.

– Да вы скажите нам вот теперь, что вы думаете о спиритизме?..

– Как вам сказать? Этот вопрос очень сложный, – увиливал от ответа наш философ...»

А вот как сам Страхов «исповедовался» перед Л. Н. Толстым:

«Думаю, что я не какой-нибудь гадкий, или преступный, или отчаянно грешный человек. Я в известном отношении хуже – я человек безжизненный, в котором мало души, нет воли в смысле живых стремлений.

<...> Ни один инстинкт не говорил во мне так сильно, чтобы определить мои поступки и образ жизни... Я не умею жить и не хочу за это братья. Всего лучше это объяснить на моих отношениях к женщинам. Я ни за одну не волочился... и никогда не собирался жениться. Две мои связи произошли оттого, что того хотели эти женщины, а не я.

Это стыдно сказать мужчине, и я за это наказан больше, чем стою».

Теперь поведение Страхова отчасти объяснимо: виной тому его ползучая натура.

Разве мог такой человек рассказать о том, что в кружке братьев Достоевских ещё двадцать лет назад велись разговоры о переустройстве общества, о революции? Пожалуй, не мог. Да и не был он никогда житейским мятежником. Конечно, он боялся влипнуть в неприят-

ную историю. Ведь на убийство помазанника Божьего государство ответило казнями.

Наступила реакция.

...Солнце круглое чуть тлею.

Захотелось сходить к пруду, немного размяться, и я закрыл ноутбук. Вскоре, попыхивая трубкой, я уже стоял возле воды... Когда я докурил и выбил пепел, вечер уронил в пруд кровавое кольцо.

«День кончен, заложен засов...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

День был судорожно светел.

Я взглянул в ясные глаза икон, перекрестился и вышел из Казанского собора. Втиснулся в тепло машины и, пока прогревался двигатель, решил сделать небольшую ревизию минувших дней...

Железнодорожное полотно походило на разлинованную школьную тетрадь. Я заметил это вчера, 29 октября, когда на вокзале мы прощались с нашим другом Алексеем Посошковым.

Помню, он обнял меня, Женю Опоченина и Славу Черешина и сел в поезд, отправлявшийся в Санкт-Петербург. Алёша обещал вырваться к нам ещё на пару дней в новогодние праздники. На том и порешили, засовывая ему в сумку свёрток с сушёной рыбой. Он сначала отказывался от гостинца, но потом мы увидели прорезь ответной улыбки: «Спасибо, пацаны!»

Вдоль перрона гуляли голуби, как дым, сизые. Они клевали семечки, которые высыпал напоследок наш друг.

Посошков приезжал проведать не только нас, но и маму. Зоя Васильевна приободрилась: у младшего сына всё ладилось. И хотя она не просила, но он помог погасить банковский кредит и даже приобрести немецкий зубной протез...

Если бы я вёл дневник, какие события последних недель стоило бы также упомянуть?

Известие о том, что в Волгограде всё-таки пройдёт чемпионат мира по футболу? Да, пожалуй! Телевидение – этот поставщик суеты – сделало своё дело. Горожане забыли и о плохих дорогах, и о дураках – все теперь говорили только о футболе. Впрочем, побег заключённых из тюрьмы вскоре затмил игру в мяч. Мой знакомый Саша Рыков, который ловил сбежавших убийц, поглядывая на меня глазами без всякого блеска, рассказывал, что взяли их в Коростино.

В издательстве у жены, можно сказать, день и ночь готовились к семидесятилетию Сталинградской битвы. Правда, то, что собирались выпустить, пока держалось в секрете.

Бывшего главу Николаевского района Александра Ивановича Христенко позвали в Волгоградскую академию государственной службы преподавать теорию элит будущим управленцам.

Профессор Млечко прогремел на весь Волгоград своими чтениями, посвящёнными «Приглашению на казнь» В. Набокова. Меня эти чтения поразили. Слова профессора падали как топор.

Музыкальная студия Жени Опоченина по-прежнему работала, но доход ему приносила лишь фотография. Мой друг поставлял снимки «Волгоградской правде», «Вечёрке», «Крестьянской жизни» и «Родному городу». Кажется, он тяготился сотрудничеством с газетчиками, по крайней мере вначале. Иногда он повторял:

*Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!*

А вот Славка Черешин вместо белошейных девиц взялся наконец за докторскую диссертацию – и колыхнулись иные страсти... Жозефина писала Наполеону, Наполеон, омедведившийся в Московском кремле, кое-как отвечал Жозефине.

Игорь Алексеевич получил медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени. В региональном правительстве Гулевич ведал помощью Крымску, затопленному во время наводнения минувшим летом. По крайней мере, именно так подавалось в официальной прессе.

Иван Гулевич раскопал кое-что об убитом директоре аукционного дома Подобедове. Оказывается, тот сожительствовал с бывшей женой аукциониста Гринёва.

Был ли это след или нет, ещё предстояло выяснить.

Ну а 23 октября мы с Мариной подарили нашему сыну игрушечный микроскоп, воздушные шарики и торт с надписью жёлтой глазурью «Артемию – 5 лет!» А ещё я подал документы на госслужбу и побывал на столе у хирурга.

Диагноз? Абсцесс подбородка.

Пока ожидал в приёмном покое, по сердцу ходила пила.

Ждать пришлось около пяти часов. За это время кого только не увидел! Нелюбезную гардеробщицу с извилинами неярких губ; старика-диабетика, побелевшего, как облако; пьяниц, причём один был горбонос, а другой – курнос; девушку, у которой рвались на лоб русые пряди; санитарок со взглядом, к обороне готовым.

«Ты озорство прикончи!» – говорила старшая из них, когда проходила мимо студента с длинными ногами. Но длинноногий всё равно продолжал язвить, смеясь в ответ. Санитарка замолкала, объевшись гневом. А вскоре словесная дуэль возобновлялась с ещё большим ожесточением. И слышалось то «ду-ура», то «эй, ты, камень безрукий!»

И все эти пять часов лифтёрша со штампованным постоянством поднимала больных на верхние этажи больницы.

Запомнился мужчина лет сорока, которого ввезли в лифт на каталке. Через всё лицо у него был шрам, будто автограф. Этот угрюмый человек пронизывал взглядом, как гвоздём. Бессонница обвела ему глаза тенью кольцом. Уст затвор делал незнакомца похожим на какое-то оружие. Даже руки его были страшны.

«Не в таких ли пальцах садовый нож зажимал Рогожин?»

Но вот, покончив со всеми формальностями и уточнив мой рост и вес, медсестра направила меня в хирургическое отделение.

Хирург с глазами породистой собаки сказал: «Надо резать!»

Левая рука у него была чрезвычайно сильной. Казалось, что на горле – железная перчатка. Правой рукой он держал меня за подбородок. Что он с ним делал, не знаю, но, даже несмотря на укол лидокаина, я чувствовал боль.

Потом полегчало.

Когда после операции я вышел на улицу, день был схоронен.

Перед глазами ещё маячили плечи хирурга – широкие, словно для рюкзака. Всё ещё слышались слова медсестры, обыденно рассказывающей доктору о том, что «бабка Марья выбыла из живых».

Несколько секунд на краю сигареты серым коротким столбиком дрожал пепел. Я жадно курил и поглядывал на осеннюю седость. Почему-то припомнил, что сегодня солнце даже в полдень изувещивало – не грело.

Сел в машину. В зеркале увидел себя.

«Повязка как у грабителя... Только прохожих пугать... Глаза? В них то ли синеватый свинец, то ли бутылочная зелень... Язык белый, а во рту горечь рябиновая, словно я обиды опился...»

Включил дворники.

Дворники раздвинули жилы дождя.

Пропустил на перекрёстке троллейбус, выхаркнувший в ночь пассажиров. И вновь дорога, и по бокам ошалелые столбы тополей.

...Прислушиваясь к жалобам колоколов Казанского собора и вспоминая события последних пяти недель, я долго не замечал, что в кармане зуммерит сотовый телефон.

Звонил Посошков.

– Безруков, ты меня слышишь?

– Слышу, слышу... Ты доехал, старик?

– Да, уже дома... И, как верблюд, в иглу пролез...

– Не понял?

– На вокзале питерская полиция обшмонала... хотела рыбу забрать. Так я сказал сержантам, что это для одного их начальника... Ну, я фамилию-то запомнил, когда он машину в моей мастерской чинил.

– Вот теперь понял тебя, старик...

– Ладно, Лёш, бывай! Устроим как-нибудь видеоконференцию по скайпу.

– Бывай, привет семье!

Разговор прервался, и в телефоне что-то зашумело.

Продолжение следует.

**Екатерина
ХРАМЕНКОВА**

*Автор пишет только половину книги:
другую половину пишет читатель.*

Джозеф Конрад

*Эмоции служат познанию.
Есть вещи и отношения, которые можно
познать только эмоционально и только
данной эмоцией.
...Познавательная сила эмоций тем больше,
чем меньше в данной эмоции элементов себя.*

П. Д. Успенский.
«Ключ к загадкам мира»

ОСОБЕННОСТИ ЧТЕНИЯ: СВЯЗЬ АВТОРА С ЧИТАТЕЛЕМ

**(В основе статьи – книга Славы Курилова
«Один в океане»)**

«Посещение капиталистических стран считаем нецелесообразным» – такой вердикт получил Слава Курилов в ответ на очередную попытку отправиться в экспедицию. До этого были сорваны научные проекты и совместные исследования с Жаком Кусто всё по той же причине. Мир путешествий проходил мимо, годы подготовки оказывались напрасными, и даже человека, который прежде не испытывал уныния, начинало захлёстывать общее состояние людей, живущих в пространстве условной свободы и безусловного контроля.

-
- Екатерина Храменкова родилась в 1990 году в Москве, но большую часть жизни провела в Крыму. В Подмосковье окончила школу, в Крыму – училище по специальности «художник-оформитель». В настоящее время – студентка Литературного института им. А. М. Горького (участница семинара литературной критики, проводимого В. И. Гусевым).

И всё же не это послужило главным толчком к одному из самых удивительных по храбрости поступков, на какие только может решиться человек при условии, что ему не приходится бежать от смерти. Речь идёт о событиях 13 декабря 1974 года, когда с советского лайнера был совершён прыжок в океан без какого-либо снаряжения, если не считать ласты, маску и трубку. Но что они в сравнении с огромной стихией и хрупким человеком посреди неё? Даже компаса не было у смельчака, только надежда, вера и жажда познать свои возможности. Борта корабля напоминали бочонок, иллюминаторы были слишком малы, чтобы из них мог выбраться взрослый человек, а под водой находился опасный винт. Казалось, нет никакого шанса не только на то, чтобы выжить в открытом океане, но и на то, чтобы просто оказаться в нём, не разбившись о воду и борта судна под водой, не попав под лезвия, избежав подводного водоворота от лайнера...

Но это чудо произошло: человек не только смог прыгнуть вниз, он смог выжить и написать уникальную повесть на основе личного опыта – «Побег», в которой автобиография отражается полноценно и художественно. То же касается и примыкающих к ней рассказов, которые здесь будут лишь частично освещены.

Из небольшого авторского предисловия к книге можно узнать, что написана она для себя и тех условных десяти читателей, которые захотят познакомиться с миром другого человека, способны его уважать, из чего тем не менее не следует, что автор ждёт во всём согласия с собой. Понятно, что предисловие предваряет начало повести, благодаря чему каждый, кто продолжит чтение, автоматически станет одним из этих «десяти».

Допуская, что Слава Курилов в самом деле так относился к созданию этой книги, не будем забывать, что читателей оказалось значительно больше, а написанное было повестью и рассказами, а не просто опубликованными дневниковыми записями. И хотя хорошо известно, что дневники могут быть настоящими шедеврами выражения человеческой души, однако сама композиция повести ясно указывает на художественные цели писавшего.

Итак, можно условиться, что повесть представляет синтез подлинного опыта и продуманной художественной формы, по мнению автора, более всего подходящей для передачи другим своего личного переживания, а порой и откровения.

Кроме того, возможно, будет не лишним сказать несколько слов о специфике и сложности автобиографической литературы как таковой. Как правило, читатель знает очень много о героях, причём не только через их поступки и слова, но и саму манеру высказываться, и чем талантливее писатель, тем сложнее, многограннее будут персонажи. О их мире читатель будет знать многое, через повествование прозревать или прямо видеть волю автора, оценку, мировоззрение, слышать его голос. При этом личность самого писателя всё равно до известной степени остаётся загадкой, это закрытая зона, о которой узнают с помощью специального изучения биографии.

С автобиографической прозой всё обстоит иначе. Здесь связь между героем и автором практически неразрывна. Возможно смеще-

ние событий или дат, намеренное или нет приукрашивание чего-либо, в том числе и главного действующего лица. К тому же так или иначе происходит отбор важного и второстепенного, даже если автор желает быть непредвзятым. К этому подталкивает сама форма, требующая сжимать дни. Разумеется, писатели порой делают наоборот, превращая три дня в повесть, а один день – в роман, но примеры эти хоть и несут отпечаток биографий авторов, сами по себе автобиографиями никак не являются.¹

Таким образом, автобиографическая литература сама по себе подталкивает читателя к личности автора, «выводит» к самому человеку, соединяя героя и писателя в единое целое, при котором сопереживание герою становится сопереживанием автору. Отсюда проистекают определённые сложности. Далек не всякий читатель может безусловно принимать героя, это и не нужно. Но, нравится это или нет, литература носит не только примиряющий с реальностью, но и поучительный характер. Речь не идёт о прямых нравоучениях, скорее – о той внутренней этике, что, как правило, ненавязчиво сопутствует хорошей литературе и порой открывается через антитезу. У Гоголя может не быть положительного героя, но никто не станет приветствовать изображённый им мир мёртвых людей, он скорее вызовет чувство отторжения. Можно увлечённо читать экзистенциалистов, но многие ли читатели захотят быть друзьями большинство главных героев их книг?

Автобиографическая литература ставит особенные вопросы, увеличивая конфликт между читателем и писателем, если с последним по какой-то причине читающему трудно согласиться. Насколько мы способны принимать человека вопреки его ошибкам? Сопереживать, не позволяя себе судить, видя в лирическом герое реального человека, открывающего свою душу читателю? До какой степени можно не спорить, а когда – мысленно возражать, но всё равно ценить откровенность и то лучшее, чем делится с тобой пишущий?

Мнение, что биографический метод исследования творчества излишне посягает на личное пространство писателя, достаточно распространено. Из него следует, что можно довольствоваться хорошими произведениями и не задумываться, насколько сам автор следовал лучшим советам своих книг, апеллируя к тому, что не нам судить друг друга и тем более писателя, и так доверившего миру свои произведения. Это лишь отчасти справедливо. Ведь наступает момент, когда писатель становится внутренне близким – учителем, другом, родственником. И тогда представляется, что разрыв между призывами лучших героев и поступками самого писателя свидетельствует о лицемерии со стороны последнего. Как можно учить тому, во что не веришь?

Как правило, такое болезненное недоумение возникает при чтении книг с авторитарным настроением, где так и слышится голос автора: «Я знаю, как надо и как должно быть, поступайте вот так!» Автор возвышается над героями, зная о них всё, к чему приведут их те или иные действия, знает он и то, как поступать читателю. Последний невольно хочет убедиться, что сам писатель, пусть и оступаясь, следует своим советам.

¹ Речь идёт о романе Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» и романе Д. Джойса «Улисс».

Книга Славы Курилова кратчайшим авторским предисловием ставит читателя в позицию выбора: или принять сразу, или нет. Однако слушать не значит соглашаться с отношением к людям и жизни героя-писателя. Ничего подавляющего волю читателя в самом повествовании или рассказах нет, но есть некоторые, никак автором не прояснённые, но по-человечески очень значимые моменты, которые лишь чуть упоминаются, и остаётся только догадываться, что было на самом деле. А между тем описанному веришь, причём безусловно, особенно зная, что герою удалось совершить.

В книгу входят повесть «Побег» и несколько рассказов, которые следуют в конце, но с хронологической точки зрения предваряют центральное событие – одиночный заплыв. Вместе с тем некоторые из них, такие как «Море», описывая прошлое, частично перебрасывают мост в ткань повествования повести «Побег» и, выходя за её рамки, в будущее автора. Это хорошо видно из такого описания:

«Однажды, сидя на берегу, я долго вслушивался в шум прибоя и незаметно «выпал» из времени. Мне казалось, что я сижу здесь уже давно, так давно, что не помнил сам, когда и как здесь оказался... Я не узнавал свою бухту, скалы и море – всё это я видел как будто впервые, и всё было сказочно красивым... Я вдруг явственно ощутил чьё-то присутствие. Море стало одушевлённым, и я почувствовал, как оно смотрит на меня. Это было точное ощущение, которое невозможно определить иначе: море смотрело на меня из глубины всей своей массой, гребнями волн, кусками пены на песке, мельчайшими каплями на камнях... Чувство любви затопило всё моё существо, я не мог оторвать глаз от моря, я боялся шелохнуться. Я слышал какой-то призыв из глубины... Мне казалось, что я стал обладать новыми, недоступными раньше чувствами, они, как щупальца спрута, протянулись в какие-то иные сферы жизни... С того вечера во мне что-то изменилось... Я чувствовал, что навсегда связан с ним какими-то сокровенными узами».

Есть огромная разница между постепенным осуществлением детской мечты о морских путешествиях, взглядом «субъект–объект» и этим неожиданным переживанием моря как стихии-существа, принимающего личное участие в герое. Так дело, по большей части человеческое, оправдано самой природой, которая его окружает. При этом приведённый отрывок не пример субъективного переноса чувств, не является своеобразной метафорической персонализацией. Всё дело именно в реальности произошедшего. Благодаря этой конкретности пережитого, человек способен заниматься девять лет йогой, словно зная, что ему предстоит и как владение техниками поможет в будущем.

Композиционно повесть всё время «мерцает». На первой странице автор показывает себя за несколько минут до прыжка, делает шаг и... переносится к детским воспоминаниям, от которых переходит дальше, к тому, как очередной запрет подтолкнул к головокружительному решению купить билет на уникальный рейс, зная, что для него это путь в один конец.

В этой части повести преобладают подробности жизни на корабле, отражая, как внутренне оттаивали люди на судне, с головой бросаясь

в короткий праздник жизни, по-язычески отдаваясь сиюминутному, не думая о завтрашнем дне, а рядом оказывались стукачи и вожатые, недоуменно присутствующие на этой вакханалии...

Появляется социальный мотив, без видимого желания со стороны пишущего. Он замечает, как происходят эти изменения в людях, как жадно они погружаются в коротко отмеренное небывалое действо перед возвращением в будни. Явственен контраст между обычной жизнью людей и установившейся в плаванье, когда они постепенно, не сразу, почувствовали, что могут на время ощутить себя свободными. Это впечатление полярности усиливается самим названием криуза: «Из зимы в лето».

Корабль отходил из холодного, стоящего на холмах и заваленного снегом Владивостока и должен был через Японское море выйти в Цусимский пролив и отправиться на юг, к экватору, через Тихий океан. Ни одной стоянки не предполагалось, но были приглашены лекторы для ознакомления с историей и политикой стран, мимо которых проплывал лайнер. И подобно тому, как люди расставались с тяжёлыми шубами, потребностью сопротивляться суровому климату нашей страны, они прощались с внутренней скованностью и страхами.

Вместе с тем при чтении этой части повести (не скажу: «главы», т. к. в ней нет подобного деления) складывается тяжёлое впечатление от показанной автором сильнейшей потребности человека в радости, которая не имела возможности проявиться. Никто не мешал стремиться к общему далёкому счастью, но личное и настоящее встречало осуждение. Формула: «Больной, исцелился сам» – не принималась в расчёт. Вместо того, чтобы уделять внимание личной человеческой жизни, от которой идти к общему, всё личное было осуждено. Даже родительское воспитание заменили яслями, разрывающими основные важнейшие связи раннего детства. И та безрассудность, с которой люди искали возможности забыться в урагане яркой, страстной жизни, установившейся на корабле, которая может больше никогда не повториться, отражает эту подавленную потребность. Путешественники разрешали себе забыться, у них пропадала ответственность за поступки. Это та форма карнавала, когда временно всё дозволено, но последствия от этого не исчезают, грозя большими бедами тем, кто обречён на ответственность и не всегда готов к ней. Вспыхивающие случайные связи могли так и остаться приключением, тайным воспоминанием, стать прекрасным началом или превратиться в трагедию.

Греческие буколики, воплощённые в реальность, далеко не всегда сохраняют красоту.

Сам же автор не анализирует происходящее. Он лишь замечает и описывает то, что видит, иногда участвуя в дружеских возлияниях Бахусу, но не отдаваясь в полной мере общему состоянию, помня и внутренне готовясь к своему *подлинному* путешествию. Перед решающим шагом даже возникает желание задержаться, отдаться общему безудержному веселью, но решимость воплотить задуманное побеждает.

Описанию плаванья в открытом океане посвящена основная часть книги. Самое удивительное, что герой даже не взял с собой компаса, более всего думая о том, как покинуть корабль.

Первое время направление указывал уплывающий лайнер, потом облака и звёзды – на лайнере Слава Курилов познакомился с девушкой-астрономом, и она научила его читать по Южному небу. Благодаря ей же он смог пробраться в штурманскую рубку, узнать точное направление и высчитать, где ему лучше прыгнуть, чтобы была хоть какая-то надежда добраться до Филиппинских островов. Но ориентир этот был не самым верным. Небо затянулось настолько, что в какой-то момент звёзды вовсе пропали, облака же подвижны и ориентироваться по ним опасно. Иногда приходилось плыть наугад, ожидая, когда вновь появится какой-нибудь путеводный знак.

Помимо волн и ветра, холода, который ощущался, когда пловец останавливался, множества преград – от неверного направления (ведь он не видел земли, только воду вокруг себя!) до опасных животных, – была вероятность страха как такового. Автор замечает, что когда-то читал о моряках, гибнущих именно от сковавшего страха, хотя физически они могли бы спастись. Этого внутреннего противника Славе Курилову приходится преодолевать. С наступлением дня возникает ещё одна опасность. Солнце. Яркое, опаляющее кожу, вызывающее жажду. Но, к счастью, почти всё время набегали тучи.

Иногда он любит океаном, иногда не может долго вглядываться в бездну, где видятся какие-то огромные тени...

Первое время плавание мало отличалось от описания любого заплыва, но наступил неизбежный момент, когда сознание стало оставлять гребца. Тогда он оказался вовлечённым в некое иное место с прекрасными видениями, направлявшими Славу Курилова куда плыть, когда он терял пространственное представление и почти не чувствовал тела. Здесь открывается тот таинственный пласт, который сложно объяснить однозначно. Для автора это то, что он называет наиболее реальным в своей жизни. Временные рамки совершенно размыты. По ощущению Славы Курилова, проходят годы, пока он находится среди неких прекрасных людей, где ему невероятно хорошо, в реальности же он по-прежнему бросаем волнами, плывёт в предполагаемую им сторону берега. В один из дней в мире видений он оказывается в некоем зале, в котором все собрались в честь него. Он понимает, что это – прощание.

Скептик может попытаться объяснить это переживание неизученными физическими особенностями, когда человек, с одной стороны, уже без сознания, а с другой – крайне восприимчив к среде, настолько, что понимает, куда ему плыть каким-то сверхобострённым инстинктом. Но какое бы объяснение ни искало сознание, действительность поражает: благодаря доверию к видениям, после прощания Слава Курилов выплыл к рифам, преодолел страшную опасность разбиться о них и попал в лагуну перед берегом.

Далее в повествовании следует описание встречи с местными жителями и взятие под стражу на следующее утро. Если предваряет повесть авторское слово, то заключением служит «Отступая от текста», написанное Еленой Генделевой-Куриловой, с которой автор познакомился в Израиле. В ней кратко говорится о последовавших депортации, работе и жизни автора. Есть и авторское послесловие,

завершающее рассказы, в котором Слава Курилов вновь возвращается мыслями к совершённому прыжку:

«Это не был побег в прямом смысле – из тюрьмы, от чумы или от долгов... Побег с корабля был духовным испытанием, научно-мистическим экспериментом или познанием себя – как угодно. Я не планировал побег, как люди планируют экспедицию или собираются в дальнюю дорогу. И в то же время я был готов к побегу в любой благоприятный момент... Я искал способ по-настоящему опробовать свои силы, я желал совершить обряд Действия. В любом правильном действии должны присутствовать радость от его совершения, страсть, обнажённое чувство и обострённое внимание... Смысл испытания был в изменении или, точнее, в разрушении своего прежнего «я». Конечная цель – выдержать и, совсем несущественно, – выжить или умереть. Я выдержал. Успех был бы и в случае смерти».

Здесь перед читателем приоткрывается завеса, определяется мотивация того, что было главным в жизни этого удивительного человека. Однако его читателей, возможно, смутит столь резко очерченный круг стремлений: готовность к некоему эмоциональному, психофизическому акту познания в любой момент, долгая подготовка к нему, когда становится понятно, что жизнь Славы Курилова хоть и была жизнью йога, не была жизнью аскета. На это указывают и такие слова из повести, посвящённые моменту, когда казалось, что смерть уже близко:

«Я подумал, что нужно проститься с женой, Женькой (племянницей), мамой, друзьями. Я мысленно обратился к жене со словами прощания. Эта мысленная концентрация была настолько сильной, что я ясно ощутил её присутствие здесь, в океане, прямо передо мной. Между нами произошёл короткий диалог. Я помню, это было сильное и строгое дружеское внушение за мою слабость. Потом меня окутало облако любви и покоя».

Таким образом, неожиданно обозначается целый план жизни, который автором указан мимоходом и к которому после он не возвращается. Отсюда возникает множество внутренних вопросов, приводить которые здесь представляется неуместным, т.к. контекст этой личной истории неизвестен.

В результате конфликт между автором и читателем остаётся неразрешённым. Восхищение Действием рискует обратиться в свою противоположность, если окажется, что во имя его было не только самоограничение, но в жертву оказались принесены и прежде принятые на себя обязательства перед другим человеком, сам человек.

Как указывал автор, в благом Действии присутствует радость от свершения. Остаётся лишь надеяться, что перед нами картина истинно правильного Действия. Иначе божественный опыт познания обращается в марево прелести, затянувшей человека не в мир внутренней свободы, но в мир внутреннего беспросветного эгоизма. Как бы то ни было, получить ответы на эти вопросы уже невозможно. Перед читателем есть лишь удивительная книга, вселяющая веру в широту человеческих возможностей и раз за разом побуждающая мысленно спрашивать: что же это на самом деле? И каждый читатель сам дописывает эту историю.

Михаил
МУЛЛИН

ПРОЗА ПЕТРАРКИ НА РУССКОМ. НАКОНЕЦ-ТО...

Эти мои заметки о вышедшей книге (Петрарка «О средствах против превратностей судьбы» в переводе Л. М. Лукьяновой. Саратов, ООО «Волга», 2016), конечно же, не являются рецензией – нелепо (если не сказать глупо) писать рецензию на произведения Петрарки! Их даже нельзя считать и обоснованной сколько-нибудь рецензией на качество перевода – для такой работы нужно как минимум хорошо знать подлинник и язык оригинала (а он даже не итальянский, а латынь!). Написанное мною – видимо, читательская реплика с рядом читательских же соображений.

Необходимость же письменно прореагировать на издание видится мне в том, что и по поводу куда менее для культуры значимых книг наши СМИ порой поднимали очень много шума – буквально из ничего!

А тут... КНИГА-СОБЫТИЕ (всё-таки «нового» Петрарку у нас не каждое столетие издают!) – и... молчок! А ведь это сочинение великого итальянца не только в Саратове, но и в России **впервые переведено!** То есть русский читатель **впервые же за семь (!) столетий** получил наконец доступ к произведению – кладези мудрости, вкуса, красоты (и культуры!) мышления и... практически полезных советов гения, поэта, философа – того, которого мы (чаще не по прочтённым сонетам, а по упоминанию в школьных учебниках) считаем «только» несчастно влюблённым поэтом.

Название издания – «О средствах против превратностей судьбы» – способно многих наших современников «заставить» увериться в том, что книга эта – этаким сборник житейских рекомендаций на каждый день, собрание рецептов от сглаза и золотухи, указаний, как приобрести друзей, избежать козней врагов, достичь успеха в любви и по службе. Сразу скажем: таким читателям книгу Фран-

чески Петрарки читать, может быть, и не стоит, им привычнее усвоить сочинения «экстрасенсов», Карнеги или ещё что-нибудь в этом же роде. (Впрочем, и рецепты Карнеги помогают далеко не всем, а натурам щепетильным и с высокими духовными запросами они даже могут оказаться противопоказанными.) А вот усвоение произведений Петрарки духовному развитию не помеха. Как и всё его творчество людям, сколь угодно культурным, невредно. Кстати, любителям (разного рода) чтения гений Возрождения посвящает специальную главу. Поэтому, прежде чем купить увесистый, прекрасно изданный том «О средствах...», стоит узнать об этом мнение самого Петрарки:

«Одни приобретают книги, чтобы учиться, а другие – чтобы иметь удовольствие тщеславно хвалиться ими. Бывают и такие, которые книгами украшают (здесь и далее выделено мною. – М. М.) свои покои, словно утварью, хотя они изобретены для украшения умов... Есть и такие, которые, уверяя, что они собирают книги, служат своей алчности – эти самые плохие, они видят в книгах не их истинную ценность, а товар. Это опасная зараза; она только что появилась...»

Если вы ещё не образумились и не уняли зуд приобретения книг, добавлю ещё «антирекламы» цитатами:

«РАДОСТЬ. У меня бесчисленное множество книг.

РАЗУМ. Бесчисленные заблуждения, одни из которых создают нечестивые издатели, а другие – невежественные. Первые идут вразрез с религией, благочестием и Священным Писанием, вторые противоречат природе, справедливости, нравственности... достоверности исторических событий, а все вместе – истине...»

И ещё. *«Бывают и такие, которым кажется, что они знают всё, что написано в книгах, раз эти книги есть у них дома, и когда случается упомянуть о чём-либо, говорят: «Такая книга стоит у меня в шкафу» – и думают, что этого достаточно, словно книги одновременно у них и в голове».*

Пожалуй, ещё «добью Петраркой» ваше, может быть, не исчезнувшее желание покупать книги:

«РАДОСТЬ. Я храню множество превосходных книг.

РАЗУМ. Ты держишь в оковах множество пленников...»

Надеюсь, эти аргументы РАЗУМА уже дали вам (пусть пока и одно) средство от превратностей судьбы! А если мы примем к сведению совет (средство), относящееся к скоморохам, то, право же, в нашей жизни определённо меньше станет превратностей, сиречь бед. И в жизни нашей страны, и на Земле вообще. Разумеется, если удастся понять их до конца.

«РАДОСТЬ. Я наслаждаюсь шутками скоморохов.

РАЗУМ. Намного благороднее наслаждаться музыкальной гармонией и вообще каким-либо свободным искусством, а то, чем ты наслаждаешься, только полно суевы и нечестивостей.

РАДОСТЬ. Мне приятны скоморохи.

РАЗУМ. Я предпочёл бы, чтобы тебе были приятны бедные и униженные, а ещё лучше – одиночество.

РАДОСТЬ. Скоморохи меня смешат.

РАЗУМ. *А не ты ли их? Сколько раз скоморох смеялся над смеющимся господином! Сколько раз, дивясь глупости восхищённого зрителя, он выдумывал что-нибудь якобы для него, а на самом деле для своего собственного наслаждения».*

Далее гениальный Петрарка разоблачает демагогию «скоморохов-юмористов» и их апологетов – критиков и искусствоведов, и сравнивает «скоморохов» с... «паразитами», у которых, по мнению классика, «один закон». Вам это ничего не напоминает?

«За короткое время и самые благородные из искусств низко пали, я уж не говорю о скоморошьем; оно стало таким, что вкус его поклонников теперь, несомненно, испорчен, а оценка его ошибочна, ибо они следуют за теми, кто хорошо знает дурное и кому неведомо хорошее. А те, кто любит низменные развлечения, непривычны к благородным занятиям». После этого, верно, становится уже вполне понятным высказанное чуть выше утверждение, что с принятием этого «средства» превратностей на Земле станет меньше? Если не станем слушать пошлых «скоморохов» на бесчисленных каналах, не понесём им кровные на концерты с «испорченным вкусом».

От каких напастей ещё могли бы уберечь «средства» Ф. Петрарки? Прежде всего, от тех, которые многие искренне принимают за благо. Вот, например, какие мысли он доводит о ростовщиках: *«Они думают, что бессовестность открывает им тропу на небо... чем богаче ростовщик, тем он нечестивее, и его алчность настолько больше, насколько больше его бесчестие».* Это опять-таки не я сказал, это сказал Петрарка. А в примечании переводчицы Лукьяновой приводится и такой факт: *«Когда Катона спрашивали, хорошо ли отдавать деньги в рост, он ответил: «А убить человека?»»*

Интересно узнать, как «поэт любви» Петрарка относится к браку, к женщинам? С восторгом и с поклонением, соответственно? Судите сами: **«РАДОСТЬ.** *Я торжественно отпраздную второй брак.*

РАЗУМ. *Если бы ты доподлинно знал, что такое женщина или что пишут о ней великие мужи, то не вступил бы и в первый брак».* Неожиданно? Может быть, он был... женоненавистником? Право же, не стоит делать опрометчивых выводов по одной цитате. Её я лишь для интриги привёл.

Пожалуй, значительно улучшится наша жизнь, если мы не станем желать смерти своему врагу. Потому что *«ожидать»* (здесь, скорее, в значении «желать».— **М. М.**) *смерти врага или вообще радоваться чьей-либо смерти позволительно только тому, кто сам бессмертен...»* *А ожидать смерти другого, которая с тобой может приключиться раньше, или радоваться тому, что с врагом произошло то, что неизбежно произойдёт с тобой,— это неразумное ожидание* (здесь, видимо, в значении «желание».— **М. М.**) *и пустая радость».*

Столь же пуста и вредна, по Петрарке, месть кому-либо. В самом деле, зачем убивать того, кто и сам, без твоей помощи, когда-нибудь умрёт? А желание мести разрушительно лишь для самого вынашивающего план мести.

Кстати, Петрарка, известный всем как поэт, большинство произведений создал в прозе на латинском языке. По традиции свое-

го времени (заимствованной из античности) книга (точнее, это две книги в одном томе) написана в форме диалогов, весьма живо (хочется сказать «просто», но трепет перед великим автором не позволяет использовать это довольно точное слово), тексты изобилуют бытовыми анекдотами, вставными новеллами, упоминаниями исторических фактов и цитатами из других великих авторов-предшественников, что способно основательно расширить представления читателя (даже осведомлённого) о древних временах и эпохе Возрождения, скорректировать взгляды на прошлое и... век нынешний. Интересно, что иногда Петрарка строит свои длинные фразы-предложения целиком из нескольких цитат мудрых предшественников и разных источников. Это также не может не восхищать.

В одной из фраз диалогов Петрарки я, скажем, усмотрел зародыш романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», в другой – одно из крылатых выражений, привычно приписываемых у нас Карлу Марксу, но принадлежащее, по сообщению Петрарки, Терцинию.

Всего же в томе двести пятьдесят четыре главы-темы. (Это не считая двух предисловий, вступления и двух указателей имён.) У многих живущих на Земле, которым достаточно родиться, поест, одеться, жениться, урвать и быть с почётом похороненными, столько вопросов и за всю жизнь не возникает! Другим же (не столь «цельным» натурам), особенно «рефлексирующим интеллигентам», будет весьма интересно (как минимум) и (вполне вероятно) полезно прочитать советы от таких превратностей судьбы, как неродная мать, распутная жена, развращённая дочь, коллекционирование драгоценных камней (если такая возможность вообще случается у интеллигентного человека), надежда на славу после смерти (есть ли что-нибудь более неактуальное и нелепое?), поиски душевного покоя, позорное происхождение, надоедливая жена, бесплодная жена, зависть, сын, оказавшийся неродным, отсутствие друзей, несправедливый суд, глупый коллега (тут, думается, многие встрепенутся), подагра, тревожные сны, мысль о самоубийстве (вот что глупее и неактуальнее, чем даже надежда на славу после смерти!), похоть, бездетность. Так что на поверку выходит: издание является не только выдающимся памятником литературы, но и для читателя не поверхностного, вопреки сказанному нами ранее (в пятом абзаце), может стать действительно практически полезным средством от превратностей судьбы!

Для подтверждения ещё несколько цитат, способных привести к переосмыслению – переоценке возникшей, кажущейся невыносимой ситуации.

«ПЕЧАЛЬ. Я предан друзьями.

РАЗУМ. Думаю, ты был предан врагами».

«Устрани причину зла – и ты устранишь всякое зло».

«ПЕЧАЛЬ. Я потерял невесту...»

РАЗУМ. Ты не потерял невесту, а узнал, что она не твоя».

«Люди всегда сетуют на современные нравы». Такая вот новость от Сенеки, переданная нам недовольным Петраркой, который, обратив внимание, ни разу не присвоил себе чужих мыслей. Тепереш-

ним бы авторам если уж не такой же талант, то хотя бы такую же скромность!

«Самый благородный вид мести – вообще отказаться от неё».

Сочинение, по аннотации, *«предназначено для философов, филологов, историков, искусствоведов и – что принципиально важно – всех, кто интересуется итальянским Возрождением и гуманизмом».* Однако, на мой взгляд, для куда большего круга людей, в частности, оно будет интересно и для тех, кто интересуется нашим временем – параллелей тут просматривается множество.

Книги, переведённые Лукьяновой, представляют нам Петрарку прозаиком, психологом, аналитиком (начинаешь подумывать, что, может быть, вовсе не Фрейд – основоположник психоанализа и даже не Достоевский, а Петрарка.)

Том «Средства...» – заодно и замечательный учебник логики. Несмотря на то, что автор не в восторге от логики формальной – обличает софистов, – его-то доказательства неопровержимы, как апории Зенона, то есть тренируют мозг и (повторимся) развивают культуру самого мышления.

Перевод Л. Лукьяновой имеет довольно солидную научную базу.

Одно это говорит о колоссальности труда переводчицы.

Но... всё-таки она же (напомним) выполнила перевод! Выходит, знатоки латыни, способные братья за титанов Возрождения и древности, могут жить не только в столицах. (Кстати, об относительной ценности места рождения и проживания человека для масштаба его личности неоднократно (!) пишет сам Петрарка.) И хотя читаются тексты с увлечением, легко, возникшее, было, соображение-допущение о «лёгкости» труда переводчика как-то исчезает. Ей надо же было одновременно обеспечить точность передачи мысли, адекватность идеи-образа, занимательность чтения, в какой-то степени сохранение «аромата» старины и «латунное» звучание латинской речи! Да ещё и не в ущерб автору.

И ведь всё это (в немалом объёме: более шестисот большеформатных, «без картинок», страниц) Лукьяновой достигнуто!

Закончим же соображения о вышедшей замечательной книге и её переводе ещё двумя, несомненно, практически полезными рекомендациями Петрарки на каждый день.

«НАДЕЖДА. Я надеюсь на лучшие времена.

РАЗУМ. Почти все времена хороши, так как их Творец всегда одинаково добр. Но хорошими временами вы всегда плохо пользуетесь, и в этом, как и во всём другом, вашу вину приписываете обстоятельствам. Сделай, чтобы люди были хорошими – тогда будут хорошими и времена».

Ибо *«...для приверженцев добродетели всё является лёгким».* (Кстати, уж не поэтому ли Л. Лукьяновой «легко» далась огромная работа? Может, это прямое, пусть и частное, подтверждение верности афоризма великого итальянца?)

Елизавета
ДАНИЛОВА

Образ времени

Е. Русланов. *Годы и коды. Лирическая хроника.* — Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2016. — 284 с.

«Годы и коды» — восьмая книга саратовского поэта Е. Русланова. Интересно игровое (зарифмованное) заглавие этого сборника. Как следует из аннотации, он представляет собой избранное, лирическую хронiku 1994–2014 годов. Героем этой книги является время, лирически и символически переданное и отражённое в этих стихотворениях. «Годы» проявляются при помощи «кодов» — «системы условных обозначений или сигналов для передачи информации», как сказано в одном из эпиграфов к изданию. Разделы книги представляют собой годовые циклы (иногда цикл включает несколько лет), развивающиеся от месяца к месяцу, т. е. стихи представлены в хронологической последовательности в каждой из частей.

Стихи Русланова вписаны не только во временной, но и в литературный, и в литературоведческий контексты. Импульсом для создания многих стихотворений становятся жизнь и творчество писателей, филологов, композиторов. Автор выстраивает символическую картину их творчества. Лирическими героями становятся Шопен, Рублёв, Пушкин, Волошин, Рубцов, Замятин, Петров-Водкин. Великие деятели культуры, художники и поэты. Классики и современники.

Особенность большинства стихотворений, помещённых в «избранное», заключается в том, что написаны они одновременно и «на случай» (по случаю какого-то события), и для характеристики сути произошедшего, подчёркивания главного в образе человека и времени.

Вообще все стихи, опубликованные в книге «Годы и коды», можно поделить (разумеется, условно) на три категории.

Первая — это стихи-посвящения, сочетающие элементы раёшного и классического стиха, с меняющимся стихотворным размером (разным количеством стоп), с глагольной рифмой. Они одновременно производят впечатление лёгкости — даже импровизированности — написанного и глубоко проникают в суть биографии, жизни творческого человека.

Ко второй категории можно отнести «стихи-события» (связанные с конкретными фактами биографии и характеризующиеся теми же поэтическими особенностями).

В-третьих, это стихотворения, касающиеся переживаний и чувств лирического «я», написанные в проработанной классической манере. Подобных произведений в книге немного, но, признаюсь, что именно такие стихи мне больше всего по душе. «Снег в саду растаял, / и ручей журчит. / Музыка простая / Бытия звучит...»

От всей книги исходит ощущение лёгкости и волшебства, устремлённости к небу, вечному, постоянному природным циклам. Стихи, обращённые к природе, вряд ли можно назвать «пейзажной лирикой» в традиционном смысле этого слова, так как природа здесь становится прежде всего отражением состояния человеческой души, скорее символом, чем подробным изображением. Но тем ярче на фоне символических картин смотрятся детали, созданные с помощью метафорических эпитетов, таких, например, как «бессмертный татарник»... Стоит отметить, что в книге «Годы и коды» есть много творческих удач и художественных находок: необычных, индивидуально-авторских определений, метафор, сравнений.

Но и кажущейся банальности («Синее небо, зелёная трава...» — первая строка одного из лучших стихотворений в сборнике) автор не боится и не избегает, так же, как и приблизительных и глагольных рифм, которые «уравновешиваются» использованием слов сложных, несущих абстрактный смысл («симфонийность», «прана», «перспектива»), преобладанием книжной лексики.

Радует стремление автора к гармонии, к ударности финалов (концовок) произведений и самих циклов, уверенность: «В слове истинном, живом — спасенье, / Путь поэта — изо тьмы на свет...» Пожалуй, в этом и заключается главное достоинство книги: в романтическом, контрастном и одновременно светлом изображении времени.

**Василий
КУРЫШОВ**

ЗАПИСКИ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Продолжение.
Начало в №№ 9–10, 11–12 2016

1939 ГОД

29 января. Сейчас нахожусь дома, в Карабулаке. Теперь мне не нравится домашний уклад жизни со всеми её оттенками и сторонами. Опишу родителей и их жизнь. Отец – рабочий в «Кожсиндикате», получает 100 рублей в месяц. Мать – домохозяйка. Хозяйство – две козы, два козлёнка, три овцы, один ягнёнок, несколько кур, ну и кошка с собакой. Мать с отцом не стараются повысить своё образование, особенно мать. Отец хоть книг очень мало читает, но регулярно просматривает свою районную газету «Колхозная правда». Но мать, кроме хозяйства, ничем не интересуется и ничего не знает, а на природные явления смотрит глазами церкви, хотя и не очень исполняет религиозные обряды.

Далеко не гигиенические условия жизни отталкивают меня от родительского дома. В остальном было бы довольно сносно, хоть и бедно. Я и прежде ругался с матерью из-за чистоты. А теперь мне ещё больше бросилась в глаза нечистоплотность здешняя, когда я пожил в чистоте.

4 февраля. С конца прошлого декабря у меня появилась склонность подчёркивать, отмечать на полях книг важные места, чтобы легче было найти интересное, не просматривая второстепенного. До этого я прежде как-то не додумался. Раньше, как и сейчас, я наиболее интересные для меня выдержки записывал целиком в особую тетрадь. Этим я занимаюсь сравнительно давно, и различных сведений у меня накопилось две тетради. Другая появившаяся у меня особенность – это стремление заучивать наизусть интересные меня цитаты. Раньше я даже не думал об этом.

5 февраля. Читал книгу К. Фламариона «Атмосфера». Вот книга! Я бы сказал – это увлекательный роман. Я привык слышать, что учёные, крупные ли, мелкие, пишут обыкновенно каким-то сухим языком. А Фламарион, хоть он

и был, кажется, довольно видным учёным в своё время, но пишет как большой художник слова.

12 июля. Давно уже не писал. Времени не было. Весенние экзамены я сдал на «отлично». Интересно, я заметил, что во второй половине года я занимаюсь и сдаю всегда лучше... Мне не хотелось быть отличником. Никогда я им не был и не хотел стать, и как-то неудобно было стать вдруг отличником. Я же учил материал не для того, чтобы сдать, а для того, чтобы знать.

25 июля. 21 июля к нам приехал Иван Царёв. Он учится в военноморском училище в Севастополе, а сейчас получил месячный отпуск и вот разъезжает везде, тем более дорога ему бесплатная. Встретились мы как старые товарищи. Я сразу же заметил огромную разницу между мной и им, притом с худшей стороны для меня. Вот человек, который может нравиться всем без исключения, не говоря о девушках. Почему? Да просто, я думаю, потому, что он смел, не знает застенчивости, очень легко вступает в разговор с другими людьми, в разговоре держится очень свободно, непринуждённо, спрашивая собеседника и много рассказывая сам. Его способности вести разговор я завидую.

10 августа. Я хочу сейчас что-нибудь сделать, что принесло бы пользу или мне, или кому-то. Но что сделать? Я не знаю. Конечно, я без дела сложа руки ни часу не сижу, что-нибудь да делаю, но ведь это всё мелочь. Я хочу сделать что-то более крупное, конечно, не для того, чтобы получить известность, прославиться. Нет. Было время, и сравнительно недавно, когда очень желал прославиться. Сейчас же это у меня из головы постепенно ушло. Быть полезным, но быть и малоизвестным. Пусть бы люди знали только, что есть какой-то К., который много сделал полезного для народа, но кто это такой, никто бы не знал до самой смерти. Замечательно это было бы...

27 августа. Сегодня узнал из газет, что 23 августа между нами и Германией заключён договор о ненападении сроком на 10 лет. Это сообщение меня привело в восторг. Да и как же, ведь какие напряжённые взаимоотношения СССР с Германией так успешно и выгодно для нас разрешились! Особенно я торжествовал, когда узнал, что этот договор вызвал смятение в правительстве Японии.

31 августа. Вчера приехал в Саратов. Не зря я неохотно ехал сюда из дома. Около общежития всё выгорело, нет никаких цветов, трава сухая. Поместили нас в четвёртую секцию, в комнату с плохим оборудованием, с плохим соседством: самые беспокойные во всём общежитии студенты.

Когда я шёл на станцию 29 августа, встретил Тосю Кремневу. Она девочка общительная, весёлая, разговорчивая, красивая довольно-таки и при этом неглупая. В противоположность моей стеснительности с другими девушками, я с ней общался охотно. К сожалению, ехали мы не в одном купе.

17 сентября. Знаменательный, исторический сегодня день: наше правительство (исходя из того, что польское правительство капитулировало, скрывается) уничтожило договор между нами и Польшей и отдало утром приказ занять Западную Белоруссию и Западную Украину в целях охраны граждан этих территорий. Я с восторгом

гом отнёсся к этим действиям правительства. Что-то будет в мире, особенно в Европе, после этого? Мне кажется, Германия взбесится от этого, ведь из-под носа у неё добычу выхватили. Интересно, как пойдёт наше продвижение, особенно встреча с германской армией? Выполнит ли Германия договор о ненападении? Мне кажется, что до войны у нас с Германией не дойдёт, так как это не в интересах Германии, ведь восточный фронт будет ликвидирован, и германские войска перебрасываются на западный фронт, где создаётся серьёзное положение. А вот если Германия полезет к нам, тогда ей капут. Это, конечно, моё личное мнение.

22 сентября. Ожидания мои в отношении Германии не оправдались. Мне кажется, Гитлер в своей речи в Данциге указал, что Германия нашими действиями даже довольна. Об отношении к этому других больших государств не сообщается. Из речи Гитлера понятно, что Англия очень недовольна действиями советского правительства. Ну так что ж, зато весь народ наш доволен тем, что мы освободили народы Западной Украины и Западной Белоруссии, что площадь СССР увеличилась, притом площадь богатая, и что население СССР увеличилось на 11 миллионов человек. В результате наша страна от этого только выиграла.

1940 ГОД

29 января. Ну вот, теперь я нахожусь в отчем доме. Ехал в Карабулак, шёл по улице, и никакого чувства радости у меня не было. Наоборот, думал, что они (родители) живут незavidно, а тут я ещё явлюсь. Они мне писали, что с продуктами у них скверно: хлеба нет, белый очень дорогой (2 рубля 70 копеек). Ну ничего, пока им дают хлеба в ларьке 500–700 граммов.

К счастью для меня, я на каникулы уехал домой: руководство общественной работой я передал другому. Общественную работу я не люблю больше всего на свете, а мне её всё время дают. На 2-м курсе был агитатором в городе. Затем меня выдвинули в члены редколлегии стенной газеты института. От редколлегии я отвертелся. Потом выдвинули меня агитатором на избирательный участок, но потом забыли про меня. И вот теперь этот «уголок»...

Зачем мне это? Работать мне, наверное, придётся агрономом, у меня много влечения к работе непосредственной, в полях, а не в кабинете. Хорошо, если я к тому времени изменюсь в смысле характера.

2 февраля. Каждый день занимаюсь фотографией. В Саратове купил детский плёночный аппарат. Хотя и детский он, но снимать можно прекрасно, особенно для начала. И дешёво, и мило! Сделал несколько снимков, некоторые из них вполне сносные.

Тяжёлое довольно-таки время сейчас. Жизнь сильно вздорожала. Хлеб, правда, есть, но белый – дорогой. В 1937 году можно было достать в Саратове в ларьках хлеб, халву, повидло, сахар, а теперь ничего не стало. А в Карабулаке даже хлеб не всегда есть.

Но куда делись сельскохозяйственные продукты, особенно хлеб? Урожай-то всё больше и больше. Мне кажется, причина в том, что

наше правительство решило пока экономить, запастись пока, ведь время сейчас тревожное. Не исключена возможность войны. И ещё, мне кажется, много продуктов идёт в армию. Много взяли добровольцев, преподавателей и студентов.

13 марта. Сегодня радио принесло радостную весть: между нами и Финляндией заключён мир. Конец войне! Кончилось одно из самых скверных явлений человеческой жизни. К нам по договору отходит наиболее важная часть Финляндии – Карельский перешеек и ряд других пунктов.

11 апреля. Числа 3 апреля возвратились наши добровольцы с фронта, конечно, не все. Трое убиты, один пропал без вести, четверо ранены, лежат в лазаретах. Один из прибывших награждён орденом Красной Звезды, говорят, что ещё двое будут награждены орденами, но, насколько это точно, никто не знает.

5 апреля мы закончили учиться. Теперь сдаём. Это ненормально – нормально в июне, как обычно. Но в этом году всё расписание сломали. Из Москвы с ВСХВ (Всесоюзной сельскохозяйственной выставки) сообщили в институт, что решили послать для участия в выставке обе наши группы, селекционные. Чтобы быстрее пройти учебный материал, учебный день уплотнили, приходилось заниматься не меньше 8 часов.

Но сейчас есть опасения, что в Москву мы не попадём.

2 мая. Опасения в отношении выставки оправдались: вчера узнали, что в институт прислали телеграмму, в которой говорится, что людей укомплектовали и в нас не нуждаются. Вот это мило! Мы с таким нетерпением всё время ждали вызова в Москву, что только и жили последнее время этим. У меня в плане было обойти наиболее важные музеи Москвы, побывать в планетарии и в зоосаде, в Ботаническом, купить полезные мне книги, новый фотоаппарат. И все мечты пошли прахом, оказалось, что они построены на воздушном фундаменте.

3 июля. «И скучно и грустно, и некому руку подать», – как сказал в своё время Лермонтов. Сказал словно обо мне в данное время. Но, чтобы быть понятным, обо всём по порядку. Началась у нас практика. Я выбрал Жирновский район. Мы были направлены в командировки, я взял билет до Жирновки и уехал в тот же день. Приехал в Жирновку в 8 вечера. Спросил, где МТС, встретил агронома, который и разрешил у него переночевать. 1 июля сходил в районный земельный отдел, получил акты апробации, выделили мне пять колхозов, и я выехал на мой конечный пункт – в деревню Софьино, где сейчас и прозябаю.

11 июля. Скука, скука... Делать ничего не делаю, хлеба ещё не созрели.

17 июля. Нужно уже приступить к апробации, а ещё не сделал подготовительную работу: нет агротехника.

19 июля. Вчера приступил к основной своей работе: апробации зерновых в колхозе «Великий перелом».

26 июля. Сегодня завершил апробацию озимой ржи. Целую неделю с рожью провозился. Скоро приступлю к пшенице и другим культурам.

2 августа. С 31 июля начал апробацию пшеницы озимой, но только в двух колхозах, а их ещё четыре.

4 сентября. Я всё время стремлюсь помочь своим родителям. Ведь мне пошёл уже 22 год, и я вполне могу жить самостоятельно. Правда, последние три институтских года на свои деньги они меня только обряжают, кормлюсь же я на стипендию. В этом году мне повезло исполнить свою мечту: помочь родителям. Соответственно приказу я должен получить за свою работу 1420 рублей. Из них потрачу на квартиру – 350 рублей. Израсходую на себя, возможно, рублей 50, а остальные деньги отдам родителям. Представляю себе, как они будут рады!

Кстати, с текущего года я начал понимать суть жизни. Жизнь складывается иначе, чем о ней думаешь в юности. До сих пор, можно сказать, я не сталкивался непосредственно с жизнью. Жил на средства родителей и государства. О жизни других людей не задумывался, обо всём судил по литературе. А в литературе освещается только небольшая, положительная часть жизни. А в действительности всё не так, на самом деле всё куда менее отрадно и сложно. И жизнь во всей своей сложности представляется мне далеко не в радужном свете.

11 сентября. Ну наконец-то могу облегчённо вздохнуть – закончил апробировать. Ещё осталось получить деньги в МТС и завтра уехать отсюда. И хорошо бы к 15 сентября прибыть домой.

12 сентября. Сейчас я думаю только об одном: как бы отсюда выбраться. Сегодняшний раз убеждаюсь, как иногда плохо бывает несмелому. На моём месте менее застенчивый мало бы и раздумывал, как уехать отсюда, ведь из Софьино завтра идёт машина с хлебом. Кроме того, много других подвод ходит на станцию. Я же не смею попросить посадить меня на автомобиль или на подводу с зерном, т. к. сознаю, что они и так, без меня, перегружены.

Всё же завтра утром схожу на ток, где грузят зерно.

Давно я заметил в отношении себя, что я многому могу научиться, но что-то одно изучить в совершенстве я не способен. Взять, к примеру, игру на венской двухрядке. Она у меня с 1930 года, но играю я на ней и сейчас немного пьес, притом многие плохо, хотя и слух у меня прекрасный. На других музыкальных инструментах совсем не умею играть. Но когда я долго не играю на гармонии, то при случае начинаю играть как бы запоем, с внутренним подъёмом, но со временем звуки как бы теряют свой лоск, свою былую, настоящую прелесть, красоту, делаются будто бы однообразными, буднично-серыми, и у меня пропадает охота играть.

Пробовал рисовать, но могу только срисовать с готовых рисунков, хоть и при большой кропотливости. Это не рисование, а копирование. Рисовать же с натуры я не могу, так как я не могу уловить в объекте суть, основное, а вдаюсь в мельчайшие детали, даже несущественные. Особенно же плохо обстоит дело с рисованием «от себя», с фантазированием. Уж тут-то у меня дело совершенно не ладится.

25 сентября. Ну вот я и там, куда так стремился: в родительском доме. Приехал сюда 17 сентября. Всё-таки уехал из Софьино. Утром 13 сентября пошёл на ток – откуда ходят подводы с зерном. Сказа-

ли, что можно, ну я и уехал в МТС. Получил денег больше, чем предполагал. При расчёте – около 1450 рублей, а всего за время работы – 1600 рублей. Родителям отдал 1300 или больше, не считал. Само собой разумеется, родители были довольны, что я столько денег привёз. А я никакого приятного чувства не испытывал. Мне кажется, что моя работа слишком переоценена. Ведь апробация не особенно тяжела или трудна.

Уехать-то я уехал из Жирновского района, но дела своего ещё не оформил – не получил отзыва о своей работе. Ещё не знаю, какую оценку получит мой труд.

Как приехал сюда, так на другой день сходил на почту и просил провести радио. Вскоре дело было сделано (за 60 рублей), но говорить радио начало только сегодня: всё электричества не было. А пока слушаю его безотрывно – это же прекрасное средство пополнения своих знаний!

1 октября. Прожил дома полмесяца. Ничего не делаю. Ничем, кроме радио, не занимаюсь. В кино ни разу не ходил. Если пойдёшь в кино, то уж наверняка встретишь какую-нибудь знакомую личность, а я близорук и могу её не узнать. А очки не ношу – стесняюсь. Надеваю их только тогда, когда один. Ведь в очках людей мало, особенно в деревне, на это смотрят как на что-то особенное, считают за признак слепоты.

4 октября. До чего замечательная забота нашего правительства о народе, о трудящихся! Каждый день почти выносятся постановления, свидетельствующие, насколько внимательно и с отеческой заботой следит оно за каждым шагом трудящихся, так что теперь каждый гражданин нашего прославленного государства слишком чувствует эту заботу. До сих пор мы, студенчество, находились как бы несколько обособленно от других слоёв общества: нас почти все постановления мало касались, их силу мы не особенно чувствовали. Вчера стало известно, что правительство вдруг спохватилось, да и вспомнило о нас.

9 октября. Сейчас я уже более равнодушно настроен к закону о том, что в 8–10 классах за учёбу будут платить, а студентам в стипендии отказано, и, кроме того, придётся платить 300 рублей в год. Ничего себе, хорош закон! И на чём основан он – на улучшении материального положения трудящихся?!

Да, теперь будет жизнь студентов самой прескверной. Да и кто сможет учиться-то? Лишь те, у кого родители побогаче – опять, как и раньше, дети верхушки общества. А таланты останутся неостребованными, будут снова прозябать где-нибудь на заводе. Я понимаю, конечно, что заводам необходимы квалифицированные рабочие. Но всё же тех студентов вузов и специальных средних учебных заведений, которые уже набраны, учатся на 2-м и выше курсах, следовало бы довести до конца на прежних условиях, иначе многим из них придётся бросать учёбу. Нас, учащихся на пороге выпуска, бросают посреди дороги, можно сказать, на произвол судьбы.

Нам, студентам 4-го курса селекционного факультета, будет ещё по сравнению с другими хорошо, так как мы в СХИ получим при-

читающуюся нам стипендию за последние четыре месяца (это около 700 рублей, заработали мы приличную сумму денег), да и учиться нам придётся в этом году месяцев пять, потом уйдём на практику. Нам в этом году поистине выгорело, так что я пробьюсь до конца и получу высшее образование.

28 октября. Завтра еду в Саратов. Не совсем мне охота туда ехать, потому что я не люблю переезжать с багажом. Одна канитель и стеснение в действиях. Но переселение в Саратов должно изменить мою жизнь, рассеять мою хандру.

4 ноября. Нахожусь в Саратове, в СХИ. Никаких особых изменений нет. Я думал, что большинство студентов побросало учиться, разъехалось. Но нет, бросают учёбу в основном только с первого курса, с других же курсов почти не бросают. Но в каком скверном положении оказались те, кто без денег! Берутся за самые различные работы: становятся лаборантами, работают гардеробщиками, грузят уголь, разбирают картофель на складе...

Интересный анекдот сочинили студенты Москвы, когда узнали о постановлении о стипендии. Один студент, чтобы заработать, пошёл в цирк на работу какую-нибудь. Его спросили: «Что же ты умеешь делать? Акробатом быть сможешь?» – «Нет». – «Боксёром?» – «Нет. Давайте я буду обезьяной». Нарядили его в шкуру обезьяны. Посадили в клетку. Через некоторое время наш злополучный студент видит, что к нему в клетку пробирается леопард. Бедная «обезьяна» так напугалась, что чуть не обмерла со страху, дрожит как от морозу. Вдруг слышит: «леопард» заговорил человеческим голосом: «Не бойся меня, я студент четвёртого курса».

Я посмеялся над этим анекдотом, но подумал, что некоторым студентам впору хоть этим заняться, лишь бы закончить институт.

А каких было девушек набрали в институт – просто прелесть! Интересно, я замечаю, что с каждым набором, с каждым годом девушки красивее предыдущих. На нашем же четвёртом курсе нет ни одной чем-либо замечательной девушки: все некрасивые, при том что некоторые какие-то болезненные, щуплые, другие, хоть и здоровые на вид, но с некоторыми отталкивающими чертами.

Сейчас я ещё не принялся за занятия, за домашнее учение, хоть мы и занимаемся с 1 ноября. После праздников примусь за работу. Преподавать у нас будут восемь предметов, из них три можно не посещать (лекции): животноводство, фитопатологию и луговодство. Я пока все лекции посещаю. В дальнейшем видно будет.

28 ноября. Ребята спят, я же ложусь обычно в 12 часов 30 минут, слушаю «Последние известия». Сейчас 11.30, значит, в моём распоряжении ещё час. За это время можно было бы кое-что подучить, но я решил взять дневник и сделать запись в него кое о чём, а именно о том, чем я на самом деле не занимаюсь, – о девушках.

В прошлое воскресенье дело обернулось так резко, как я и не ожидал. Собрался в кино, смотрю: за Костей в комнату входит девушка. Незнакомая, знаю только, что она живёт на нашем этаже. До сих пор я видел, что знакомые мне девушки не осмеливаются со мной разговаривать таким фамильярным тоном, как эта, словно я старый зна-

комый. Я дал согласие идти в кино, потому что уже собрался. Туда и обратно у нас с ней разговор особенно не клеился. Она не интересовала меня нисколько, и я так и не узнал, что она за человек. Только противно, что она вела себя как лучшая моя приятельница, без всякой застенчивости.

1941 ГОД

27 января. Только что прочитал книгу Байдукова «О Чкалове». Вот был замечательный человек! Чем больше узнаёшь о великих людях, тем больше убеждаешься в собственной никчёмности. В нашей жизни много пустого мусора, от которого не знаешь, как освободиться, до того наша жизнь ограничена...

6 февраля. Сегодня уезжаю в Саратов. Приехал в Карабулак 24 января, каникулы у меня до 10 февраля, но нужно срочно заплатить за обучение за второе полугодие, иначе дело может обернуться очень плохо: директор грозит неплательщикам исключением.

24 февраля. Не далее как через неделю уезжаем на практику. Весь март сдаём. В этом году у меня гораздо хуже дело обстоит, чем в предыдущие годы: отличная отметка была всего одна, да ещё одна «посредственно». Такие неважные успехи у меня потому, что я в этом году понизил свои старания, считал, что я стипендии всё равно не добьюсь, а на практике заработаю денег для оплаты обучения.

В этом году на практику я еду в Ивантеевский район, в совхоз «Тракторист». Это голая сухая степь в левобережье. Помимо этого предполагается ещё одна неприятная сторона дела: от товарищей я слышал, что в «моём» совхозе начальник одного из отделений обладает плохой репутацией. Я догадываюсь, что попаду именно в это отделение, потому что с плохим начальником и агрономом перестал работать, и эту брешь хотят заткнуть мной.

Я должен буду работать агрономом отделения. Оклад 350 рублей плюс 15 рублей суточные. Хорошо бы заработать хотя бы тысячи две, чтобы просуществовать на будущий год, не тревожа родителей.

2 апреля. Завтра еду в совхоз.

9 апреля. В совхозе в общежитии комендант поместил меня в одну из лучших комнат. На следующий день я познакомился со старшим агрономом совхоза – Андросовым. Он сообщил, что меня ждали уже давно, что меня определяют на самый трудный, 5-й участок. Оказалось, что он говорил с Агibalовым и просил прислать ему наиболее опытного агронома со стажем. Агibalов рекомендовал нас по нашему желанию, я же, не зная предстоящих условий, попал, можно сказать, к чёрту на рога.

Кроме меня, приехали на практику ещё два студента и две студентки.

В воскресенье в мою комнату вселили прибывшего из Москвы представителя наркома, который приехал с целью проверить готовность совхоза к севу. Поговорили с ним о международной обстановке, потом общались ещё. Замечательный человек, жалко, что так быстро уехал.

5-й участок находится в 12 км от основной усадьбы. Состоит из одной мастерской, одной скотной базы, одной конюшни, одной школы, одной конторы, одной бани и 11 жилых домов. Мне отвели квартиру. Вечером на производственном собрании директор представил меня как нового агронома. Ещё сказал, чтобы все меня окружили должным вниманием и чтобы я работал здесь, а не миндальничал.

Я как-то слишком спокойно отношусь к предстоящей неизвестности, и мне кажется, это не к добру.

Пишу сейчас, а в животе урчит – в уборную требуется, а уборных здесь нигде нет. Как они живут без уборных? Общий вид усадьбы здесь такой: стоят отдельные дома без дворов, без пристроек. В отдалении от них находятся хлева, вернее, подобие их, до того безобразные, что я не нахожу слов. В них полно навоза, и мимо них опасно ходить, не зацепив жижи в галоши. С потолка, очень низко, течёт талый снег. И вот сюда-то я раз в день и хожу оправляться, больше некуда.

Неудачно у меня сложилось с квартирой и питанием. Поместил меня управляющий на приличную, правда, квартиру, но хозяйка недовольна, что к ним поместили меня, а не к кому-нибудь другому, не хочет готовить мне пищу – будто за неимением надлежащей посуды, и стирать бельё – будто нет мыла, хоть себе стирает. Готовить пищу уже взялась другая женщина из другой квартиры. Плюс ко всем бедам, баня не работает: дров нет, топить нечем. А помыться очень следовало бы, даже голову больше недели не мыл. Да ещё хозяйка плохая попалась: воду не греет, хоть бы в избе помыться. В общем, попал я в такие условия, что хорошо будет, если я отсюда вырвусь благополучно.

11 апреля. Дело моё и обстановка, меня окружающая, несколько проясняются. Оказывается, составление планов не так уж и страшно, как мне показалось сначала. Для их составления даются форма и основные данные из центральной усадьбы. Прежний агроном, по словам директора, здесь палец о палец не ударил. Получается, что меня поставили для исправления этого дела, и будет неприятно, если я его окончательно провалю.

Рабочие здесь старательные, а условия для работы здесь плохие. Вагончик для жилья вместо трёх только один, нет стульев, столов, чашек, умывальника.

Особенностью нынешней весенней посевной является то, что почти одна вторая посевной площади идёт по весновспашке, сев растянулся на 16 дней (вместо нормы в 5–6 дней!).

Весна оказалась затяжной, снега в степи очень много, сегодня подморозило, и не установились ещё условия для полевых работ.

Местечко, в которое я попал, глушь в полном смысле этого слова. Когда я был в институте, то предполагал, что в совхозе должно бы быть более культурно, чем в колхозе. Здесь, правда, в центральной усадьбе есть и кино, и библиотека, и радио, а в отделениях ничего нет. Сюда даже кинопередвижка почти не заглядывает. И за всё время здесь я увидел только один номер новой газеты – её привёз побывавший в центральной усадьбе бухгалтер. Письма сдают, отво-

зит их тот, кто едет в центральную усадьбу. В общем, связь с внешним миром поддерживается здесь очень слабо и случайно. Сейчас я совершенно не знаю, что происходит во внешнем мире. Знаю, что за последнее время Германия вступила в войну с Югославией, а как дело идёт, что нового на земном шаре – совершенно не знаю.

Вчера познакомился с одним хлопцем, Егором Головиным, у которого есть гармонь. Он её принёс сюда, в квартиру, и я довольно долго играл на ней – хоть этим разнообразить свою жизнь немного.

Кто мои хозяева? Хозяин (вернее, он мой сосед по койке, т. к. и он находится на казённой квартире) тракторист Портянкин Пётр – довольно невзрачный человек, робкий в действиях, но добрый, простодушный и довольно приветливый, насколько ему позволяет его робость. Хозяйка (Настя) представляет собой довольно своеобразный тип человека, который я ещё не видал. Это всегда ворчащая всё и на всех женщина. Редко она засмеётся и пошутит, и то как-то неумело. Всё время кричит на детей (у неё дочь и сын), но они не слушаются и делают, что хотят.

13 апреля. Постепенно знакомлюсь с людьми. Меня здесь с первого же дня заинтересовал Максим Савин, тракторист, замечательный парень, передовой человек на работе и в разговоре хороший собеседник.

16 апреля. Большую часть своей жизни я прожил в сельской местности и знал будто бы сельскую жизнь, но теперь мне стало грустно оттого, что я обманулся несколько в ожиданиях: агроном находится здесь в плохих условиях, чувствуется недостаток в механизации работ, да ещё зависишь от капризов природы. Жаль, что я пошёл в сельскохозяйственный институт. Правда, когда я шёл туда, то думал, что там будет легче учиться.

23 апреля. Сегодня я впервые в жизни ездил верхом на лошади. Правда, не впервые, если точнее говорить: помню, ещё в раннем детстве мне приходилось не более как 2–3 раза садиться верхом на лошадь и немного проехать на ней, в основном шагом. С тех пор я ещё ни разу не садился на лошадь, а теперь, когда сюда приехал, то узнал, что здесь придётся много ездить верхом. Я был не против, но всё-таки несколько боялся того дня, когда придётся это сделать. К счастью, всё обошлось как будто благополучно. Дали мне седло, и я поехал тихой рысью. Только неуверенно в седле себя чувствовал и несколько раз терял равновесие, когда лошадь убыстряла шаг. Проехал по жнивью, так лошадь даже замучилась вытаскивать ноги из почвы.

Мне кажется, что для самостоятельной руководящей работы я непригоден. Почти нет такой работы, которую я выполнил бы по своей инициативе – всё меня подталкивает на неё кто-нибудь другой, главным образом, управляющий. Возможно, в дальнейшем, когда я практически всё узнаю, мне будет легче.

26 апреля. Дал мне задание агроном – начать борьбу с вредителями с/х. Я сразу решил, что к вылавливанию сусликов нужно привлечь школьников. Но потом отложил пока что и почти забыл про это, а сегодня вспомнил, что завтра выходной и самый раз школь-

никам вылавливать идти. Но уже поздно: сегодня суббота, и занятия у них подходят к концу. К тому же я заметил за собой, что если я сразу смело берусь выполнять решение, то всё получается, а если откладываю и тяну, то чем дальше, тем больше у меня возникает нерешительность. Боюсь, что и теперь дело с сусликами загложнет. Но ещё и неприятно становится, что придёт время, и меня спросят: «Как у тебя, Курышов, идёт дело с борьбой с сельхозвредителями?» Врать я не могу, а оправдаться нечем.

24 апреля. У меня произошла ошибка в деле. Управляющий послал меня переворачивать с рабочими солому на поле. Я пошёл. На первом поле – по зяби – нельзя было работать: почва была очень старой, и ноги тонули в ней. Нумерацию полей я не знал, поэтому решил, что рядом лежащее поле, о котором управляющий мне говорил, находится через дорогу. Я велел рабочим перейти туда и сжечь солому. Когда управляющий узнал про мои действия, он с шумом напустился на меня, и рабочие тоже были восстановлены против меня. Оказалось, что я попал на люцерну, где пахать не предполагается. Досталось мне основательно, но всё же я не молчал, а объявил, что ещё не знаю, где что расположено, а он не потрудился дать мне достаточных указаний.

После этого я хоть и чувствовал себя не в своей тарелке, но упаднического настроения не бывало.

В поле всё ещё не выезжаем: погода плохая. Составляю стенгазету. Вчера выпустил первый номер. Наконец-то в этом деле оказался я наиболее активным. Хоть здесь.

Получил письмо от родителей и от Лиды Коняшкиной. В ответе Лиде я что-то так расписался, так разоткровенничался, как со мной, пожалуй, ещё не бывало.

30 апреля. Весь период весенних работ по графику составляет 18–19 дней. Этот план я разработал при наличии семи тракторов ЧТЗ и двух СТЗ и при включении боронования озимой ржи. Прошлый год здесь рожь посеяли очень поздно, и в основном она всходит только сейчас. Угла кущения она не образовала. Интересно, что с ней будет в дальнейшем. Ввиду такого состояния озимых подвергать их боронованию рискованно.

Вот уже месяц, как я здесь. Почти незаметно прошёл. Осталось ещё четыре месяца моего заключения. Наверное, всегда бывает так, что окружающее бедно содержимым, а остальную пищу для ума дают произведения искусства. Хорошо бы научиться правильно сочетать реальную действительность и действительность переработанную. И хорошо бы такое сочетание происходило у каждого человека с детства.

2 мая. Вчера рабочие праздновали 1 Мая. По мне, лучше бы не праздновали: водку пили, кривлялись, драку затеяли. Праздники были самыми скверными днями, прожитыми здесь. В моём понимании праздник – это день, когда хорошо отдохнёшь, поразвлекаешься чем-нибудь, когда время проведёшь в своё удовольствие и на пользу себе самому. Смотрю я на здешних обитателей, и невольно скучно, безрадостно становится: никакого средства, способа развлечения, скрашивания жизни, кроме водки, они не имеют и не знают.

Я здесь, как всегда, остаюсь верен себе: ни капли спиртного не выпил, несмотря ни на чьи ухищрения.

1942 ГОД

29 декабря призван в армию.

1943 ГОД

5 февраля. Выехал из Морозовского леса (около Коломны).

7 февраля. Выехал со станции Голутвин на фронт.

15 февраля. СЗФ (Северо-Западный фронт), под Старой Руссой.

6 мая. Куковала кукушка.

13 мая. Цвела мать-и-мачеха.

19 мая. Цвели смородина, вишня, набухли цветочные почки сирени.

5 июня. Цвели ландыш, шиповник, брусника, малина.

7 июня. Цвела калина.

21 июня. Поспевают земляника.

8 июля. Начала кое-где зреть малина (лес).

18 августа. Неудачное наступление на Старую Руссу.

27 октября. Ночью сильный мороз, застыли лужи, иней, не растаяло в тени и днём.

28 октября. С утра пасмурно, мало дождя, затем крупа.

6 ноября. Выпал небольшой снег.

20 ноября. Снег.

21 ноября. С утра снег.

5 декабря. Выехали с района Редьи в тыл.

7 декабря. Прибыли на ст. Круженкино Калининской области.

1944 ГОД

5 марта. Погрузились на станции Круженкино для отправления на фронт.

11 марта. Выгрузились на станции Няозеро (Кандалакское направление).

20 марта. Выехали к горе Пограничной.

28 марта. Вернулись к озеру Тюлень (в 85 километрах от Кандалакши).

6 апреля. Цвёл вечнозелёный кустарничек.

21 апреля. Ночью шёл снег.

24 апреля. Шёл с утра снег. После его окончания на нём появляется множество мелких насекомых, вроде трипсов (но без крыльев), говорят, признаки скорого таяния снега.

15 мая. Топографисты полка выехали на работу по развитию артиллерийской опорной станции 71-й км (озеро Каменное).

23 мая. Пурга.

26 мая. Появились щёточки травы, появились лягушки.

5 июня. Выехали на погрузку на станцию Няозеро.

8 июня. Погрузка на ст. Няозеро.

10 июня. Разгрузка на разливе Шоткуса.

22 июня. Форсировали реку Свирь левее города Лодейное Поле.

25 июня. Ожидаем баржи на Ладожском озере. Путь наступления после Свири: Лодейное Поле, Старая и Новая Свирская слобода, Ужо озеро, г. Олонец, Тимойла, Нурмолицы, Сяндеба, Нини-Сельга, Тигвери, Панни-Сельга, Ламба, Наволок, Мутовка, Кинелахта, произошёл первый бой, река Видлица – форсировали, Пульчейло, Кохту-Сельга, Берёзовый Наволок, р. Тулема-Йоки, (убит капитан Федоренко), Кяснеськья, Уома, за озером по дороге на север – Хопонен, обратно к г. Питкяранта.

30 июля. Полку вручён орден Красного Знамени. Мне присвоили звание ефрейтора.

3 августа. Возвратились на старое место.

4 сентября. Утром въехали в Петрозаводск. Расположились в двух километрах севернее города.

7 сентября. Выехали из Петрозаводска на север.

10 сентября. Прибыли в Мурманск.

11 сентября. Моросит дождь, очень холодно, в ночь – мороз.

12 сентября. Остановились вблизи озера (километрах в восьмидесяти западнее Мурманска).

13 сентября. Расположились под г. Б. Кариквайвишь (км в 3–4 юго-восточнее его).

17 сентября. С 8 часов утра в течение двух часов велась артподготовка (авиации не было).

30 сентября. Сержант Щетинин Николай уехал в Ленинградское ордена Ленина Краснознамённое артучилище. Я – командир отделения.

8 октября. В 8 часов утра заняли г. Б. Кариквайвишь. Мы двинулись через него вслед за отступавшим немцем. На горе очень хорошие каменные укрепления с ходами, сообщениями, множество землянок в полный рост. Всё, кроме землянок, совершенно разрушено, разбито, живого места нет. Множество трофеев: продукты, хозяйственная утварь... Видно, очень богато жили, но пленные какие-то исхудалые, сухие.

Продсклады на горе подобны киргизским юртам: круглые, светлые, тёплые.

Специфический запах всех жилищ немцев – карбид кальция.

9 октября. Ночь очень морозная, лужи и озёра у берегов затянуло крепким льдом. Переночевали западнее города Карикв. Живём на трофейных продуктах: консервы, галеты. Примерно в 10 часов утра двинулись дальше по немецкой дороге.

10 октября. Заночевали у одной горы. Рано утром двинулись к реке Титовке. По пути валяются брошенные немцами туго набитые вещмешки.

11 октября. Остановились за рекой Титовкой. По пути множество землянок из камня и торфа, гаражи, фанерные сараи. Везде масса бумаг, книг по всем отраслям знаний, и больше всего художественных. Приобрели вторую трофейную машину.

13 октября. Весь день стоим на месте. Немцы упорно сопротивляются, часто стреляет 6-ствольный миномёт «осёл». Действительно,

звук при стрельбе подобен рёву осла, а мины рвутся, мрачно и жалобно завывая.

15 октября. В 4.00 взят Петсамо танковой бригадой при поддержке артиллерии. Тронулись дальше в глубь Финляндии.

22 октября. Рано утром бомбили. Всё благополучно.

25 октября. Продвигаемся дальше. Противник отходит, взрывая дороги.

28 октября. Начал работать кружок самодеятельности.

После взятия Никеля в последние дни пошла не война, а, как говорят, «хреновина одна». Противник бежит, за ним следуют пехота и лёгкая артиллерия, а нам и делать нечего.

29 октября. Получил от отца три письма. В одном фото. Домой он приехал 9 октября. Инвалид 2-й категории – отняли руку по левое плечо ввиду заражения крови. Ранен он был при штурме города Ковель.

30 октября. Переходим в тыл.

7 ноября. Встретили праздник на старом месте. Рядовым было дано по 150 граммов водки и усиленный обед (суп обычный, хорошая рисовая каша, несколько оладий с чайной ложкой жира из консервов).

11 ноября. Приехали в Мурманск. Куда двинемся дальше, неизвестно. Держатся слухи, что отправят нас на Дальний Восток, на войну с Японией. Я этому не верю, и вот почему: мы ещё не разделились с основным врагом – Германией, да и Японии нет смысла ввязываться в войну с нами.

Говорят ещё, что поедем на отдых в Петрозаводск.

18 ноября. По слухам, весь фронт направляется в Восточную Пруссию.

5 декабря. Путь наш: Мурманск–Беломорск–ст. Обозёрская–Ярославль–Иваново. Дальнейший путь неизвестен.

1945 ГОД

1 января. Сегодня смотрели фильм «Свинарка и пастух», развлекались. Дежурный по взводу, я долго сидел над составлением занятия с разведчиками.

5 января. Отец в письмах пишет, что живут они пока не так и плохо. Мачеха хоть и была с грудным ребёнком, всё же на огороде вырастила 300 тыкв, капусты нарубила, помидоров насолила и огурцов по кадке, свёклы полон погреб, только картошки мало – рак поел. Запасла дров, наделала кизов, сены для коровы запасла на всю зиму. Одно плохо: рана у отца болит ещё, ходит три раза в неделю на перевязку. Сын их в хорошем состоянии, начал ходить.

7 января. Сегодня младшим командирам выдают новые гимнастёрки, шинели, ботинки, погоны.

10 января. Пришёл командир топовзвода – младший лейтенант Крылов. Встреча была очень занимательная. Он спросил меня, я ли агроном и где обучался. И мы оба несказанно удивились и пришли в недоумение, когда узнали, что учились вместе, только он на плодовом отделении. Но узнать друг друга не смогли и не вспомнили друг о друге.

13 февраля. Наш взвод выехал на привязку боевого порядка на стрельбище.

24 марта. Сегодня в пять часов уехали от нас Горожанкин Станислав Матвеевич, Афанасьев, Илькухин. Кроме них из полка выбыли все старики, их возраст – больше пятидесяти лет. С ними мы пробыли с начала образования полка, свыклись, сжились, словно родные... Они едут в распоряжение РВК, некоторые – домой.

13 апреля. Сегодня мне присвоили звание сержанта.

6 мая. Вот уже 5 месяцев как мы здесь находимся. Ходят разговоры, что числа 18 мая наконец-то мы должны переехать куда-то, как будто под Москву. Пора бы уж куда-нибудь... Закисли уже здесь. Скорее бы завершить войну и прийти к определённом концу. И всё-таки мне кажется, в этом году мне придётся пробыть в армии.

9 мая. Сегодня утром узнали, что закончилась война с Германией. Утром по этому случаю был митинг.

Переехали на новое место – в Щемиловские лагеря, в 30 км от Москвы.

2 июня. Сегодня вручили комсомольские значки. Считается почётным носить значок, но я с неудовлетворением принял его, т.к. этим открыто показывается, что я красноармеец великовозрастный. Давно бы мне уже быть коммунистом, но меня тяготит чувство неволи, связанное с членством в ВКП (б).

3 июня. Как досадно, что в армии зачастую дураки могут закон писать! И ты с такими ничего не поделаешь – ты ничто, ты бесправен. На «гражданке» разве бы так со мной разговаривали? Я бы срезал одним словом и считаться с ними не стал бы. Желание иметь возможность бороться с сумасбродством, дрянью, которые будут мешать налаживанию мирной жизни, и толкает меня вступить в партию.

5 июня. Сегодня вечером на завтрак получили продукты по девятой норме: шпик, конфеты круглые по 50 граммов. Сразу же приступили к делёжке.

12 июня. Какое-то томительное, тревожно-тоскливое, угнетающее настроение. Ждём парада 22 июня, а затем – сессию Верховного Совета СССР.

14 июня. Вчера в 21 час выехал на тренировку в Москву. С гаубицами мы двинулись в столицу, где проехали по улице Революции по четыре машины в ряд. Перед выездом из лагеря выдали другие гимнастёрки, шаровары, ремни, перчатки, под сумки и каски.

19 июня. Утром, в 9 часов, получил медаль «За победу над Германией» (удостоверение № 00018431).

21 июня. Вчера утром была проверка нашей готовности к параду: проехали через Красную площадь. Кроме центра, Москва мне внешне не понравилась: улицы узкие, здания разнообразные, порой беспорядочно разбросанные и мрачные. Может, сказалась война? А вот что замечательно в Москве – это метро. Это прелесть!

23 июня. Вручали медали «За оборону Северного Заполярья» (удостоверение № 000506).

24 июня. Сегодня в 12 часов был Парад Победы, в котором участвовали и мы. Почти весь день шёл дождь. Мы вымокли и промёрз-

ли. Но, несмотря на плохую погоду, улицы Москвы были запружены народом. Как ни плохи были условия парада, всё же впечатления от него остались значительными.

В расположении в честь этого дня выдали по 120 граммов водки.

Ждём демобилизации. Много разговоров на этот счёт.

2 июля. Был у Лиды Деревянкиной в общежитии. Она меня познакомила со своими подругами. К вечеру сходили в кино («Девушка спешит на свидание»). Потом ещё немного поговорили. Лида произвела на меня хорошее впечатление. Недурна собой и неглупа, хотя особого остроумия не замечаешь.

7 июля. Сегодня утром провожали первую партию демобилизованных (33 человека).

25 июля. Прошлую неделю и два дня этой недели топовзвод работал на заводе «Акрихин» (с. Купавка) по разгрузке и загрузке вагонов химическими веществами. Возвращаться в часть мне чрезвычайно не хочется из-за одной молодой особы, заинтересовавшей меня. Её зовут Тоня (фамилии не узнал). Она проявила живейший интерес ко мне, и мы теперь с удовольствием с нею болтаем.

30 июля. Завтра выезжаем по направлению к Минску. Жалко, но ничего не поделаешь.

1 августа. Почти закончили погрузку, и тут меня позвали к телефону – это была Тоня. Договорились встретиться на полпути отсюда до Купавки.

12 августа. Поздно вечером 7 августа мы узнали по радио, что наша страна объявила войну Японии. Это известие было воспринято нами не только безо всякого уныния, но, наоборот даже, с твёрдой уверенностью в быстрой и окончательной победе.

21 августа. Уже значительное количество раз виделся с Тоней. К настоящему времени более определённо выяснил её отношение ко мне. Она продолжает мне так же нравиться, как и прежде, если не больше. Родом она из деревни в Смоленской области, но уже 10 лет как выехала оттуда, год работает на заводе «Акрихин», имеет семилетнее образование. Отец её умер в 1937 году, семья большая: она, мать, старшая сестра и две младших, и ещё брат, моложе Тони, фронтовик. В семье отношение ко мне как будто доброжелательное. Мне кажется, Тоня «обожглась» на ком-то: что-то в выражении её лица есть особенное, что заставляет насторожиться. Но ясно, что сейчас у неё нет другого молодого человека и что она заинтересована во мне.

26 сентября. Вчера был в Москве, смотрел в Центральном кинотеатре новый фильм «Без вины виноватые».

28 сентября. Вышел указ о демобилизации второй очереди, касающийся и меня. Всего из взвода демобилизованы восемь человек. Я решил сразу ехать домой, к отцу.

19 октября. Демобилизовался.

6 ноября. С вечера 31 октября нахожусь в доме отца. 20 октября получил документы, но не хотел ехать вместе со всеми, т.к. хотел окончательно выяснить взаимоотношения с Тоней. С утра 20 октября послал за водкой. Принесли для взвода 1 литр спирту и для штабных

работников 0,5 л (всего за 360 рублей). Вечером со взводом устроили хорошие, тёплые проводы, все были довольны. Зашёл к Тоне утром 21 октября и от неё уехал в Москву. Перед тем у нас с Тоней вышла размолвка: я от неё уже с месяц ничего не получал, плюс к тому однажды Космаков видел с ней какого-то лейтенанта. Всё это скверно на меня подействовало, и я решил порвать с Тоней.

Но вот в начале октября я неожиданно получил от неё по почте письмо, в котором она пишет, что писала мне несколько писем, отсылала их с нашими ребятами, но почему-то от меня ничего нет, и приглашала меня к себе. Я не поверил её утверждениям и сразу же написал ей резкую отповедь, которая на неё очень сильно подействовала. Но потом обстановка окончательно прояснилась, и восстановились прежние отношения. Договорился, что приеду за ней, когда устроюсь в жизни, узнаю, как дела у отца, и найду работу. Я убедился, что Тоня – здравомыслящая, неиспорченная девушка, но всё же что-то сердце не на месте...

17 ноября. Ходил в Балтай выправить свидетельство о рождении. Балтай изменился в худшую сторону, везде разрушения и запустение. Меня очень огорчило, что церковь – эту красавицу Балтая – разрушили. Это же замечательный памятник прошлого! Таких красивых церквей я нигде не видел, даже во Владимире и в Москве. Церковь сломали, а рядом начали строить школу – и не достроили.

18 ноября. В пятницу Р. Г. (мачеха) ходила в Ниловку гадать к прибывшей туда цыганке-чернокнижнице. Та угадала, что наша семья состоит из четырёх человек, что у нас было две кражи (украли 8 овчин с погребницы), сказала имена воров: Мария и Анна, и ещё мужчина и женщина; сказала также, что украли ближние и вскоре ещё будет кража. Гадают, говорят, на зеркале.

Всё это заставляет меня думать, что какие-то таинственные силы существуют в природе, которые науке ещё неизвестны.

24 ноября. У отца мне живётся неплохо. Пока ничего не делаю, кроме как по хозяйству, и помогаю отцу в выделке овчин. Но всё же чувствую я себя здесь словно в гостях.

26 ноября. Получил первое письмо от Тони. Настроение сразу улучшилось.

27 декабря. На работу всё ещё не поступил, слишком скверное время для поступления на работу: зима. А Тоня, наверное, ждёт, когда я устроюсь на работу и приеду за ней. Недавно, 24 декабря, я получил от неё фотокарточку. Пока домашним сказал, что это «московская знакомая», а то ко мне здесь постоянно пристают с вопросами о женитьбе.

1946 ГОД

1 января. Первый день Нового года. Обычно в этот день подводят итоги, попробую и я сделать подобное.

Почти весь год я пробыл в армии в тылу. Сначала стояли в Гороховецких лагерях Ивановской области. Полк формировали из новобранцев, мы же, топографы, занимались повышением своих знаний. Крылов крепко за это дело взялся, особенно за теоретическую

часть. Я исполнял обязанности командира отделения, помкомвзвода и старшины. 13 апреля мне присвоили звание сержанта. 8 мая из Гороховецких лагерей переехали в Щемиловские лагеря. Перебросили нас для участия в Параде Победы. Период жизни в Щемиловских лагерях связан с лучшими воспоминаниями. 24 июня участвовали в Параде Победы. В Москве я познакомился (до этого переписывался) с Лидой Деревянкиной, но она не произвела на меня впечатления. А главное то, что на заводе «Акрихин» я познакомился с замечательной девушкой Тоней Никифоровой. Она мне сразу чрезвычайно понравилась.

С 27 июля по 15 августа находился в Алабинских лагерях, участвовал в стрельбах, вот там нам, топографам, досталось больше всех. Работали и работали.

В октябре меня неожиданно демобилизовали. «Может, останешься? – спросил майор Леонов (Замкомандира полка по строевой части). – Мы тебя пошлём учиться». Но разве я мог променять волю на неволю?! И демобилизовали меня. Вместе с сибиряками.

Перед отъездом я простился с Тоней. Всё вышло как нельзя лучше. Несколько дней я провёл у Никифоровых, а с 1 ноября до конца года – дома, у отца. Вот и весь мой 1945 год. Самым важным в нём я считаю, конечно, демобилизацию и знакомство с Тоней. Интересно, что-то решится в этом году?

6 января. Мне сшили хромовое пальто. Обзавожусь необходимым обмундированием, что для меня важно будет, если я поступлю на работу. Скорее всего, не в Карабулаке (здесь работы нет), а в других районах.

8 января. Второй день Рождества. В Карабулаке все живут старинной, не признавая за праздники праздники нового календаря, справляя свои старые. Укоренившаяся привычка не хочет уступать место силе разума.

17 января. Только что получил письмо из части. Из стариков-топографов осталось четверо: Иванов, Вовк, Веклич и Халява. Иванов пишет, что настали для них горькие времена: людей мало, работы много, и Иванову, хоть он сейчас и командир, приходится стоять часовым и работать на кухне. Он пытался протестовать, но получил от комбата только пять суток ареста. Процветает воровство. Хорошо, что я вовремя выбрался из полка.

19 января. Сегодня Крещение. Р. Г. к обеду принесла водки, и в честь праздника хотели её распить. Отец с Линой выпили по рюмке, а я отказался. Не стал пить и вылез из-за стола. В результате из-за этой рюмки между нами произошёл скандал. Что за глупый обычай у выпивающих обижаться на непьющих!

2 июля. После продолжительного перерыва берусь за дневник. Я нахожусь на прежнем положении: на работу не поступил. Прекратилась переписка с Тоней: она бросила писать мне. Ну раз она первая разорвала наши отношения, то моя совесть чиста. Я втайне желал, чтобы какая-нибудь причина разъединила нас. На мои предложения поддерживать дружеские отношения она ничего мне не ответи-

ла. Наверное, подвернулся ей другой паренёк. Я же до сих пор хожу «незанятым».

21 сентября.

Числа 10 августа приезжала сестра Р. Г. – Мария Григорьевна, с мужем, Евгением Ивановичем, и дочерью Томусей. Узнаю новую родню. Родственники Р. Г. – бабушка Евдокия Малофеевна, Володя с женой и семья Кузнецовых – нравятся мне больше, чем своя семья. Томуся жила у нас до 25 августа, очень развитая и умная девушка. После 25 августа я поехал её провожать до Сызрани. Доехал благополучно, прожил у них до 3 сентября. Познакомился ещё с одной «родственницей» – неродной сестрой Томуси Капой. Хорошая девушка, учится в мединституте в Куйбышеве на 3-м курсе.

Сегодня утром слушал интересную передачу по радио: выступление товарища Жданова, посвящённое журналам «Звезда» и «Ленинград», вызванное тем, что в них печатались Зощенко и Ахматова. Может быть, я бы ничего интересного в этом выступлении и не нашёл, но главное, что меня заинтересовало, это характеристика Зощенко как пошляка, мелкого человечка в литературе – характеристика, подобная той, которую я составил о нём сам. До этого я, судя по тому, что Зощенко печатают и усиленно читают со сцены, думал, что моё мнение о нём – мнение одиночки, тем более что все окружающие о нём отзывались с восхищением, читали его с охотой. Вот потому-то я и встретил с восторгом критику Жданова и раозоблачение Зощенко. Удивляюсь тому, как люди более развитые, чем я, могли до сих пор Зощенко и ему подобных печатать, не только зря тратя средства, но и засоряя сознание читателей. Обязательно нужно было стукнуть им по лбу со стороны ЦК партии!

Продолжение следует.

*Екатерина Балицкая.
«Портрет девочки»*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Художник – Екатерина Балицкая.

Подписано в печать 22 февраля 2017 года.

Дата выхода в свет 28 февраля 2017 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 08/21027

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 69-54-41.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2017.

© «Волга–XXI век», 2017.

РАБОТЫ ЕКАТЕРИНЫ БАЛИЦКОЙ

«Ни о чём не думай»

«Игра в прятки»

Екатерина Балицкая. «Поцелуй»

